

ален де боттон

НОВОСТИ

инструкция
для пользователя

*От автора бестселлеров
«Искусство путешествовать»
и «Опыты любви»*

Annotation

Почему мы смотрим новости? Что нас так в них привлекает и заставляет проводить столько времени у телевизора или монитора компьютера?

Новости повсюду. Мы не можем игнорировать их, делать вид, что они не влияют на нашу жизнь. Но самостоятельно разобраться в потоке информации, научиться читать между строк то, что скрыто по цензурным соображениям, и понять, что действительно ценно, а что призвано отвлечь от важных проблем, практически невозможно.

Ален де Боттон не просто делится своими наблюдениями, он помогает найти ответы на сложные вопросы. Именно поэтому «Новости» нельзя назвать просто книгой. Это удивительное исследование, помогающее лучше узнать окружающий мир.

-
- [Ален де Боттон](#)
 -
 - [I. Предисловие](#)
 - [II. Политика](#)
 - [Скука и путаница](#)
 - [Капелька надежды](#)
 - [Страх и злость](#)
 - [Плохиши и плохое](#)
 - [Навязываемые идеи](#)
 - [III. С миру по нитке](#)
 - [Информация/воображение](#)
 - [Подробности](#)
 - [Фотографии](#)
 - [IV. Экономика](#)
 - [M2 и утопия](#)
 - [Новости для инвестора](#)
 - [V. Звездная пыль](#)
 - [Восхищение](#)
 - [Зависть](#)
 - [Жажда славы](#)
 - [Издержки славы](#)

- [VI. Катастрофы](#)
 - [Трагедия](#)
 - [Происшествия](#)
 - [Природа](#)
 - [Новости о здоровье](#)
 - [VII. Потребление](#)
 - [Рестораны, путешествия, бытовая техника...](#)
 - [Культура](#)
 - [VIII. Заключение](#)
 - [Персонализация](#)
 - [Новости изнутри](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
-

Ален де Боттон

Новости. Инструкция для пользователя

Alain de Botton
The News – A User's Manual

© Alain de Botton 2014. This edition published by arrangement with
United Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *Виктора Вебера*
Художественное оформление серии *Петра Петрова*

I. Предисловие

1.

Никакие инструкции тут вроде бы и не требуются, потому что то, о чем пойдет речь, наиболее естественное, очевидное и заурядное действие, присущее человеку, как способность дышать или моргать.

После определенного промежутка времени, обычно не длиннее ночи (зачастую же гораздо более короткого, а если нам особенно тревожно, удержаться удастся лишь десять или пятнадцать минут), мы прерываем наше текущее занятие, чтобы *посмотреть новости*. Мы ставим наши жизни в зависимость от получения очередной дозы особо важной информации о самых значительных достижениях, катастрофах, преступлениях, эпидемиях и любовных неурядицах, выпавших на долю человечества в любом уголке нашей планеты после того, как мы узнали обо всем этом в прошлый раз.

Нижеследующий экскурс – попытка показать, что эта повсеместно распространенная и знакомая привычка гораздо более неестественна и потенциально опасна, чем представляется.

2.

Долг и обязанность новостей – познакомить нас с самым необычным и важным, что случилось в мире: снегопадом в тропиках, любовью ребенка к президенту, рождением сиамских близнецов. И, однако, при всем стремлении отыскать необычное, уникальное, чего умело избегают новости, так это привлекать внимание к самим себе и тому доминирующему положению, которое они заняли в нашей жизни. «Половина человечества зачарована новостями» – такой заголовок мы никогда не увидим и не услышим от новостных структур, которые при этом всегда стремятся к тому, чтобы держать нас в курсе выдающегося и достойного внимания, вредоносного и шокирующего.

Общества становятся современными, предполагал философ Гегель, когда новости заменяют религию в качестве основного источника

руководящих указаний и становятся главным авторитетом. В развитом экономическом обществе новости теперь занимают положение, по меньшей мере равное тому, которое в прошлом отводилось религии. Сообщения отправляются в заранее установленное время со сверхъестественной точностью: заутреня превратилась в информационный выпуск за завтраком, вечерняя молитва – в итоговый выпуск новостей. Но новости не просто следуют квазирелигиозному распорядку. Они также требуют, чтобы мы относились к ним с тем же благоговейным ожиданием, какое ранее испытывали к вере. Здесь тоже мы надеемся прикоснуться к откровениям, узнать, что хорошо и что плохо, понять глубину страданий и осознать логику существования. Здесь тоже отказ от участия в ритуалах может привести к обвинениям в ереси.

Новости знают, что нужно для того, чтобы скрывать свои механизмы воздействия и, таким образом, избегать лишних вопросов. Они обращаются к нам естественным, бесстрастным голосом, вроде бы не навязывая своего мнения. И сознательно скрывают от нас, что не просто *докладывают* об окружающем мире, но постоянно заняты тем, что создают в нашем сознании новую планету вкупе со своими, зачастую сильно разнящимися приоритетами.

3.

С детских лет мы получаем образование, чтобы оценивать силу образов и слов. Нас водят в музеи и с важным видом сообщают, что некоторые картины давно умерших художников могут трансформировать наше представление о мире. Нам предлагают образчики поэзии и прозы, которые могут изменить нашу жизнь.

Странно, однако, что люди редко пытаются просветить нас насчет слов и образов, которые ежечасно предлагают нам новости. Признается, что гораздо важнее понимать сюжет «Отелло», чем уметь расшифровывать первую страницу «Нью-Йорк таймс». Мы наверняка услышим об особенностях использования цвета у Матисса, но едва ли нам расскажут об эффекте публикации фотографии знаменитости в «Дейли мейл». Нас не поощряют задуматься, а что может произойти с нашим мировоззрением под влиянием таблоида «Бильд» или журнала

«ОК!», газет «Франкфуртер альгемайне цайтунг» или «Хоккайдо симбун», «Тегеран таймс» или «Сан». Мы не проводим систематических исследований экстраординарной способности средств массовой информации воздействовать на наше восприятие реальности и формировать состояние того, что мы можем – без всяких сверхъестественных ассоциаций – называть нашей душой.

При всех разговорах об образовании современные общества пренебрегают изучением наиболее эффективных средств, с помощью которых члены общества это образование получают. Что бы ни происходило в наших учебных классах, более действенный и практически непрерывный поток образовательной информации поступает по радиоволнам и с экранов. В учебных классах мы проводим только первые восемнадцать лет жизни, а оставшуюся часть – под неусыпным оком новостных структур, которые оказывают на нас несравненно большее влияние, чем любой академический институт. Как только наше формальное образование завершено, у нас остается только один учитель – новости. Это единственная значимая сила, которая задает тональность общественной жизни и формирует наши впечатления об обществе, находящемся вне стен нашего дома. Новости – главный созидатель политической и социальной реальности. Как прекрасно известно революционерам, если необходимо изменить умонастроение страны, незачем идти в картинную галерею, департамент образования или к знаменитым писателям. Танки направляются к нервному центру политики: штаб-квартире новостей.

4.

Почему мы, аудитория, продолжаем включать новости? Немалую роль в этом играет страх. У наших дурных предчувствий есть особенность набирать силу, если мы даже ненадолго отрезаны от новостей. Мы знаем, сколь может произойти ужасного и как быстро: разрыв топливной магистрали самолета «А-380», и он уже падает в бухту, объятый пламенем; вирус африканской летучей мыши преодолевает межвидовые барьеры и проникает в вентиляционную систему переполненной японской пригородной электрички; инвесторы обрушивают одну из основных валют; еще один обманчиво кажущийся

обыкновенным отец убивает двух своих очаровательных малолетних детей.

В непосредственной близости от нас, возможно, царят стабильность и мир. В саду ветерок покачивает ветви сливы, а пыль медленно ложится на книжные полки в гостиную. Но мы понимаем, что такая безмятежность не соотносится с хаотичными и неистовыми принципами существования, а потому через какое-то время она сама по себе вызывает нарастающую тревогу. Возвращенное на жизненном опыте осознание возможности катастрофы объясняет шевелящийся в нас страх, заставляющий направлять мобильники в сторону ближайшего приемопередатчика и ждать появления заголовков. Должно быть, то же самое ощущали наши предки в предрассветные часы, гадая, найдет ли солнце снова дорогу на небосвод.

Но во всем этом присутствует и определенный элемент наслаждения. Новости, какими бы ужасными они ни были, – и не исключено, что особенно жуткие делают это еще эффективнее, – могут облегчить бремя клаустрофобии, которое каждый из нас взваливает на себя, пытаюсь ужиться с самим собой, найти оправдание пробуксовке собственного потенциала, убедить нескольких людей из ограниченного круга общения в необходимости воспринимать твои идеи и потребности всерьез. Сверяться с новостями – все равно что подносить к уху морскую раковину, чтобы тебя сокрушил рев человечества. Возможно, это – выход из нашей поглощенности поисками решений, гораздо более тяжелых и настоятельных, чем те, которые мы привыкли принимать, и благодаря новостям эти ужасные тревоги заглушают дурные предчувствия и сомнения, касающиеся непосредственно нас. Голод, затопленный при наводнении город, серийный убийца на свободе, отставка правительства, предсказание экономиста о появлении в следующем году очередей за хлебом и прочие кошмары, – возможно, именно то, что необходимо нам, чтобы обрести душевный покой.

Сегодня новости сообщают нам о человеке, который заснул за рулем автомобиля, допоздна засидевшись за компьютером, изменяя супруге в Сети, слетел с моста, пробив ограждение, и убил семью из пяти человек, проезжавшую в «Универсале» по шоссе под этим мостом. Другой сюжет рассказывает о студентке, красивой и перспективной, пропавшей после вечеринки, расчлененное тело которой пятью днями позже обнаружили в багажнике такси. Третий раскрывает подробности

любовой связи тренера по теннису и его тринадцатилетней ученицы. Все эти случаи, в которые определенно вовлечены люди с психическими отклонениями, позволяют нам гордиться собственным здравомыслием и чувствовать себя счастливыми. Мы отворачиваемся от них и ощущаем облегчение оттого, что наша жизнь такая предсказуемая и размеренная, любые необычные желания мы подавляем в корне или держим под жестким контролем, а потому у нас не возникает и мысли отравить коллегу или зарыть родственника во внутреннем дворике.

5.

И что все эти новости со временем творят с нами? Что остается после нескольких месяцев, даже лет, проведенных с ними? Для чего нам все эти волнения и страхи: из-за пропавшего ребенка, дефицита бюджета, нарушившего супружескую верность генерала? Помогают ли все эти новостные истории стать мудрее, если не считать неопределенных и достаточно рутинных выводов вроде: Китай на подъеме, Центральная Африка коррумпирована, системе образования необходима реформа?

Мы не настаиваем на решении этих вопросов, что было бы признаком нашей духовной зрелости. Мы представляем себе, что это неправильно – просто выключить новости. Трудно отказаться от привычки, которая начала формироваться в ранние годы жизни, когда мы, скрестив ноги, сидели на школьных собраниях, вежливо слушая авторитетных людей, рассказывающих о том, что они считают особенно важным.

Вопрос, почему новости важны, не означает, что на самом деле они не важны вовсе, но предполагает, что надо подходить к потреблению новостей более разборчиво. Эта книга – описание, классификация и перечень встреч с новостями. Она построена вокруг составляющих новостей, поступающих из разных источников, которые сознательно подвергаются более глубокому анализу, чем хотелось бы создателям новостей, основанному на допущении, что эти составляющие достойны изучения ничуть не меньше, чем поэтические или философские строки.

Определение, что же такое новости, сознательно оставлено расплывчатым. Несмотря на очевидные различия между новостными

жанрами, у них также очень много общего, что позволяет говорить о некой общей категории, которая разделяется на традиционные сектора – радио, телевидение, Сеть, печатные издания, – ориентированные, в свою очередь, на правых, левых, интеллектуалов, людей с неприятным вкусом и так далее.

В этом проекте есть и утопическая составляющая. Здесь не только задается вопрос: а что такое новости сейчас? – но и делается попытка представить, какими они со временем могут стать. Мечта об идеальной новостной структуре не предполагает безразличия к современным экономическим и социальным реалиям средств массовой информации. Скорее она вырастает из желания вырваться из круга пессимистичных представлений, с которыми мы так легко смиряемся.

6.

Современное общество только начинает осознавать, какие новости необходимы для его процветания. На протяжении большей части истории человечества добывание новостей представляло собой тяжелый труд, их передача стоила дорого, а потому их воздействие на нашу жизнь неизбежно находилось под строгим контролем. Теперь же на всей планете не найти уголка, где можно укрыться от новостей. Они поджидают нас утром, когда мы только пробуждаемся от тревожного сна, сопровождают нас в самолете по пути с континента на континент, забирают все наше внимание, едва дети уложены в постель.

Гудение и мельтешение новостей просачиваются в глубины нашей души. Теперь миг покоя – это достижение, способность уснуть или поговорить с другом, не отвлекаясь, – маленькое чудо, и только монашеская дисциплина может позволить отключить поток новостей и целый день прислушиваться только к шуму дождя и собственным мыслям.

Возможно, требуется помощь, чтобы справиться с воздействием, которое оказывают на нас новости: с вызываемыми ими завистью и ужасом, волнением и раздражением, с тем, что нам говорят и о чем, как мы изредка подозреваем, нам лучше не знать.

Этим и обусловлено появление этой маленькой инструкции, направленной на то, чтобы избавиться от привычки, которая ныне

кажется слишком уж естественной и безвредной, что должно пойти исключительно нам во благо.

II. Политика

Скука и путаница

«РАСТЕТ ЗАДОЛЖЕННОСТЬ
КВАРТИРОСЪЕМЩИКОВ В ПИЛОТНОМ ПРОЕКТЕ
СУБСИДИЙ

ПОПРАВКИ К ЗАКОНУ ОБ АБОРТАХ НЕ ПРИНЯТЫ

СОВМЕСТНЫЕ УСИЛИЯ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ
ЭКОНОМИКИ

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
ОЦЕНИЛ ИММИГРАЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

РАСХОДАМ СОВЕТА «НЕДОСТАЕТ ПРОЗРАЧНОСТИ»

КОМИТЕТЫ ЗАКРЕПЛЯЮТ МЕРЫ
ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ ПРИ НОШЕНИИ СТРЕЛКОВОГО
ОРУЖИЯ

АНТИНАЛОГОВАЯ ГРУППА ВОЗГЛАВЛЯЕТ
НАСТУПЛЕНИЕ КОНСЕРВАТОРОВ

НАЗНАЧЕНИЯ В ПЕРИОД ПАРЛАМЕНТСКИХ
КАНИКУЛ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПЕРЕСМОТРЕНЫ

ЖИТЕЛЬ СИДНЕЯ ОБВИНЕН В ЛЮДОЕДСТВЕ И
ИНЦЕСТЕ»

Би-би-си

1.

С утра пораньше, еще лежа в постели, человек тянется к экрану и просматривает новости. Скоро придет время душа и привычной суеты,

чтобы вовремя выскочить из дома, а пока есть несколько минут на просмотр новостей.

Печально, но ничего особенно впечатляющего, похоже, и нет. Первый, несколько ставящий в тупик заголовок «Растет задолженность квартиросъемщиков в пилотном проекте субсидий» удостаивается клика – в надежде, что за ним скрывается что-то более интересное, чем

«Задолженность по арендной плате за жилье среди участников пилотного проекта, в рамках которого субсидии выплачиваются квартиросъемщикам, значительно возросла. В целом по району рост задолженности оценивается в 14 миллионов фунтов, если новая система будет распространена на всех квартиросъемщиков. Проект предусматривает выплату субсидий непосредственно квартиросъемщикам, а не владельцам домов, как происходит сейчас, и это ключевая часть планируемого нового Универсального кредита. Департамент трудовых ресурсов и пенсионного обеспечения сообщает, что в случае эффективности его результатов эксперимент будет распространен на территорию всей страны».

Конечно, подробностей больше, чем в заголовке, но интересней от этого не стало. Решение правительства об изменении порядка выплат субсидий на жилье для малоимущих граждан, разумеется, важное: высокоинтеллектуальная новостная структура потратила время и деньги, чтобы донести подробности плана до широкой общественности. Но заинтересоваться этим все-таки сложно.

Обычное дело. Мы часто натываемся на заголовки, вроде бы говорящие о чем-то важном, но нас они совершенно не трогают. Скука и недоумение, возможно, два наиболее распространенных, но при этом и самых постыдных, а потому тщательно скрываемых чувства, которые вызывают «серьезные» политические материалы, которые предлагаются нам новостными структурами современного демократического общества.

Из приведенного выше списка заголовков только один, о людоеде, совершившем инцест, из Австралии, не требует умственных усилий.

Не исключено, что каждый из нас, в глубине души, действительно пустой и безответственный гражданин.

Но, прежде чем заняться самобичеванием, представим, как бы мы повели себя в аналогичных обстоятельствах, если бы, заинтересовавшись заголовком «Мужчина в России консультируется с адвокатом», прочитали следующую статью:

«Три дамы: старушка, молодая и купчиха, и три господина: один – банкир-немец с перстнем на пальце, другой – купец с бородой и третий – сердитый чиновник в вицмундире с крестом на шее, очевидно, ждали уже давно. Два помощника писали на столах, скрипя перьями. Письменные принадлежности, до которых Каренин был охотник, были необыкновенно хороши, чего он не заметить не мог. Один из помощников, не вставая, прищурившись, сердито обратился к Каренину^[1]:

– Что вам угодно?

– Я имею дело до адвоката».

Представьте, что в этот момент история бы внезапно остановилась, и нам предлагалось бы выразить заинтересованность и желание узнать побольше, хотя оставалось неясным, когда появится это «побольше». Вдруг пройдет много недель, прежде чем станут доступны еще десяток строк этой занудной истории?

Не следует надеяться, что у нас может возникнуть искренний интерес к «Анне Карениной», представленной в таком ракурсе, но привычка бросать читателей в какой-то момент в длинном повествовании, а потом вновь привлекать наше внимание к сюжету, не удосужившись объяснить более широкий контекст разворачивающихся событий, заметна во многих наиболее важных сообщениях, касающихся всего нашего общества, будь то выборы, переговоры о бюджете, инициативы в зарубежной политике или изменения в системе государственных субсидий. Не удивительно, что нам становится скучно.

Мы стоим слишком близко. Если привести еще одну аналогию с искусством, представьте себе, что нас попросили открыть глаза в паре миллиметров от неровной голубовато-лиловой поверхности с редкими черными мазками. С этой удачной точки обзора мы легко можем предположить, что перед нами ландшафт Юпитера, или синяк, или отпечаток следа доисторического существа, разумеется, не претендуя на истину. Хотя на самом деле это фрагмент одного из самых психологически убедительных портретов в западном искусстве, тичиановский «Портрет Джероламо Барбариго», только не с того расстояния: этот шедевр открывается во всей красе и притягивает взгляд зрителя, если тот отстоит от него как минимум на метр.

4.

Скука – это новый вызов и ответственность. На протяжении большей части человеческой истории новости уж никак не могли вызвать скуку. Вся новая информация находилась в руках малочисленного и скрытного правящего аристократического класса. Доступ к ней имел крайне ограниченный круг: король, канцлер, командующий армией и руководство торговых компаний.

Кого это волнует?

Тициан. «Портрет Джероламо Барбариго»,
1509 г.

Теперь новости доступны всем, и, однако, колеса нашего любопытства частенько буксуют в густой информационной шуге. Ситуация такова, будто каждое утро перед завтраком строгий и встревоженный слуга прибегает к нам с портфелем, битком набитым поначалу вызывающими недоумение, а под конец ту самую скуку сведениями: «По предварительным расчетам, пять больниц в конце

месяца превысят кредитный лимит», «Центральный банк обеспокоен перспективами дальнейшего заимствования на рынке облигаций», «Китайский боевой корабль вышел из порта, взяв курс на Вьетнам», «Канадский премьер-министр завтра прибудет в Лондон на обед».

Что нам об этом думать? Как это должно откладываться в голове?

5.

Новостные структуры предпочитают не признавать, что каждый день предлагают нам крошечные отрывки повествований, истинная форма и логика которых становятся понятны лишь по прошествии нескольких месяцев, а то и лет, и тогда выходит, что лучше слушать эту историю главами, а не отдельными предложениями. Но новостные структуры исходят из того, что оптимальный вариант – показать размытую и ограниченную картинку в эту самую минуту, чем чуть обождать и получить более полное и объективное представление о происходящем.

Чтобы избежать путаницы в голове, нам прежде всего необходимы качественные указатели. Под заголовком «Мужчина в России консультируется с адвокатом» отрывок из романа – даже такого, как «Анна Каренина», – будет скучен. И однако, если бы нас предупредили, что мы читаем маленький, несколько монотонный фрагмент из выдающейся тысячестраничной книги, исследующей трагические обстоятельства семейной жизни, когда любовную страсть невозможно совместить с домоседством и нормами приличия, мы начинаем воспринимать прочитанное с большим интересом.

Нам нужны новостные структуры, которые будут удовлетворять наше любопытство, показывая, как их маленькие истории укладываются в некие большие картины, способные вызвать подлинный интерес. Чтобы мы обратили внимание на любое информационное сообщение, необходимо знать, куда его «пристроить», то есть как-то связать с тем, что нам уже известно. Если некий отдел человеческого мозга можно представить себе как библиотеку, то в нем информация раскладывается на полки определенных базовых категорий: новости о чем-либо любовном романе попадают на крайне забитую полку с названием: «Человеческие взаимоотношения», история

о внезапно уволенном генеральном директоре – на полку «Работа и статус».

Но с необычными или маленькими историями процесс классификации значительно усложняется. То, что в обиходе называется «заскучать», на самом деле реакция мозга, который, руководствуясь инстинктом самосохранения, отвергает информацию, если не в силах пристроить ее на какую-нибудь из полок. К примеру, можно попытаться понять, как поступить с сообщением о группе китайских чиновников, прибывших в Афганистан, чтобы обсудить безопасность границы в провинции Бадакшан, или об агитации левоцентристов за снижение налогов для фармацевтической индустрии. Но, возможно, нам понадобится помощь, чтобы определить такие вот сообщения-сиротки на те полки, где им самое место.

Именно новостные структуры должны взять на себя часть работы библиотекарей. Именно они должны указывать большие темы, к которым относятся заметки поменьше. Допустим, материал о мелком вандализме, случившемся субботней ночью в провинциальном городке («Автобусная остановка в Бедфорде расписана граффити молодыми вандалами»), может заиграть новыми красками, если будет рассматриваться эпизодом более панорамной драмы «Проблемы, с которыми сталкивается либеральное общество, пытающееся привить нормы пристойного поведения без помощи религии». Аналогично, неудобоваримая статья об очередном случае коррупции в Демократической Республике Конго («Обвинения в откатах в ДРК») станет восприниматься с большим интересом в контексте «Противоречия между западным пониманием государства и африканской идеей клана».

Правильно идентифицированный материал, даже приведенный выше отчет об изменениях в системе государственных субсидий на оплату жилья, получит шанс на признание. В действительности сама статья соответствует заголовку – «Растет задолженность квартиросъемщиков в пилотном проекте субсидий» – в той же степени, в какой «Анна Каренина» – роман о мужчине в России, который консультируется с адвокатом. Речь в ней идет о продолжающихся попытках современного государства найти наилучший способ помощи своим самым бедным гражданам. И это часть продолжающихся уже доброе столетие дебатов, является ли пособие средством сохранения

достоинства и поддержки его получателей или унижает их, потому что ввергает в зависимость. Это всего лишь эпизод повествования, включающего в себя много-много глав и достойного названия «Как дотации влияют на характер», «Психология помощи» или более звучного и абстрактного «Ответственность за нищету».

6.

К сожалению, когда речь заходит о нашей вовлеченности, большинство новостных структур исходят из того, что наиболее важный аспект журналистики – бесстрастное и нейтральное предоставление «фактов». Слоган Си-эн-эн, к примеру, «Мы доводим до вас факты». Нидерландская газета «НРК Хандельсблад» гордится тем, что «сообщает факты, не мнения». Би-би-си позиционирует себя как «самый надежный в мире источник фактов».

Проблема с фактами – не в их надежности. С этим как раз все в порядке. И не в их нехватке. Беда в другом: мы не знаем, что делать с теми, которые уже имеются в нашем распоряжении. Каждый день новости выплескивают на нас очередной их поток: мы узнаем, что международное агентство «Стэндард энд Пурз» пересматривает национальный кредитный рейтинг, государственные расходы выросли, новая конфигурация избирательных округов представлена в соответствующий парламентский комитет, и началась техническая проработка планов строительства магистрали для подвода природного газа. Но что все это в действительности *означает*? Как соотносится с ключевыми вопросами политической жизни? Что эти материалы помогут нам понять?

Противоположность фактам – субъективное мнение. В серьезных журналистских кругах это очень плохой термин. Синоним злему умыслу и авторитарной попытке лишить общество права на свободу выбора.

Но, возможно, нужно с большим вниманием отнестись к субъективному мнению. В чистом виде субъективное мнение – метод оценки событий, который опирается на понятные базовые положения человеческого существования и процветания. Это пара линз, которые скользят над реальностью и, фокусируясь, дают нам более четкое

представление о ней. Субъективное мнение стремится объяснить, что означают события, и представить шкалу ценностей, по которой ранжируются как идеи, так и события. Отказываться от субъективного мнения в принципе – вовсе ни к чему. Задача в том, чтобы извлечь пользу из наиболее достойных и плодотворных его образцов.

Разумеется, понятно, сколько людей, столько и мнений. И многие достойны того, чтобы использовать их в качестве линз, через которые стоило бы смотреть на мир. Мы можем, к примеру, истолковывать новости с точки зрения Уолта Уитмена и Джейн Остин, Чарльза Диккенса и Будды. Можно представить себе толкование новостей через призму психоанализа, сделав упор на чувстве вины и зависти обеих сторон арабо-израильского конфликта. Тот же психоаналитик весьма скептически отнесется к тезису, что страну охватила «депрессия», потому что валовой национальный продукт снизился на одну десятую процента, или к утверждению, что всеобщее счастье неизбежно, если экономика подросла на один и три десятых процента.

За что новостные структуры заслуживают похвалы, так это не просто за способность собирать факты, но за умение – отточенное на субъективном мнении интеллектуалов – выделять их актуальность.

7.

В основе современной политики – величественная и прекрасная идея, что каждый гражданин (в своей маленькой, но существенной роли) является правителем своего государства. Новости играют центральную роль в реализации этого обещания, потому что это тот канал связи, через который мы общаемся с нашими лидерами, судим об их способности руководить государством, вырабатываем нашу позицию по самым насущным экономическим и социальным вопросам. Новостные структуры не какие-то второстепенные составляющие современных демократий, но их гаранты.

И однако, новости в том виде, в каком они сейчас существуют, уделяют прискорбно мало внимания координации, очистке и лечению. Нам грозит опасность заблудиться в постоянно меняющихся темах новостей, а в итоге мы лишимся способности вырабатывать политическую позицию по тому или иному вопросу. Мы можем забыть,

какое из многих злодейств вызвало у нас искреннее негодование и что нас так возмутило лишь несколькими часами раньше. В тот самый момент, когда общество достигло невероятной сложности, у нас возникло ощущение, что все важные вопросы должны стремительно ужиматься, иначе всем просто не хватит места. В сравнении с масштабом проблем, которыми потчуют нас новости, индивидуальная инициатива начинает казаться противоречащей здравому смыслу и до смешного сентиментальной. Вместо осознания нашей политической значимости общение с новостями может создать впечатление нашей ничтожности в этом невероятном и принципиально хаотичном мире.

8.

Тезис Гегеля, что ныне новости занимают в обществе то престижное место, которое раньше отводилось религии, упускает одно важное отличие между этими двумя сферами: религия традиционно уделяла особое внимание нашему сосредоточению на чем-либо. Точно так же, как и новости, религия каждый день хочет говорить с нами о важном. Но в отличие от новостей религия знает: если сказать нам слишком много, сразу и только один раз, тогда мы *ничего* не запомним и никак неотреагируем.

Поэтому религия следит за тем, чтобы каждый день знакомить нас с частичкой своей веры, терпеливо донося до нас несколько понятий, а потом возвращаясь к ним снова и снова. Повторяемость – ключ к педагогическим методам всех основных религий. Они знают, бессмысленно сообщать о чем-то важном в спешке и в нервной обстановке. Нас усаживают в тихом месте, успокаивают наш разум, а потом говорят с нами с достоинством и без какой бы то ни было спешки, понимая, что нам придется возвращаться к их идеям в грядущие дни и недели, если мы стремимся осознать, как думать и вести себя.

9.

Легко предположить, что главный враг демократической политики – активная цензура новостей, а следовательно, свобода говорить и публиковать все – естественный союзник цивилизации.

Но современный мир учит нас: если ставится задача лишить общество политической воли, то динамичность куда более коварна и цинична, чем цензура. Для этого надо *сбить с толку, вогнать в скуку, отвлечь* большинство от политики, представляя информацию бессвязно, отрывочно и с перебоями, чтобы большая часть аудитории теряла нить событий в любой отрезок времени.

Современному диктатору, желающему взять власть в свои руки, нет нужды прибегать к таким кардинальным мерам, как запрещение новостей. Ему или ей надо лишь добиться, чтобы новостные структуры передавали поток неопределенных заявлений – в большом количестве, но без объяснений содержания, причем темы должны постоянно меняться, быть никак не связаны друг с другом и не вытекать одна из другой. Ну и, конечно, все эти политические заявления должны перемежаться захватывающими подробностями о совершенных преступлениях и очередных выходках кинозвезд. Всего этого вполне достаточно, чтобы свести к минимуму способность большинства объективно оценить политическую реальность... не говоря уже о решимости не допустить перемен, которую в противном случае они могли бы проявить. Статус-кво может поддерживаться до скончания веков именно потоком новостей, а не их запрещением.

Распространенное мнение, что политические новости скучны, не такая и мелочь. Когда новости не вызывают любопытства и не удерживают внимания массовой аудитории, общество может не уловить стоящих перед ним проблем и не сумеет вовремя объединить усилия, чтобы измениться к лучшему.

Ответ не в том, чтобы принудить людей потреблять больше «серьезных» новостей. Необходимо, чтобы поставщики так называемых серьезных новостей научились представлять важную информацию, захватывая внимание аудитории. Легко заявить, что серьезные вопросы должны – или могут себе позволить – быть скучноватыми для восприятия. Проблема в том, чтобы исключить нынешнее разделение между требующими умственных усилий, но скучными материалами, с одной стороны, и сенсационными, но совершенно пустопорожними – с другой.

В идеальной новостной структуре будущего честолюбивые цели увязывания контекста с эффектной подачей материала и его популяризацией будут восприниматься столь серьезно, что материалы о выплатах пособий вызовут такой же (почти) интерес, как и истории о людоедах и совершающих инцест жителях другого полушария.

Капелька надежды

«Центр Манчестера разгромлен мародерами, младшим из которых не больше девяти. Таких бунтов город не знал более тридцати лет. Толпы подростков и бездомных детей прокатились по улицам, разбивая витрины и воруя одежду, мобильные телефоны и драгоценности. Они жгли магазины и мусорные баки, а полиция гонялась за мародерами по всему городу. Вчера полицейское руководство признало, что они «потрясены» таким количеством происшествий, и им пришлось обращаться в соседние полицейские управления за помощью».

«Дейли мейл»

1.

В какой стране мы живем? На кого похож ее среднестатистический гражданин? Следует ли нам бояться или излучать спокойствие, гордиться или стыдиться?

Прежде всего надо признать, что мы не можем ответить на эти вопросы, исходя исключительно из собственного опыта. Это очень трудно – узнать всю страну. Даже в самых маленьких живет столько народу, что один человек может встретиться лишь с малой его частью, даже если ведет активную общественную жизнь. Далее, не так-то много у нас общественных мест, рассчитанных на большое количество людей, где граждане могут непосредственно знакомиться друг с другом. Мы нечасто заводим новых друзей в торговых центрах и не узнаем что-то удивительное от других посетителей кинотеатра. Раньше, возможно, все было проще. В древних Афинах, к примеру, благодаря хорошей погоде, небольшому и компактному центру города и культуре демократического общения (по крайней мере, для некоторых) всегда имелаась возможность лично прощупать пульс общества и почувствовать градус его настроений. Мы этого лишены. У нас очень

большие города, непредсказуемая погода, запутанные демократические системы, далеко отстоящие друг от друга дома.

Поэтому формировать наше впечатление об обществе мы можем только опосредствованно, через наше воображение, а не напрямую, что мы и проделываем главным образом с помощью двух инструментов.

2.

Первый из них – архитектура. Своим видом улицы, дома, административные здания и парки создают психологический портрет их создателей и наследников.

Пытаясь понять характер современных Нидерландов и оказавшись в доках на востоке Амстердама, мы, опираясь только на архитектуру, можем прийти к выводу, что голландцы устремлены в будущее, веселые, мирные, ориентированные на семью люди, которых хочется узнать лучше, а их существование – источник надежды и спокойствия.

Наглядный пример отличия «других».
Доки Амстердама (вверху), лондонские доки (внизу).

Совсем иначе выглядит послание, исходящее от прибрежного строительного проекта в другом городе. Речь о «Пиэр парад» в лондонском Норт-Вулвиче. Старые, в потеках воды и трещинах бетонные здания наводят тоску и указывают, что здесь лучший способ разрешить спор – орать или стрелять. Смех и искренность тут не приветствуются.

Мы, разумеется, не всегда должны исходить из этих архитектурных посылов. В амстердамских доках могут встретиться разъяренные и печальные, а в «Пиэр Парад» – веселые и всем довольные. Но с меньшей вероятностью.

3.

Второй инструмент, с помощью которого мы можем узнать характер других, естественно, новости. Именно новости знакомят нас с

более широким спектром человеческих существ, со многими из тех, кого мы никогда бы не встретили в реальной жизни, и со временем, через сюжеты и комментарии к ним, формируют у нас в головах представление, в какой стране мы живем.

А потому ежедневно, следя за новостями, мы можем рассчитывать на то, что узнаем новые ужасы о людях, которые нас окружают:

«Матери предъявлено обвинение в том, что она уморила четырехлетнего сына голодом.

Сексуальные насильники пригрозили одной из своих жертв, что изуродуют ей лицо и обезглавят ее ребенка, после того как она попыталась обратиться в полицию.

Мужчина держал жену в подвале закованной в кандалы и порол собачьим поводком.

Прихожанка одной церкви в возрасте пятидесяти одного года использовала антифриз, чтобы убить мужа, которого ненавидела, и сына, которого считала хуже чем паразитом, после чего отравила дочь, которая не могла найти работу.

Фабричный рабочий сексуально надругался над двумя тринадцатилетними девочками, собирая фрукты.

Летчик забил до смерти богатую жену, почувствовав себя униженным.

Малыш истек кровью в больнице из-за «катастрофической» несогласованности в работе врачей.

Мужчина попытался отрубить кисти своей бывшей подружке мясницким тесаком».

«Дейли мейл»

4.

Эти истории оказывают на нас больше влияния, чем кажется. Их каждый день прочитывают миллионы. Они куда интереснее большинства романов и даже некоторых из наших друзей. И пусть мы этого не подозреваем, они просачиваются в наше сознание и формируют наши взгляды о незнакомых нам людях. После чтения таких историй многое усложняется.

Становится труднее лелеять надежду:

«Британия на пороге тройной экономической катастрофы».

Заказ такси сопряжен с риском:

«Ни одна женщина не может чувствовать себя в безопасности, садясь в такси, предупреждает судья по процессам, связанным с сексуальным насилием».

Как и поездка на поезде:

«Бездомный признан виновным в том, что столкнул с платформы восьмидесятичетырехлетнюю женщину. Падение повлекло за собой смерть».

Приходится волноваться и перед госпитализацией:

«Тридцатидевятилетний пациент умер, прождав восемь часов без воды из-за чудовищной халатности медперсонала».

Нынче все стремятся вновь стать молодыми:

«Майли Сайрус для пошлой утренней передачи надела облегающие белые шортики и черные, до середины бедра, сапоги».

Но теряют веру в невинность:

«Учительница снабжала шестнадцатилетнего ученика «травкой» и занималась с ним сексом более восьми раз».

Все заботятся о своем теле:

«Хлоя Севиньи демонстрирует свои ножки в шортах с цветочками на премьере «Оранжевый – хит сезона»».

И знают, как будут судить о них, когда они станут старше:

«Что случилось с лицом Мег Райан?»

Люди тревожатся из-за птиц:

«Покупатель пришел в ужас, обнаружив во время еды в контейнере с салатомдохлую птичку».

И насекомых:

«Женщина нашла пять гигантских египетских кузнечиков в пакете с зеленью».

Политиков ненавидят:

«Лидеры Европейского союза за ленчем пили вино по сто двадцать евро за бутылку, рассуждая о том, что нет никакой возможности сократить бюджет Брюсселя».

Но и на обычных людей надежды немного:

«Прикованный к инвалидному креслу пятидесятидевятилетний консультант по вопросам равноправия осужден за попытку заняться сексом с пятилетней девочкой и ее матерью в Трейвлодж».

Мужчин боятся:

«Отец убил своего одиннадцатимесячного сына, тряхнув его что есть силы и бросив на пол через несколько минут после ссоры с подругой».

Но в равной степени боятся и женщин:

«Сорокатрехлетняя мать арестована за любовную связь с четырнадцатилетним приятелем своей дочери-подростка».

Люди понимают, насколько пустая у них жизнь:

«Кейт Мосс и Наоми Кэмпбелл до пяти утра веселились с Грейс Джонс после вернисажа в известной галерее».

И какими выхолощенными выглядят отношения обычных людей:

«Медовый месяц словно и не закончился: Кира Найтли не может оторваться от своего супруга»».

Осталось не так и много поводов не впадать в отчаяние, думая о будущем человечества:

«Семилетняя Сури Круз создала свою линию одежды».

5.

Если спросить, зачем нам все это рассказывают и в результате не в такой уж малой степени приближают к черте, за которой лежит безумие, новости резонно ответят, что у них нет выбора. Это их обязанность – «говорить правду». Не им *решать*: что происходит в стране. Эти истории – не выдумки. Отец действительно убил своего одиннадцатимесячного ребенка. Прикованный к инвалидному креслу консультант подготовил все к тому, чтобы заняться сексом с пятилетней девочкой и ее матерью в Трейвлодж. Скрывать все это от широкой общественности – предательство журналистского долга. Журналисты обязаны рассказывать правду о стране столь же откровенно и без всякой брезгливости, как врач сообщает об ужасном диагнозе.

6.

Это правда, но не вся. В любой стране в каждый отдельный момент информация о происходящем в ней весьма противоречива. Да, несколько педофилов-убийц творят свое черное дело, но при этом есть десятки миллионов, которые крайне отрицательно относятся к жестокому обращению с детьми, не говоря уже об их убийстве. Отдельные личности за измену готовы зарубить партнершу по сексу мясницким тесаком, но большинство ограничивается злобными криками, может быть, парой оплеух. Есть люди, которые впадают в глубокую депрессию из-за экономических неурядиц, но очень и очень многие держат удар, не впадая в прострацию. Некоторые будут орать и блевать на улицах, круша витрины и убегая с награбленным, но большинство предпочитают ухаживать за цветами в саду и поддерживать идеальный порядок на кухне. Кое-кто постоянно посещает гламурные вечеринки, но многих вполне устраивают радости, достоинство и свобода обыденной жизни. Легко, конечно, расстроиться из-за того, что тело стареет, но впечатление можно произвести не только стройностью ног.

Странное дело, но светлая сторона медали никогда не попадает в новости. Ниже приведены заголовки, которые тоже полностью соответствуют действительности, но при этом не появятся в новостях:

«Пятнадцатилетняя девушка помогла подняться по лестнице на платформу незнакомой ей восьмидесятисемилетней старушке».

«Учительница не дает волю своим чувствам в отношении ученика».

«Мужчина после короткого раздумья отказался от намерения убить жену».

«65 миллионов человек каждый вечер ложатся спать, никого не убив и не ударив».

Версий «действительности» так много, что нет никакой возможности говорить о стране как о чем-то едином, сущность которого может быть отражена решительно настроенными новостными структурами. Новости могут представляться авторитетным портретистом действительности. Могут заявлять, что у них есть ответы на все вопросы о происходящем, но способности всесторонне описать эту самую действительность у новостных структур нет. Они избирательно *формируют* действительность, делая выбор, какие истории достойны внимания широкой общественности, а о каких можно никому ничего не говорить.

В этом дремлет огромная и по большей части недооцененная сила: именно она складывает картинку, в которой каждый гражданин видит других, диктует, каким должно быть наше представление о посторонних людях, создает образ нации в нашем воображении.

Сила эта столь существенна, потому что сюжеты в новостях обретают кумулятивный эффект. Если нам постоянно твердят, что многие наши сограждане безумцы и насильники, мы проникнемся страхом и будем испытывать неуверенность всякий раз, когда возникает необходимость выйти на улицу. Если нам то и дело прозрачно намекают, что деньги и статус превыше всего, мы начинаем ощущать себя униженными обыденной жизнью. Если нас убеждают, что все

политики лгут, мы тихонько отбросим идеализм и наивность и начнем высмеивать все планы и заявления. И если нам сказали, что экономика – самый важный индикатор процветания, а как минимум через десятилетие нас ждет катастрофа, мы уже не сможем с прежней уверенностью воспринимать реальность.

7.

Прежде чем впадать в отчаяние от бед, которые, кажется, окружают нас со всех сторон, надо вспомнить, что новости в конечном счете всего лишь набор историй о том, что происходит вокруг, не больше и не меньше.

Наша страна – не только отрубленная рука, изувеченная старушка, три мертвые девочки в подвале, неловкая ситуация для министра, миллионные долги, двойное самоубийство на железнодорожной станции и фатальное столкновение пяти машин на прибрежной автостраде.

Она также и облако, проплывающее над церковным шпилем, и мысль – не причини сильную боль – доктора, подносящего шприц к руке пациента, и полевая мышь у живой изгороди, и маленькая девочка, стучащая ложкой по скорлупе только что сваренного яйца под любящим взглядом матери, и атомная субмарина, решительно и смело патрулирующая морские границы, и завод, производящий новый тип двигателя, и супруг, который, несмотря на постоянные провокации и грубые слова, находит все новые резервы выдержки и прощения.

Это тоже действительность. Новости, которые сообщают нам о стране, это *не страна*.

8.

Почему новостные структуры так сосредоточены на мрачном? Почему так много жестокого и так мало надежды? Может, они думают, что их аудитория по своей природе чересчур наивна, укрыта от потрясений и довольна собой, а потому в немалой степени нуждается в том, чтобы узнать негативные стороны действительности, переосмыслить свои ожидания относительно других и принять все

необходимые меры предосторожности. Идея в том, что без темного реализма новостей в стране возникнет опасная тенденция видеть все в розовом свете и чувствовать глупую удовлетворенность происходящим вокруг.

Если даже оставить в стороне логику этого тезиса, можно, во всяком случае, представить себе, как новостные структуры должны подбирать содержимое своих программ. Располагая бесконечным выбором потенциальных сюжетов, им следует останавливаться на тех, которые, по их мнению, в наибольшей степени отвечают *потребностям* страны, и ей необходимо узнавать о них в любой конкретный момент, чтобы компенсировать свои слабости и становиться еще более сильной. Именно на таком фундаменте должен строиться процесс отбора новостей.

Эта логика не чужда и нынешним новостным структурам. Что вызывает вопросы, так это верность их суждения о национальных потребностях. Большинство стран, видящих свое будущее в мрачном свете, разуверившихся во всем и ощущающих беспочвенные надежды, проделывают все с точностью до наоборот. Они в опасности по причинам, далеким от тех, которые в настоящий момент нащупаны средствами массовой информации. Они упускают свои шансы из-за чрезмерного страха, озабоченности и уныния. Они слишком хорошо знакомы с длинным перечнем стоящих перед ними проблем и, однако, чувствуют себя такими маленькими, незащищенными и слабыми перед их лицом. Они не видят другого пути, кроме скатывания в пропасть к распадающимся семейным взаимоотношениям, неконтролируемым подросткам, озабоченности статусом, физической уязвимости и экономической разрухе.

Вот тут и возникает стоящая перед новостями задача: не только рассказывать о самом худшем, творящемся в обществе, но также – иногда – примерами напоминать о его гордости, выдержке, надеждах. Падение нации может быть ускорено не только – и не сколько – необоснованным оптимизмом, но созданной средствами массовой информации атмосферой депрессии.

Архитектура предлагает примеры того, как положительное служит обществу. Члены команды, которой поручили проектирование велодрома для Олимпийских игр 2012 г. (менее чем в миле от Норт-Вулвича), прекрасно знали о стоявших перед Британией проблемах: классовое разделение, экономическое неравенство, провалы в образовании, нехватка жилья, большое число разводов, деградация поведения и морали... но решили в данном конкретном случае не заморачиваться этим.

Возможно, это то, какими «другие» смогут стать в Британии: предложение от Олимпийского велодрома, Лондон, 2012 г.

Наоборот, они поставили перед собой задачу создать сооружение, которое красноречиво выразит вежливость, современность, классовую гармонию и воссоединение с природой, в надежде, что все эти качества лучше представят страну в целом языком велосипедного трека, обрамленного стеклом, сталью и западным красным кедром. Здание стало чем-то вроде лестницы. Оно намекает, что желаемые качества уже

широко представлены в стране, хотя на самом деле они только нарождаются или проявляются время от времени.

Мы привыкли думать о лести как о чем-то сентиментальном и опасном, как об уходе от реальности, но это лишь недооценка того, какой может стать действительность. Ребенку, которого хвалят за первые проявления доброты (когда он делится игрушкой с соседским мальчиком или девочкой) и называют молодцом, показывают, в какую сторону двигаться. И предположение, что он вырастет таким вот добрым, конечно же, лезть, но идет она только на пользу.

В этом смысле с новостями та же история, что и с архитектурой. Помимо привычной сосредоточенности на катастрофах и зле, новостям следует иногда выполнять и важнейшую функцию: раздувать искру надежды, которая необходима стране, чтобы проложить правильный курс в море стоящих перед ней проблем. Помогая обществу вскрывать дурные поступки и честно рассказывая о недугах, новости не должны пренебрегать не менее важной задачей: показывать воображаемое общество, достаточно благое, прощающее и здравомыслящее, в построение которого каждому захочется внести свою лепту.

Страх и злость

ПАНИКА ОХВАТЫВАЕТ СОТНИ ЛЮДЕЙ, СЛОВНО
МЕТЕОР

Эн-би-си

АТИПИЧНАЯ ПНЕВМОНИЯ БУДЕТ
РАСПРОСТРАНЯТЬСЯ

«Сидней морнинг герольд»

ОФИСНЫЕ СТУЛЬЯ МОГУТ БЫТЬ СМЕРТЕЛЬНО
ОПАСНЫ

«Бизнес уик»

ЭЛЕКТРОННЫЕ КНИГИ ВРЕДНЫ ДЕТЯМ

«Гардиан»

ПОЛИТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ В РУИНАХ

Си-эн-эн

НЕДОПУСТИМОЕ ГОЛОВОТЯПСТВО В
ПАРЛАМЕНТЕ

«Дейли телеграф»

1.

Страх и злость — две эмоции, с которыми мы все более ассоциируем новости.

Новости не оставляют никаких сомнений в том, что в мире полным-полно причин для страха: объекты внеземного происхождения,

мутирующие вирусы, офисная мебель... К этим и многим другим напастям новости формируют у нас определенное отношение: мы должны ощущать робость, панику, уязвимость. Наши шансы пережить трудности, с которыми сталкивается человечество, представляются крайне сомнительными... однако они слегка возрастают, если мы по привычке продолжаем следить за заголовками.

2.

В разжигании страхов новости беспощадно эксплуатируют нашу слабость по части перспективы.

В изобразительном искусстве чувство перспективы означает способность увидеть разные предметы в их истинном относительном положении в пространстве: далекое выглядит маленьким и смутным, близкое – большим и четким. Для художника это на удивление трудно: научиться переносить перспективу на холст... а это означает, что и в других сферах нашей деятельности с чувством перспективы та же история.

ДЕРЕВНЯ ЭВАКУИРОВАНА В РЕЗУЛЬТАТЕ
ОБРУШИВШЕГОСЯ НА БРИТАНИЮ НАВОДНЕНИЯ

Уоллингтон стал одним из многих затопленных районов Британии, автомобилисты попадали в ловушку на дорогах, машины уходили под воду, если их не смывало с асфальта.

Касательно новостей чувство перспективы предполагает способность сравнить некое ужасное событие в настоящем с аналогичными ситуациями из прошлого – с тем чтобы определить уровень внимания и страха, которое событие это должно вызывать.

Держа в уме перспективу, мы скоро осознаем – в отличие от расписываемого в новостях, – что совершенно новое случается крайне редко, по-настоящему удивительного совсем мало, а абсолютно ужасного и того меньше. Революция не означает конца истории, это всего лишь перемена очень многого, как в большом, так и в малом. Экономические индексы не радуют, но в прошлом столетии мы неоднократно попадали в такие же ситуации, и даже самые худшие сценарии предрекают возвращение к жизненным стандартам, на которые мы выходили несколько десятилетий назад, когда считалось, что жить еще можно. Ужасный птичий грипп может внести сумятицу в международные пассажирские перевозки и какое-то время брать верх над известными лекарствами, но исследовательские лаборатории поймут, с чем имеют дело, и справятся с ним. Наводнения – это кошмар, но затрагивают они лишь небольшую часть населения, а вода

достаточно быстро сходит. У рака и сердечных заболеваний множество причин, которые до конца так и не удастся понять, но вечная жизнь никогда не стояла на повестке дня. Рим пал, но через шестьсот лет все опять пришло в норму.

Наша способность к спокойствию целиком и полностью зависит от нашего уровня ожиданий: если мы исходим из того, что многое, если не все, обычно хоть в чем-то разочаровывает (но это нормально), что изменения происходят медленно (зато жизнь длинная), что большинство людей не такие уж хорошие, но и не совсем плохие (включая нас самих), что человечество постоянно сталкивается с кризисами (но как-то выбирается из них)... если мы удержим в голове эти совершенно очевидные, но так легко ускользающие мысли, тогда кому-то придется сильно постараться, чтобы нагнать на нас в панику.

Но нас не должно удивлять, что новости всеми силами пытаются лишить нас этого стоицизма: эффективная игра на нашей уязвимости расширяет аудиторию и является прямым экономическим стимулом. Мы очень нужны новостям возбужденными, испуганными, встревоженными... поэтому наша прямая обязанность – сохранять спокойствие.

3.

Если новости нас не пугают, то стараются разъярить. Публикация комментариев после онлайн-новостных сюжетов призвана показывать невообразимый уровень злости населения в целом. Если судить по этим комментариям, большинство из нас постоянно пребывает в ярости:

«ЕС ПЫТАЕТСЯ ЗАКЛЮЧИТЬ БЮДЖЕТНОЕ
СОГЛАШЕНИЕ

КОММЕНТАРИИ

Озабоченный гражданин, 2 часа т.н.

Когда, ну когда мы выйдем из этой говорильни!!!!!!

Чаффинч, 2 часа т.н.

Налицо кризис, но беда в том, что политики не могут его разрешить. Почему? Потому что основная идея, послужившая

созданию Европейского союза, не сработала... да и не могла сработать. Нам требуется двухуровневая система. Почему не решили эту проблему прежде всего... только после этого можно заниматься реалистичным бюджетом.

Мюшкин, 4 минуты т.н.

Этот комментарий удален, потому что модераторы сочли его нарушающим правила сайта, запрещающие использование ненормативной лексики».

Би-би-си

Под яростью ощущается трогательная вера в принципиальную возможность решения мировых проблем. Просто берутся за них недостаточно быстро и решительно, и по той простой причине – каждый новый день приносит тому доказательства, – что *правят нами шарлатаны и идиоты*. Решения, безусловно, есть, да только знают их совсем не те люди, которые принимают решения. В этом и кроется главный парадокс новостей: нам дают инструмент, чтобы составить мнение о серьезных и важных решениях, которые оказывают непосредственное влияние на нашу жизнь. Нас зовут на конференции и в парламент, нам представляют ключевых игроков, а потом рассказывают о необъяснимых задержках, странных компромиссах, сводящих с ума отговорках. И возникает ощущение, что нас каждый день приглашают беспомощно наблюдать, как за прозрачной перегородкой тонет близкий друг.

Новости привычно дразнят нас обещаниями радикальных изменений или улучшений. Они назначают определенных политиков провидцами и выражают уверенность, что те смогут фундаментально трансформировать страну буквально за несколько месяцев пребывания в должности. Затаив дыхание, они ожидают прибытия нового главы центрального банка, который сможет высвободить стреноженную силу капитализма. Они ведут нас с собой на конгрессы и убеждают поверить, что за три дня политического торга делегаты смогут решить некоторые из главных мировых проблем, имеющих отношение к экономике, африканской нищете и повышению температуры атмосферы.

Потом все разваливается. Политик на поверку оказывается дураком и отмечается, как самодовольная пустышка, новый глава центрального банка в качестве оснований для осторожности приводит поведение

рынка облигаций, на конгрессах одни препираются с другими, а дело не сдвигается с мертвой точки, да к тому же выясняется, что один или два делегата мухлевали со счетами на проживание в отеле.

Если после той или иной статьи мы и пытались оставить комментарий с ненормативной лексикой, причина, возможно, в том, что у новостей нет желания представить нам достаточно полное описание проблем, на которых завязаны рассматриваемые вопросы. Наиболее логичные решения обычно выглядят так, будто их игнорируют *исключительно по глупости*. Мы спрашиваем с вполне понятным нетерпением и разгорающейся яростью: «Почему они просто не?..» И этот уместный вопрос, если не впадать в фатализм и доверчивую покорность, должен заставить нас насторожиться. Он должен стать ниточкой к целому спектру серьезных вопросов, а не нести в себе исключительно риторическую нагрузку. Новости предпочитают не упоминать о том, *почему* плохое не меняется, *почему* сила и ресурсы не могут одним ударом разрешить наши трудности. Они не знакомят нас с истинными причинами, почему решение называют «трудным». Вместо этого они оставляют нас с ощущением – которое, конечно же, вызывает нарастающую ярость, – что каждая вновь возникающая проблема является результатом лени, глупости или злого умысла и может быть решена достаточно решительными и простыми средствами умным и нестандартно мыслящим человеком (возможно, самим журналистом).

Наша ярость могла бы значительно поутихнуть, если бы нас познакомили со спектром проблем, которые остаются за кадром, потому что ни одна из сторон не хочет привлекать к ним внимание, если бы нам подсказали, что так называемое решение может вызвать вторую волну проблем, если бы нам дали почувствовать, какое напряжение царит за столом переговоров, перед каким сложным выбором стоят их участники и сколь многое зависит от доброй воли и доверия, если бы мы в полной мере ощутили, почему трудные решения – трудные.

4.

Хотя злость – пессимистичная реакция на ситуацию, она также и симптом надежды – надежды, что мир станет лучше. Мужчина, который кричит всякий раз, когда теряет ключи от дома, предает

прекрасную, но опрометчивую веру во вселенную, где ключи никогда не теряются. Женщина, которая приходит в ярость всякий раз, когда политик нарушает предвыборные обещания, демонстрирует необоснованную утопичную веру в выборы, свободные от элемента обмана.

Новости не должны исключать сердитых откликов, но должны помогать нам злиться по надлежащему поводу, в надлежащей степени и надлежащий период времени... да и еще в рамках конструктивного диалога.

А если такое невозможно, новости должны помогать нам, скорбя об извращенной природе человека и примиряя нас с тем, что мы уже способны представить себе, каково оно, совершенство, но не знаем, как его добиться... из-за глупых, но тем не менее непреодолимых причин.

Новости упорно отказываются предлагать нам единственную и наиболее успокаивающую реакцию, которую должны вызывать определенные проблемы: убеждать, что проблемы эти нормальны и должны возникать у существ, которые по природе своей (а не в редких случаях) несовершенны. В погоне за нездоровым интересом и экономическими выгодами новости грубо игнорируют возможности утешения.

Самый существенный факт политической жизни, который не решаются признавать практически все новостные структуры – потому что он одним махом перечеркнет половину домыслов и разочарований, – состоит в том, что в некоторых ключевых областях политики *ничего нельзя добиться очень быстро усилиями одного человека или одной партии*, никто не сможет – не только этот дурак или та компания кретинов – что-то менять со скоростью, соответствующей ожиданиям новостных структур, и по части некоторых проблем единственных так называемых «решений» придется ждать сотню лет или других сопутствующих изменений, а не мессианского лидера, международной конференции или быстрой войны.

5.

В своем неуместном оптимизме новости – разочарованный потомок просвещения. Отказываясь приспособливаться к человеческой

природе, они позволяют нашим надеждам раз за разом разбиваться о те же подводные камни, они приветствуют каждый день с фальшивой невинностью младенца только для того, чтобы к вечеру накопить в нас ярость и разочарование. Они исходят из потенциального существования идеального мира, который всегда на расстоянии вытянутой руки, да только странным образом ускользает при каждом шаге политического процесса. Они не позволяют нам признать, что по многим позициям мы фундаментально – а отнюдь не случайно – неисправимые существа, и в ключевые моменты нам хватит мудрости отказаться от истерического раздражения в пользу глубокой и спокойной меланхолии.

Плохиши и плохое

«Члену парламента Эрику Иллсли грозит тюрьма, после того как он признал себя виновным в том, что без всяких оснований потребовал 14 000 фунтов для оплаты якобы понесенных им расходов. Эти деньги пошли на оплату местных налогов, использования телефона, страховку, ремонт и содержание его второго дома на Ренфрю-роуд, Кеннингтон, Южный Лондон».

«Дейли телеграф»

1.

Некоторые из величайших триумфов журналистики связаны с разоблачением влиятельных лиц, что зачастую приводило к крушению их карьеры и даже к реальным срокам тюремного заключения.

Идея, что одни только слова и фотографии могут инициировать отставку, а то привести к приговору, у журналистов в большом почете, многие из них по-прежнему считают Уотергейтское расследование источником вдохновения и путеводной звездой своей профессиональной деятельности.

Когда журналистов просят объяснить, в чем они наиболее полезны обществу, они склонны выделять одно направление журналистики среди всех прочих: говорят, что их первейший долг – удерживать власть имущих в рамках закона.

2.

Журналисты утверждают, что власть имущих необходимо удерживать в рамках закона, потому что им свойственно стремление нарушать законы своей страны и считать себя неприкасаемыми: они крадут деньги, скрывают доходы от налогообложения, обходят закон с

помощью взяток, нарушают правила приема на работу и охраны окружающей среды, сексуально домогаются беззащитных.

Журналистика, согласно этому тезису, прежде всего одно из подразделений полиции, а также налогового ведомства и различных групп потребителей. Журналисты первыми находят и помогают наказывать нарушителей закона, которые, если бы не их бдительность, не привлекли бы к себе внимания, и таким образом оберегают интересы обычных, не имеющих голоса граждан.

3.

Кульминационный момент: арест влиятельного человека дома после журналистского расследования можно превратить в запоминающийся спектакль. Полиция, действующая синхронно с новостными структурами, прибывает рано. Злодея или злодейку фотографируют в пижаме: незваные гости явились, прервав процесс поглощения гренка или овсянки. Иногда на заднем плане мелькают супруг/супруга и плачущий ребенок. Сцена эта, наблюдаемая на экране телевизора, может вызывать разные чувства: несправедливости, унижения, но в основном глубокого удовлетворения тем, что отныне управление миром не оставят в руках людей некомпетентных, да еще и мошенников.

Мир стал безопаснее: британский политик Эрик Иллсли направляется в тюрьму после журналистского расследования, выявившего фальсифицированные данные о расходах. Уотергейтский подход в действии.

Показывая нам преступника перед тем, как его отвезут в полицейский участок на заднем сиденье патрульного автомобиля, новости вселяют надежду, что на наших глазах опознали и успешно нейтрализовали источник множества недугов, как наших собственных, так и всего нашего общества.

4.

Хотя многие влиятельные люди попадают в тюрьму или лишаются должностей благодаря новостям, разнообразные проблемы, с которыми приходится сталкиваться любой из стран, далеко не всегда проистекают из действий плохишей. Честный аудит самых сложных проблем, стоящих перед этими странами, показывает, что их спектр гораздо шире, чем коррупция на самом верху.

К примеру, на удивление трудно найти недорогой и приятный глазу район для жилья, но это, похоже, не может быть «виной» одного из тех, кого можно отправить в тюрьму. Слишком многие работы оплачиваются плохо, они неинтересны, не дают статуса, людьми, которые их выполняют, управляют малоприятные менеджеры и боссы, но трудно представить себе, как подать эти проблемы языком новостного скандала. Множество коммерческих товаров никому не нужны, безвкусны, требуют немалых ресурсов для своего производства, навязчиво рекламируются – но и здесь злодеев трудно найти и осудить.

Арест нарушителя закона может послужить началом периода глубокой удовлетворенности, но надежды, которые он порождает, могут оказаться ложными. Даже когда последний аморальный плутократ или влиятельный министр окажется за решеткой, перед народами разных стран все равно останется масса проблем. Вполне вероятно, что мы упускаем много очень важного, если продолжаем искать только плохишей, которых умеют выявлять журналисты, освоившие методы Уотергейтского расследования. Мы упустим шанс проанализировать более системные, обезличенные, но ничуть не менее губительные виды зла, которые относятся к нарушению закона точно так же, как пассивная агрессия к домашнему насилию: поведение и оценки, которые уничтожают жизнь и ввергают в уныние, но не оставляют внешних следов и проскальзывают сквозь сеть законодательства.

В настоящее время новостные структуры устроены так, что не «видят» застройщика жилых домов, который обрекает тысячи людей на жизнь в непотребных условиях окружающей среды, но при этом не нарушает законов и не крадет денег. Даже самый усердный репортер, специализирующийся на разных видах мошенничества, не сможет найти заслуживающего уголовного преследования ответственного за коммерческую рекламу, которая тонко разрушает достоинство и разумность общественной жизни, или указать на человека, которого нужно арестовать как приложившего руку к исчезновению вежливости или уважения из отношений между полами.

Осмысленное журналистское расследование должно начинаться с рассмотрения полного спектра факторов, которые вредят существованию человека и общества. Оно, помимо прочего, займется исследованием психического здоровья, архитектуры, досуга, семейного устройства, отношений между людьми, стилей управления бизнесом,

образовательными программами, статусной иерархией, ибо эти факторы оказывают на нашу жизнь ничуть не меньшее влияние, чем происходящее в коридорах власти.

Новости могут подтолкнуть нас к мысли, что корни проблем, стоящих перед страной, лежат в криминализации политической верхушки, но при этом помимо поиска отдельных гнилых яблок важно привлекать внимание широкой общественности не к столь заметным, но куда более серьезным организационным дефектам, которые скрыты в политических и социальных механизмах.

5.

Однако проблемы с определением недугов общества на пару с неумным желанием найти нескольких индивидуумов, на которых хочется навесить все беды нашей жизни, приводит к хорошо известной, уводящей от основных проблем альтернативе истинного журналистского расследования – журналистике случайных откровений^[2].

Случается, что влиятельная персона по недосмотру допускает промахи – говорит или делает что-то не то, – который (и все это знают) ни в коем случае не отражает его позицию по многим важным вопросам, но журналистика случайных откровений тут же проявляет себя во всей красе. Новости железной хваткой вцепляются в этот промах и трясут его, как грушу, настаивая, что налицо свидетельство глубоко запятой и постыдной правды.

За журналистикой случайных откровений стоит бессильная ярость репортеров, которые знают, сколь многое идет не так в их стране, но не имеют доступа к власти имущим или терпения в общении с бюрократами, которое позволило бы им достаточно точно выявить истинные проблемы.

Случайное откровение наказывается не потому, что кто-то искренне верит, будто его разоблачение приведет к более эффективной политике или повышению качества государственного управления. Журналистика случайных откровений предоставляет возможность мести тем, у кого иссякли идеи, а потому и понятия не имеющим, каким еще образом можно добиться изменений.

6.

Что новости должны делать с плохишами? В настоящий момент они передают худших из них в руки полиции. Но с большинством борются фирменным журналистским инструментом: подвергают унижению. В ход идут и саркастические истории, и вопросы, задаваемые на ходу, и тайком сделанные фотографии, и утечки переписки. Личности с изъяном *должны* попадать в новости, а потом сталкиваться с осуждением высокоморального большинства. Идея состоит в том, что общество можно изменить к лучшему через подрыв репутации и общественное осуждение.

Но действительно ли стыд – наиболее эффективное средство в реформировании человечества? Люди становятся лучше, если их унижают? Страх развивает?

Слишком много историй о неблагоприятных поступках плохишей – и это удивляет – полностью лишены интереса к цели, которая вроде бы должна лежать в основе всех репортажей о преступлениях и происках: *стремлении помочь процветанию страны*. Эти истории зацикливаются исключительно на провинившемся, не касаясь эволюции общественной жизни: они не пытаются улучшить бухгалтерское дело, институт брака, университетское образование или налоговую систему. Они только приглашают нас принять участие в своего рода развлечении.

7.

Журналистика слишком скромна или слишком мелка, определяя свою роль исключительно в осуществлении контроля за определенными категориями власти, такое толкование ограничивает саму идею журналистики и ее роль в обществе. На самом деле журналистика не отделение полиции или налогового ведомства. Она должна быть правительством в изгнании, которое вникает во все сферы жизни страны, предлагая методы и средства построения лучшей страны.

Единственная честная цель выявить и придать гласности правонарушение – предотвратить его совершение другими. Сталкиваясь с коррупцией, глупостью и посредственностью, новости,

вместо того чтобы оставаться на уровне выискивания грехов настоящего, всегда должны поощрять большую компетентность в будущем. Да, свалить влиятельную фигуру, возможно, важно и греет самолюбие, но журналистское расследование должно начинать с несколько иной цели, необязательно накладывающейся на приведенную чуть выше: желания попытаться улучшить нынешнее положение дел.

Навязываемые идеи

«Безжалостный марш трехмерной печати продолжается... [В процессе] используются экзотические «чернила», в состав которых входят серебряные и углеродные нанокапсулы... Карбоморф благодаря входящему в него полиэстерному компоненту, который плавится при нагревании, подходящий исходный материал для этого процесса. Он еще и полезен, поскольку в спектр его электрических характеристик входит пьезосопротивление».

«Экономист»

1.

Самое благородное предназначение новостей – искоренять невежество, бороться с предрассудками и просвещать индивидуумов и целые страны.

2.

Но периодически новости обвиняют в том, что стремятся они к обратному, а именно выставляют нас дураками. Одна из наиболее бескомпромиссных версий этого обвинения изложена в XIX веке Густавом Флобером. Флобер принадлежал к поколению, на глазах которого происходило резкое увеличение тиража газет. В его детстве новости распространялись бессистемно, или посредством слухов, или через плохо отпечатанные одностраничные новостные листки, когда же ему перевалило за тридцать, изобретение парового печатного станка, развитие железных дорог и смягчение законов о цензуре привели к появлению богатых влиятельных газет, которые распространялись по всей Франции, обретая миллионы читателей.

Флобер приходил в ужас от того, что эти газеты делали с интеллектом и любопытством его сограждан. Он считал, что газеты

распространяют новый вид глупости – он назвал его «la betise» – в каждый уголок Франции, идиотизм, гораздо худший, чем обычное невежество, который теперь замещал последнее, вместо того чтобы распространять знания. И Флобер полагал эффект прессы столь заразным, что только самые неграмотные и необразованные французы могли продолжать думать должным образом: «У крестьян меньше дури, чем у трех четвертей среднего класса Франции, которые постоянно впадают в исступление из-за чего-то прочитанного в газете и вращаются, как флюгер, в зависимости от того, что пишет та или иная газета».

Самый отвратительный персонаж в «Мадам Бовари» фармацевт Оме, представленный с самого начала алчным потребителем новостей, который ежедневно посвящает специально выделенный час чтению «*le journal*»^[3] (Флобер выделяет это слово курсивом, чтобы подчеркнуть неорелигиозное благоговение, которое испытывает этот персонаж). По вечерам Оме направляется в таверну «Золотой лев», где собираются местные буржуа, чтобы обсосать текущие события. «Потом они говорили о том, что прочитали в «газете». Оме подходит к этому обсуждению во всеоружии, потому что содержание газеты знает чуть ли не наизусть и может пересказать и передовицу, и все заметки о различных катастрофах, случившихся как во Франции, так и во всем мире.

3.

Флобер ненавидел газеты, полагая, что они обманом убеждают читателей передать другим право, которое ни один человек в здравом уме никогда не отдаст кому-то еще, – право думать. Пресса ненавязчиво внушала, что формирование непростого, требующего долгих размышлений мнения по важному вопросу теперь можно без опасения поручить журналистам, а читателю незачем утруждать себя путешествиями, наведением справок, рассуждениями, довольствуясь заключениями, с которыми его знакомят ведущие авторы «*Le Figaro*»^[4] и их коллеги.

Не стоит удивляться, что писатель, так тонко чувствующий штампы и менталитет толпы, приходит в ярость от ограничения

независимого сбора фактов, которое представляет собой такое вот развитие средств массовой информации, устраняющее местные особенности и индивидуальные различия в угоду всеобъемлющему монокультурному набору предпосылок. Речь об обезличивающей силе, грозящей затоптать все плодотворное своеобразие внутренней жизни, превратить ухоженные индивидуальные огороды разума в огромные, механизированные безликие поля.

4.

В 1870-х Флобер начал составлять список наиболее идиотских идей, которые продвигались современным ему миром вообще и газетами в частности. Опубликованная посмертно как «Словарь навязываемых идей», эта коллекция банальностей, составленная по алфавиту, охарактеризована автором как «encyclopédie de la bêtise humaine» (энциклопедия человеческой глупости). Ниже взятые наугад примеры:

АЛМАЗЫ. Тот же уголь. Увидев их в естественном состоянии, мы даже не подумаем наклониться, чтобы поднять с земли!

БЮДЖЕТ. Никогда не сбалансирован.

КАТОЛИЦИЗМ. Благотворно повлиял на искусство.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ. Способствовали торговым успехам Венеции.

ФИЗИЧЕСКИЕ УПРАЖНЕНИЯ. Профилактика от всех болезней. Рекомендованы всем и всегда.

ФОТОГРАФИЯ. Могильщик живописи.

ХРИСТИАНСТВО. Освободило рабов.

Необходимо отметить, как много штампов из «Словаря» касаются таких сложных дисциплин, как теология, наука и политика, не уходя при этом в очень уж глубокие дебри: «навязываемые идеи» состоят из необычных и мудреных фактов, наложенных на упрямую скудость ума. В прошлом, указывает Флобер, идиоты понятия не имели, что такое углеродная структура алмаза. Но теперь благодаря прессе человек может оставаться занудным, лишенным творческого воображения, посредственным, но при этом стать невероятно хорошо информированным. Современный идиот может знать то, что в прошлом знали только гении, но он все равно остается идиотом: наводящее тоску сочетание человеческих особенностей, чего в прошлые века просто не могло быть. Новости, по глубокому убеждению Флобера, вооружили глупость и дали власть дуракам.

5.

Новостные структуры нашего времени несколько не умиротворили бы Флобера. Они продолжают загонять мнения своих аудиторий в те же узкие стандартизованные рамки:

ТРЕХМЕРНАЯ ПЕЧАТЬ. В будущем все будет производиться на 3D-принтерах. Перспектива вызывает восторг и благоговейный трепет.

ИНТЕРНЕТ. Не позволяет сосредоточиться. Теперь так трудно читать длинные романы.

БАЛАНС МЕЖДУ РАБОТОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНЬЮ. Найти труднее, чем прежде. Скоро возникнет необходимость заранее договариваться о встрече со второй половиной.

КРЫЛЬЯ САМОЛЕТОВ ИЗ УГЛЕПЛАСТИКОВ. На удивление гибкие, но, конечно же, однажды приведут к катастрофе.

МАНДАРИН. Язык будущего^[5].

Как новостям удастся привлечь нас на сторону их порой заезженных или ошибочных заключений? Прежде всего мы недостаточно четко понимаем, кто решает, что следует считать новостью и по каким критериям, отсюда и привычка воспринимать информационные блоки так, будто они выпущены самой природой или в силу высшей необходимости. Нам знать об этом не по чину, а задавать подобные вопросы – неприлично. Мы забываем, что человеческий фактор и плотность информационного потока лежат в основе выбора, благодаря которому поступивший в редакцию материал становится «сюжетом».

Определенная секретность поддерживается и в отношении создания новостей. Едва ли мы услышим, что политический корреспондент провел три часа под дождем, стоя за ограждением перед входом в здание «Юст Липсий»^[6] в Брюсселе, чтобы услышать раздраженную фразу премьер-министра, что ему нечего добавить к официальному заявлению, распространенному днем ранее, или о том, что североафриканскому репортеру пришлось затратить двадцать два часа (от подробностей волосы встают дыбом) на путь до отряда мятежников в Мали, чтобы мы могли получить заметку, небрежно просмотренную под сэндвич, съеденный за ланчем, или о тяжелом труде фотографа, потратившего столько часов своей жизни, ожидая, пока актриса выйдет из кафетерия в Беверли-Хиллз, чтобы мы получили удовольствие, восхитившись ее новеньким перепоясанным плащом свободного покроя.

Нам не положено думать, пожалуй, даже не положено знать о плотных рядах гигантских черных серверов, вытянувшихся на полкилометра в информационных центрах в Колорадо или в Северной Финляндии, получающих энергию от сжигания экологически грязного угля или более чистого природного газа: эти подробности не доберутся ни до наших легких, ни до светящихся экранов.

Хотя за заголовками новостей читается уверенная, объективная важность, сюжеты, которые мы получаем, утверждены не божественным декретом, подписанным на основании решений конклава ангелов, а группой уставших и пребывающих в постоянном напряжении редакторов, которые пытаются собрать приемлемый набор

сюжетов на заседаниях, проводимых в спешке в кабинете начальства, обычно дополненных кофе и булочками. Заголовки сюжетов не представляют собой объективную реальность, поскольку мнение о том, что может представлять интерес для простых смертных, основано на тех же предрассудках, ошибках и слабостях, какие свойственны любому из нас, а выбор приходится делать из великого множества событий, которые каждодневно случаются с представителями рода человеческого.

Получит ли война в Африке приоритет перед демонстрацией коллекции обуви, сбежавший тигр – перед показателями инфляции, изнасилование красивой белой школьницы из семьи, принадлежащей к среднему классу, – перед обезглавленным чернокожим бомжом, коллапс акций горнорудных компаний – перед первыми словами, произнесенными ребенком, зависит от методов классификации, в которых отражаются самые необычные и скрытые предрассудки.

Нам необходимо как минимум с подозрением относиться к тому, что новостные источники, обычно рекламирующие собственную самобытность и независимость мышления, зачастую выражают полное совпадение взглядов на какое-то событие из случившегося сегодня.

7.

Новостные сюжеты набирают мощь, доходя до нас под эгидой брендов. Мнение, которому мы бы более активно возразили, изложи его человек, сидящий за столом напротив нас, обретает почти мифологическую силу, появившись на страницах некоторых газет.

Мы склонны в значительно меньшей степени подвергать сомнению здравость статьи о мотивах вступления в войну, если она опубликована под неоготическим шрифтом «Нью-Йорк таймс», или не соглашаться с доводами в пользу бюджета, предложенного президентом, если они изложены в колонке обозревателя в «Ле Монд», набранной шрифтом «фенуэй».

Само наличие брендов удерживает нас от скептического отношения к напечатанному под их шапкой.

8.

При всем предполагаемом разнообразии новостей, независимо от издания, в некоторых областях рассматриваются вопросы, не выходящие за крайне узкие рамки.

Скажем, по части образования «нормальными» считаются статьи о размере классов, жалование учителей, участия страны в международных круглых столах и правильном соотношении между частным и государственным секторами. Но мы рискуем показаться странными, более того, даже потерявшими рассудок, если спросим о соответствии здравому смыслу нынешней учебной программы или о том, действительно ли ученики обладают эмоциональными и психологическими ресурсами, играющими ведущую роль в стремлении к достойной жизни.

Когда речь заходит о жилье, новости убеждают нас тревожиться о том, как заставить строительные компании работать, как упростить покупку первого дома и как найти баланс между охраной природы и появлением новых рабочих мест и предприятий. У них нет ни времени, ни места, чтобы задать главные, пусть и эксцентрично звучащие вопросы вроде: «Почему наши города такие уродливые?»

В дискуссиях об экономике наша энергия направляется на размышления о правильно выбранном уровне налогообложения и эффективных средствах борьбы с инфляцией. При этом новости не поощряют постановки более специфических и вроде бы отстраненных вопросов о цели работы, природе справедливости и истинной роли рынков.

Новостные сюжеты склонны подавать проблемы таким образом, чтобы снизить наше желание или даже способность представить их как-то иначе, на более глубоком уровне. Наваливаясь своей страшной силой, новости вызывают оторопь. Возможно, к этому никто и не стремится, но более робкие и при этом потенциально важные мысли отдельного человека идут прахом.

9.

Отчасти виноваты деньги. Финансовые потребности новостных структур подразумевают, что они не могут позволить себе продвигать идеи, которые очень быстро не получают одобрения огромного числа

людей. Художник обеспечит себе достойный уровень жизни, продавая свои работы сорока заказчикам, писателю для этого достаточно пятьдесят тысяч читателей, но новостная организация сможет оплатить счета, если читателей или зрителей у нее больше, чем население приличных размеров мегаполиса. Какого уровня согласованности, какого отказа от индивидуального стиля надо достичь, чтобы выдавать материалы, приемлемые столь для многих... Мудрость, интеллигентность и утонченность суждений не распределены среди населения удобными группами по двадцать миллионов человек в каждой.

10.

По масштабу и сложности мир всегда будет опережать способности одной общности охарактеризовать его со всех сторон. Новостные структуры способны предложить нам лишь контурные, а иногда и совершенно неправильные карты постоянно ускользающей и изменяющейся реальности.

Сигнал тревоги должен звучать в нашем разуме, как он звучал в разуме Флобера, при любой встрече с точкой зрения, которая достигает уж очень высокого уровня консенсуса. Мы должны постоянно держаться настороже, чтобы вовремя различить потенциально серьезную ошибку, которая может скрываться под сенью самых прекрасных шрифтов и убедительных и достоверных заголовков. Мы должны выявлять медиа-клише точно так же, как Флобер выявлял литературные. Последние губили романы, первые могут погубить страны.

III. С миру по нитке

Информация/воображение

«Восток Демократической Республики Конго на пороге гуманитарной катастрофы, предупреждает Агентство по оказанию помощи в преддверье регионального совещания в Уганде. «Оксфам»^[7] указывает, что миллионы людей находятся во власти отрядов боевиков, при этом резко возросло количество убийств, изнасилований и грабежей. «Оксфам» заявляет, что необходимость борьбы с мятежниками отвлекает силы безопасности от других территорий, подверженных повышенной опасности. По данным ООН, в результате конфликта примерно 250 000 человек покинули свои дома».

Би-би-си

1.

Новостные организации могут быть на удивление идеалистичны. На стене при входе в штаб-квартиру Би-би-си в Лондоне висит изречение на латыни, гласящее:

«Этот храм искусств и муз посвящен Господу первыми руководителями радиовещания в 1931 году... Они молятся... чтобы все враждебное миру и чистоте безжалостно изгонялось из этого дома, а люди, слушая прекрасное, честное и доброе, двигались по тропе мудрости и справедливости».

Наверху гость видит, как часть этого идеализма трансформируется в практические действия. Столы завалены материалами о событиях, происходящих в самых тревожных и неблагополучных частях света. Сотрудники, освещающие ситуацию в Африке, занимают целый этаж. На Сомали брошено восемь человек. Демократическую Республику

Конго курируют трое, в их распоряжении диван и вдохновляющий вид на Портленд-Плейс^[8].

В новостях идеалистическая линия проводится следующим образом: зло, бездеятельность и расизм – это по большей части результат невежества. Если люди узнают, что действительно происходит в других частях мира, предрассудков, страха, обмана и агрессии станет меньше. Новости могут изменить мир к лучшему.

2.

Однако здесь налицо проблема с логикой, и она выходит на поверхность, если проанализировать количество просмотров на сайте «Би-би-си-новости»:

Герцогиня Кембриджская должна родить в июле – 5,82 млн.

По всей Великобритании ожидаются сильные снегопады – 4,34 млн.

Боуи возвращается в Топ-10 хит-парада синглов – 2,52 млн.

Нападение на церковь в нигерийском штате Коги. 19 убитых – 9920

Гуманитарный кризис – 4450

Южная Африка: пятеро погибших в племенной перестрелке в провинции Квазулу-Натал – 2540

Конфликт в Демократической Республике Конго: Кагаме и Кабила не договорились – 1890

В определенном смысле великая цель просветителей достигнута, и среднестатистический гражданин теперь имеет практически мгновенный доступ к информации, касающейся событий в любой точке земного шара. Но нам также приходится признавать и нечто еще более удивительное: *никому, в общем-то, неинтересно.*

3.

Стандартная реакция новостных структур – во всем винить широкую общественность: и за ограниченность ума, и за куда больший интерес (приведенные числа впечатляют) к поп-песне, а не к племенной

перестрелке, к рождению одного младенца в британской королевской семье, а не к ста тысячам пребывающих в отчаянном положении детей, страдающих от рахита и малярии в Центральной Африке.

Но разве столь удивительный уровень равнодушия – исключительно вина аудитории? А если истинная причина минимальной заинтересованности в происходящем в далеких странах читателей, слушателей и посетителей сайта не в том, что мы такие ограниченные или злые, и даже не в том, что описываемые события невероятно скучны? Может, проблема в другом: новости представлены *не в той форме*, которая способна нас привлечь? Может, нас не интересует происходящее в мире главным образом потому, что новостные структуры исходят из ошибочных представлений о том, как это следует до нас *доносить*?

4.

Первое из этих представлений состоит в том, что главный навык, которым должен обладать журналист, – это способность собирать точную информацию. Поскольку новостные структуры исходят из того, что они прежде всего борются с невежеством своих аудиторий, обучение навыку собирать точную информацию занимает первую строчку в списке образовательных приоритетов журналистских школ. Новичков учат выискивать и записывать цитаты ключевых персонажей каждого сюжета, добывать факты и цифры, подтверждающие каждый тезис, избегать красоты и вычурности текста, вычеркивать все личное, как не имеющее отношения к происходящему.

Все эти принципы представляются достаточно логичными, однако проблема в том, что диагноз, поставленный новостными структурами аудитории, неверен: на самом деле основной недуг тех, кому предназначены новости, – *безразличие*, а не *невежество*. Точную информацию об иностранных государствах добыть несложно. Дело в другом: что надо сделать, чтобы мы ощутили к ней искренний интерес? Одно дело – история о том, сколько человек погибло при нападении партизан, или утонуло при наводнении, или лишилось всего из-за продажного президента. Здесь проблемы технические и административные. От репортера требуется терпение, мужество и

готовность выполнять тяжелую работу. Но совсем иная задача (и очень часто она даже не рассматривается) убедить читателей или зрителей проникнуться этими событиями. И навыки, для этого необходимые, практически всегда остаются не востребованными иностранными бюро новостных структур.

Искусство можно определить как дисциплину, предназначенную для того, чтобы активно внедрять идеи в головы людей. В литературе, далекой от журналистики, самые ее достойные представители никогда не станут утверждать, что голого скелета истории достаточно, чтобы завоевать аудиторию. У них и мысли не возникнет, что нападение партизан, наводнение или воровство сами по себе так заинтересуют читателя, что тот проявит какие-то эмоции, будет тронут до глубины души или разозлится. Эти писатели знают, что ни одно событие, каким бы оно ни казалось шокирующим, не гарантирует того, что посторонний человек будет им как-то эмоционально задет. Для этого следует затратить много усилий, использовать все свое немалое мастерство, добавить захватывающих подробностей, жестко контролировать скорость развития и структуру сюжета. В некоторых случаях следующие творческим принципам писатели могут даже пожертвовать точностью: подправить факт, что-то опустить, ужать высказывание, изменить дату – и при этом не чувствовать, что совершают преступление (стандартное обвинение новостных структур, если они ловят на этом кого-то из своих). Писатели понимают, что ради достижения высокой цели фальсификация иногда нужна более, чем точность: так есть надежда донести важные идеи и образы до нетерпеливой и легко отвлекающейся аудитории.

5.

Второе представление, которым руководствуются в своей работе иностранные бюро новостных структур, следующее: чем более ужасно, трагично, жутко событие, тем более «важным» его следует считать, и именно от него выстраивается вся иерархия новостных историй. Журналисты и их редакторы убеждены, что важность любого события определяется его аномальностью и необычностью, а это практически всегда означает степень его жестокости, количество крови и жертв.

Отсюда следует, что бомбардировка, в результате которой погибают тридцать человек, более достойна освещения в новостях, чем обычный день в рыбацкой деревне, вспышка тропической болезни, которая за три часа рвет легкие в кровавые клочья, считается более интересной, чем мирный сбор урожая, а разоблачение пыток, применяемых секретными службами, более существенно, чем ритуал совместной трапезы, состоящей из табуле^[9] и голубцов в виноградных листьях, на буколическом поле с видом на реку Иордан.

Проблема, возникающая при таком подходе, следующая: если мы не знаем, что в данной стране считается нормой, нам очень тяжело представить себе аномальность события или проникнуться ей. Можно сопереживать людям, подвергшимся жестокому насильственному допросу, если мы знаем достаточно о повседневной жизни этого государства, обычаях и скромных надеждах населения.

И, однако, когда дело доходит до большинства зарубежных стран, несмотря на удивительные технические возможности средств массовой информации, несмотря на бюро, корреспондентов, фотографов и операторов, нам не дают никакой информации о самых обычных событиях. Мы не знаем, есть ли в Демократической Республике Конго люди, в жизни которых выпадает хотя бы один нормальный день, потому что этого никогда не сообщит западная новостная структура. Мы понятия не имеем, каково это, ходить к парикмахеру или в школу в Боливии. Для нас абсолютная загадка, возможна ли в Сомали хорошая семейная жизнь. Мы ничего не знаем об офисной жизни в Туркменистане или о том, чем в выходной день занимаются в Алжире. Новости предлагают нам только «важные» события: землетрясения, групповые изнасилования, уничтожение населения целых деревень боевиками-наркоманами... предполагая, что мы испытаем шок и будем сопереживать жертвам.

Но, честно говоря, нас не будут заботить все эти ужасные инциденты, если сначала нам не покажут образ жизни и отношения между людьми, которые будут нам понятны, пока мы не познакомимся с моментами повседневной жизни и подробностями, свойственными всему человечеству. И внимание к этому ни в коей мере не отвлечет нас от «серьезных» новостей. Наоборот, создаст фундамент, на котором возникнет искренний интерес к ужасным и трагическим событиям.

Критики этого утверждения могут указать, что нет нужды видеть или читать материалы о повседневной жизни в нашей стране, прежде чем мы начнем высказывать интерес к тому необычному, что случается в ее границах. Нам все это небезразлично, естественно. Но те, кто высказывает подобные мысли, похоже, забывают, что мы и так знакомы со всеми особенностями обыкновенной жизни у себя на родине – в силу постоянного проживания здесь. Мы знаем, каково это, сесть в поезд, присутствовать на совещании, пойти в магазин, отвести детей в школу, пофлиртовать, посмеяться или рассердиться. Поэтому мгновенно откликаемся эмоционально, услышав про похищение в Ньюкасле или о взрыве бомбы в Эджбастоне^[10].

Идеальная новостная структура будущего осознает, что интерес к аномальному зависит от исходных знаний о норме, и представит нам истории о самом обыкновенном и рутинном, каковое, безусловно, существует даже в самых далеких и разоренных уголках нашей планеты. Узнав что-нибудь об уличных праздниках в Аддис-Абебе, любви в Перу и отношениях между родителями молодоженов в Монголии, широкая общественность проявит куда больше интереса к новостям об очередном разрушительном тайфуне или военном перевороте, повлекшем многочисленные жертвы.

6.

Есть еще одно предположение, из которого исходят, определяя высшую цель освещения событий, происходящих за пределами нашей страны. Если брать существующее положение, то зарубежные новости максимально соотносятся с интересами государства и бизнеса, освещая исключительно военные, торговые и гуманитарные события. Зарубежные новости хотят показать нам, с кем и где мы будем сражаться и торговать, кому сочувствовать.

Но эти три области интересов не являются приоритетными для большинства. На гораздо более глубоком, более метафизическом уровне зарубежные новости следует подавать как средство гуманизации незнакомца, проживающего за горами или за морями, который инстинктивно вызывает антипатию, скуку или пугает. Если нам не помогут, мы и представить не сможем, что у нас с ним есть что-то

общее. Зарубежные новости должны найти способы представить других более человечными в наших глазах, чтобы, казалось бы, непреодолимые географические, культурные, национальные и классовые барьеры рушились, а дружеские чувства возникали и укреплялись.

Многие благородные новостные структуры яростно нападают на тех, кому не нравится приток иммигрантов из других стран. Но эта точка зрения основана на допущении, что настороженность по отношению к иностранцам – знак сатаны, а не свидетельство общего, чуть ли не природного невежества, и вина в этом лежит на новостных структурах, у которых есть все возможности просветить нас, показывая, что иностранцы – такие же люди, как и мы (вместо того чтобы вызывать у нас чувство вины, клеймя нашу предубежденность).

Чтобы достичь заявленных целей, зарубежным новостям придется освоить некоторые методы искусства. Как указывала Джордж Элиот^[11], искусство – средство, способное помочь «дополнить впечатления и активизировать общение с себе подобными, выходя за пределы собственных возможностей». Огромная польза искусства, по мнению Элиот, в «расширении нашего сочувствия». Теперь, больше чем когда бы то ни было, мы нуждаемся в расширении этого сочувствия отчасти потому, что слишком много информации, которую мы получаем, приходит в виде цифр и абстрактных фактов, и более глубинные части нашего сознания переварить их не могут («Восток Демократической Республики Конго на пороге гуманитарной катастрофы»). Элиот также отмечала: «Призывы, основанные на обобщениях и статистике, требуют, чтобы мы сочувствовали заранее... но картина человеческой жизни, какую может представить великий художник, удивляет даже ограниченных и эгоистичных, заставляет обратить внимание на то, что непосредственно их не касается, что может послужить исходным материалом для нравственных чувств».

В этом, собственно, и должны видеть свою задачу зарубежные новости: поощрять наше внимание к тому, что вне нас, и способствовать взаимному пониманию между нами и другими народами.

Еще одно направление деятельности зарубежных новостей: помочь нам вернуть перспективу. Живя в одном обществе, так легко перестать замечать, не говоря уже о том, чтобы ценить, преимущества именно

этой конкретной цивилизации: относительное совершенство наших законов, социальные блага, традиции в образовании, разветвленность транспортной системы. Мы не видим всего того, чего достигли с таким трудом. Другие государства представляют собой шкалу, по которой можно оценить нашу страну и наш образ жизни. Они помогут нам увидеть наши национальные странности, «белые пятна» и сильные стороны. Сюжеты из других стран могут подвести нас к новому взгляду на несовершенство свобод и сравнительное изобилие почвы, которые в противном случае вызывали бы только брюзжание или чувство вины. При этом и для проблем, которые нам хорошо знакомы, в других странах, возможно, найдутся удачные решения. Многое может открыться при более пристальном взгляде как на других, так и на себя.

Задача новостей – высвечивать относительные достоинства и недостатки всего, что становится слишком обыденным и повсеместным, чтобы мы это замечали.

7.

Здесь скептики укажут на нашу наивность, настаивая, что от нас нельзя ожидать – за исключением каких-то чрезвычайных обстоятельств – живого интереса к случившемуся где-то за рубежом. Репортажи из дальних краев всегда будут вызывать скуку, утверждают такие скептики, потому что искренне нас занимаем только «мы» сами, категория, границы которой ограничены нашими семьями, нашими друзьями, нашей безопасностью, нашей работой и погодой над нашими головами. Поэтому, если, к примеру, мы включаем телевизор и попадаем на репортаж о происходящем в Италии (в Сенате Республики, заседающем во дворце Мадама в Риме, бюджетный процесс в очередной раз вызвал хаос, старые союзы рушатся, более ожидаемые формируются), мы наверняка зевнем и переключим канал.

Но это не вся история, потому что наше наивное любопытство на самом деле более стойко, чем полагают сторонники этой точки зрения. Мы вполне способны безотрывно смотреть и даже рыдать над судьбами людей, которые жили, правили и умирали в других странах и даже не в наше время, а сотни и тысячи лет назад, людей со странными именами и еще более странными занятиями, чьи действия не оказывали прямого

влияния на наши жизни. Мы можем сидеть два с четвертью часа в темном театральном зале, отвлекшись о всего своего и пристально следя за историей одного из преторов Древнего Рима по имени Марк Брут, который однажды получил тревожные известия от своего друга Гая Кассия о планах, которые вызревали в Сенате.

Политические новости:
важные, но невероятно скучные события в Итальянской Республике.

«Юлий Цезарь»:

важные и странным образом зачаровывающие события в Римской Республике.

Как получается, что нас заботит происходящее в исторической драме Уильяма Шекспира «Юлий Цезарь»? Почему мы готовы напрягать наши драгоценные мыслительные ресурсы ради чего-то столь далекого от наших сегодняшних проблем? Ответ прост: хотя пьеса вроде бы о политическом заговоре, имевшем место на итальянском полуострове пару тысяч лет назад, но если по правде, то пьеса эта, конечно же, о нас.

Правильно преподнесенные, новости могут воздействовать на двух уровнях. Внешне – это конкретные события, основанные на фактах, имеющих непосредственное отношение к дате и месту, к определенной культуре и социальной группе, и вся эта специфичность вызывает у нас скуку, потому что лежит далеко от сферы нашего существования. Но под внешним, специфическим слоем скрыт еще один, *универсальный*: психологические, социальные и политические идеи, которые выходят за

рамки временных и географических декораций, представляя собой неизменные особенности человеческой природы.

С точки зрения специфичности историческая пьеса Шекспира о Древнем Риме, в ней показаны достаточно загадочные события, разворачивавшиеся на фоне триумфального возвращения Цезаря после победоносной войны с Помпеем, когда Гай Кассий замышляет убить его при поддержке Марка Брута. Но на языке универсальности «Юлий Цезарь» касается неподвластных времени тем – скажем, о том, как поступить, выбирая между верностью другу и благом государства, как реагировать на слухи и заговоры, как различать дурное предчувствие и панику. Пьеса показывает, как добрые намерения приводят к ужасным результатам, и рассматривает, какую роль играют ошибки и слепота в делах даже порядочных людей.

Мы не можем ожидать, что среднестатистический новостной сюжет будет написан с мастерством Шекспира, но можем требовать, чтобы в нем хоть в какой-то степени присутствовало шекспировское внимание к универсальному, особенно когда специфическое представляется невероятно далеким и инородным. Есть способы представить историю в таком виде, чтобы она помогла перенести знания через культурную и бытовую пропасти и показать жизненный опыт великого множества других человеческих существ как резервуар, из которого мы сможем постоянно черпать вдохновение, осторожность, выдержку и понимание.

8.

Мы не потеряли интереса к далекому. В прошлые века мы встраивались в очередь, чтобы послушать истории об экзотических местах. Проблема в методологии подачи этих историй, разработанной современными средствами массовой информации: предпочтение отдается точности фактов, скорости передачи, безликости, сосредоточению на кризисах при практически полном исключении всего остального. Все это ведет к некоему глобализированному провинциализму, когда мы многое знаем, но нас знания эти совершенно не трогают. И зачастую поток этих знаний снижает, а не увеличивает степень нашего любопытства.

И все же интерес к дальним странам и сочувствие просто дремлют. Чтобы вновь удостоиться нашего пристального внимания, зарубежным новостям надо лишь овладеть некоторыми методиками, присущими искусству.

Подробности

«Аудитор угандийского правительства сообщил, что миллионы долларов переведены из канцелярии премьер-министра Амамы Мбабази на частные счета. Мбабази признал, что деньги похищены из его канцелярии, но отрицает собственную причастность к этому. Советник президента Уганды Джон Нагенда заявил, что государство намерено принять все необходимые меры, чтобы ответственные за этот вопиющий случай коррупции ответили по закону. Мбабази отрицает, что сам совершал противозаконные действия, но признает кражу «крупной суммы» из своей канцелярии».

Би-би-си

1.

Во время посещения редакции «Би-би-си-Уганда», наслаждаясь банановым тортом, который принес коллега из «Би-би-си-Нигерия» и щедро поделился со мной, я пытался как можно мягче намекнуть на собственную неспособность заинтересоваться новостями, которые редакция так трудолюбиво собирает по всей стране и пытается донести до апатичного мира: в этот конкретный день новости включали отчет о дерзкой краже со счета канцелярии премьер-министра двенадцати миллионов долларов, направленных в Уганду правительствами европейских стран на благотворительные цели.

2.

В масштабе Уганды эта кража – политическая новость первого ряда, но на сайте Би-би-си этому сообщению пришлось конкурировать с материалами о состоящем в браке футболисте, которого сфотографировали в объятьях жены одного из самых знаменитых

английских телевизионных шеф-поваров, и французской актрисе, при странных обстоятельствах получившей травму на яхте американского интернет-миллиардера, стоявшей на якоре у побережья Монако, то есть шансов вызвать хоть какой-то интерес у угандийской истории не было.

Сотрудники редакции «Би-би-си-Уганда» более доброжелательно, чем могли бы, отнеслись к тому, что я заговорил о недостатке интереса к их новостям как с моей стороны, так и со стороны общества. Наконец, один из членов команды, молодой угандиец, который подростком провел несколько лет в лагере беженцев на севере страны, предположил, что в моем случае наилучший выход из создавшегося положения – поехать в Уганду и самому увидеть эту страну – вероятно, в надежде разжечь этот самый ускользающий от меня интерес.

3.

И я поехал. Не потому, что мне хотелось, – честно признаться, не хотелось, – но при этом меня не отпускало желание понять, почему. Я поехал, чтобы довести до ума и сформулировать собственные идеи, почему другие страны вызывают столь малый интерес у огромной доли аудитории у меня на родине и какую роль играют новости в поддержании или создании этого безразличия и даже отторжения.

Первым сюрпризом для меня стало понимание, что попасть в Уганду – это целое путешествие. Технический прогресс помогает замаскировать эту вроде бы очевидную подробность. Большую часть истории человеческой цивилизации заморские путешествия сопровождалась столь серьезными проблемами, что акцент постоянно и автоматически делался на географические – хотя не забывались психологические и культурные различия – расстояния. Пересечение океана, даже отправление простого письма воспринималось как подвиг, требующий и времени, и финансовых затрат, и все знали, что для этого требуется высокий моральный дух. Теперь, разумеется, это в прошлом. Нынче, прикоснувшись к экрану, мы можем – и практически бесплатно – путешествовать со скоростью света по подводному интернетному кабелю ЮВА-БВ-ЗЕ-4^[12] из Марселя до Джибути, а потом по восточноафриканскому подводному оптико-волоконному кабелю (ВАПОВК) из Момбасы до Кампалы, где и продемонстрировать скуку и

нетерпение. Но дело в том, что опыт и познания человечества бесконечно сложнее и интереснее, чем мы можем себе даже представить, глядя из одной статической точки, и потому мы прежде всего должны выразить уважение планете во всем ее многообразии и постоянно оставаться открытыми, наблюдательными и смиренными перед ее бесчисленными загадками.

Такие мысли сразу же приходят в голову, если вспомнить времена, когда, для того чтобы попасть в Уганду, требовалось два месяца провести в море, обогнуть чреватый опасностями для мореплавания мыс Доброй Надежды, добраться до Дар-эс-Салама, а потом еще несколько месяцев путешествовать по лесам, бушу и пустыне, прекрасно понимая, что из этого путешествия можно и не вернуться. В 1859 году Джон Хеннинг Спик, первый европеец, ступивший на территорию Уганды, который дал озеру Ньянза его нынешнее имя, озеро Виктория, вернулся в Англию и выступил с лекцией о своих путешествиях в Королевском географическом обществе в Кенсингтоне. Его слушали восемьсот человек, чуть не задыхаясь от восторга. Спик рассказал, что около озера Маньяра в Танзании на него напали местные охотники, и в результате копье пробило ему обе щеки. Несколько дней спустя ему в ухо заполз жук и начал прогрызать барабанную перепонку, и его пришлось выковыривать ножом. А момент, когда он поднялся на заросшие буйной тропической растительностью холмы, где теперь расположен город Кампала, красноречиво описан в его книге путешествий, впервые опубликованной в 1863 г. и ставшей бестселлером: «Открытие истоков Нила»:

«Мы поднялись по пологому склону холма, впереди, насколько хватало глаз, расстиралась плодородная, лесистая земля. Меня невероятно поразили чистота и удобство расположения этого места в не меньшей степени, что и его красота и плодородие. Никакой район Бенгалии или Занзибара не мог с ним сравниться, и мои люди, как один, воскликнули: «Как повезло тем, кто здесь живет». Я принял решение остановиться здесь на месяц, так мне все тут нравилось... Земля поражала красотой, а вдали расстиралось безбрежное (озеро Виктория)... Ночью гиена зашла в мою хижину и утащила одну из моих коз, привязанную к бревну между двумя из моих людей...»

Не существовало даже намека на то, что тогдашняя аудитория отвлеклась бы от такого материала ради истории XIX века, подобной нынешнему анекдоту о распутном футболисте.

Но даже теперь путешествие в Уганду – не увеселительная поездка: восьмичасовой полет на «Боинге-767» из Лондона в Энтеббе протяженностью в 6500 километров. Убедительное напоминание о размерах нашей планеты. Шесть часов полета, и вы над огромной охряной пустыней Унианга-Кебир в Чаде. Европа уже далеко. Часом позже скука становится невыносимой, и вы вновь пролистываете ежемесячный журнал авиакомпании, тогда как самолет входит в воздушное пространство Северного Судана. На маршруте, который высвечивается на экране, появляются все новые названия, странные и поэтические: Эми Коусо, Ам Джересс, Умм Буру, Мухаджирия... так много невиданных, неизвестных мест, которые – родной дом для людей, чьи привычки и образ жизни могли бы здорово измениться, если бы самолет в этом месте рухнул. Тут прибывает закуска, приготовленная вчера вечером в Хаунслоу (сыр и яйцо или яйцо и сэндвич с салатом), которая съедается в считанные минуты между Кигали и Тамбурой, тогда как пешее путешествие между этими городами занимает пять дней. Наконец над Демократической Республикой Конго загорается надпись «Пристегните ремни». Тут же следует благодарность капитана и напоминание насчет иммиграции и малярии, потом спуск над Хоимой и Луверо к Энтеббе, а дальше, как фон, озеро Виктория тонет в чернильной тьме, подсвеченной мерцающими огнями сотен маленьких рыбацких лодок.

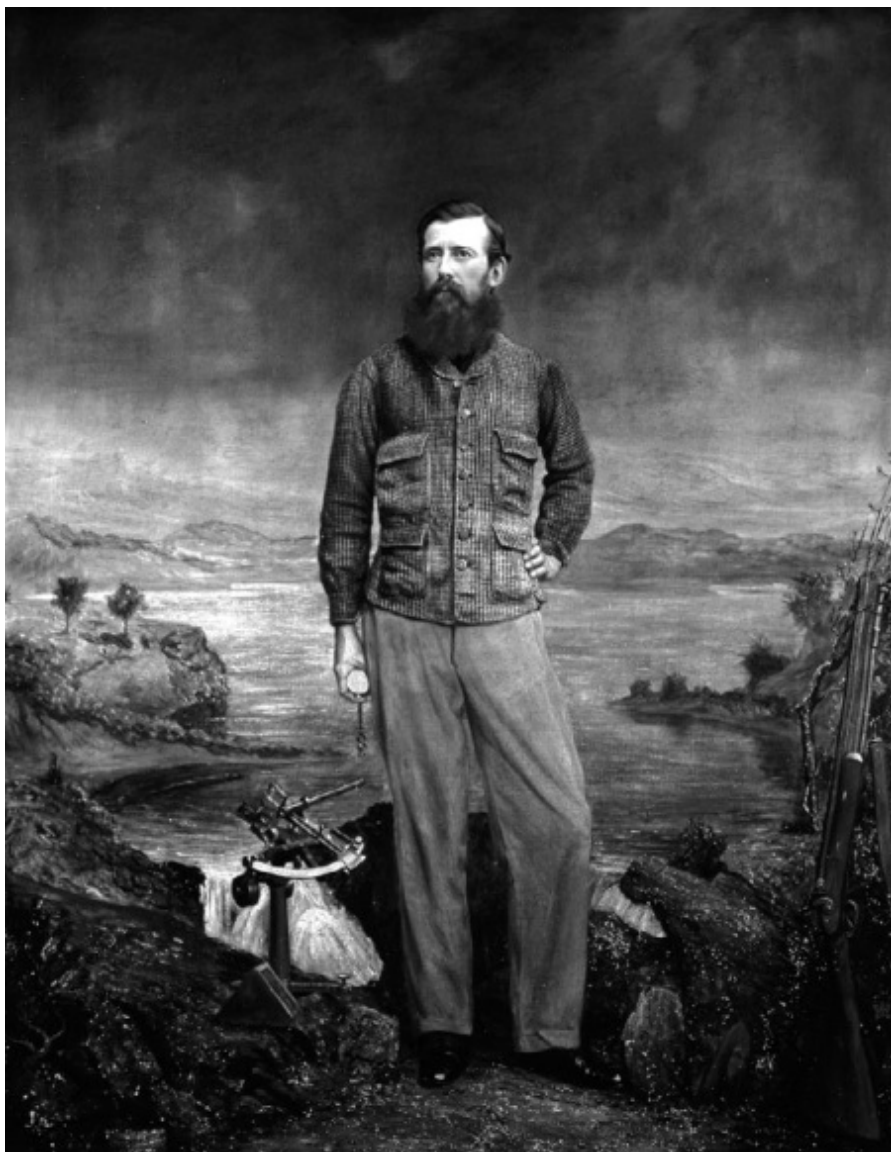
Сегодня мы опасаемся называть что-либо «экзотическим». Такое отношение к зарубежному представляется слишком уж провинциальным, снисходительным, даже расистским. Зарубежные новости активно дистанцируются от записок путешественника и свойственной им атрибутике экзотичности. Осторожничая, чтобы не перехвалить, но и не принизить другую культуру, в качестве компромисса новости избирают нейтральный тон, никогда не выражая изумления по поводу того, что делается в далеких уголках земли, о которых идет речь. Журналисты, похоже, не поражаются, что забрались в такую даль. Без всяких эмоций или комментариев они пишут историю из тех мест, где невеста в день свадьбы дарит жениху козу, где на ужин едят лувомбо^[13] с кунжутовой пастой и где температура в тени может

достигать тридцати градусов по Цельсию. Все это сущая ерунда, не заслуживающая внимания, поскольку главное для новостей – роль премьер-министра в инциденте с кражей приличной суммы со счетов его канцелярии.

И все же, приземлившись в Уганде, человек не может не поразиться тому, что все-таки заслуживает того, чтобы быть признанным экзотическим: цветная реклама «Золотистого превосходного растительного масла для жарки Битко» на стенах домов, имена новых знакомых (Пейшенс, Игнатий и Кеннет), запахи жарящегося мяса и дым костра, марабу – птица-ткач, турако, парящие в синем небе и усаживающиеся на башни сотовой связи, финиковые пальмы, растущие на пешеходных островках и везде, моменты задержки (которых так много), в полном соответствии с древней угандийской поговоркой: «mpola mpola, otuuka waala» («Тише едешь – дальше будешь»).

4.

В литературе о путешествиях мы попадаем в дальние страны с помощью рассказчиков, благодаря которым можем эти страны узнать и которые выказывают по отношению к ним те же предположения и страхи, что могут возникнуть и у нас. Они тоже могут тосковать по дому и бояться болезней и насекомых. И ощущать слабость, волнение, отчаяние. И отстраняться от нормальной журналистской беспристрастности, увидев, проезжая по шоссе в Кампалу, большой и неубедительный рекламный щит с обещанием: «ВМЕСТЕ МЫ ПОБЕДИМ БОЛЕЗНЬ МАРБУРГА». (Это очень заразная геморрагическая вирусная лихорадка, убивающая 80 % заболевших в течение двух суток и распространенная на больших территориях Уганды.)

Новости стремятся даже в самой малой степени не походить на него.

Джон Хеннинг Спик (1827–1864).

Ныне появление в рассказе чего-то личного рассматривается как ущерб объективности информации. Поэтому в зарубежных новостях мы не услышим голоса и не уловим личностных черт корреспондента. Но так ли это ужасно, если мы увидим другую страну через эмоции приехавшего туда человека? В этом случае мужество и тщательно подобранные факты не будут вызывать такой скуки. Намеренно отказываясь демонстрировать какую-либо реакцию на иностранное,

новости недооценивают наше желание расширять представления о мире.

5.

Торопясь познакомиться с так называемыми «главными событиями», новости забывают, что наше ощущение увлеченности страной зависит от умения показать нам, может, не столь важные, но характерные особенности этой страны, которые сами по себе могут вызвать желание узнать побольше – как о людях, так и о месте. Если мы собираемся почувствовать реальный интерес к угандийским новостям, сначала надо что-то узнать о манговых деревьях в Кампале, аромат которых плывет по запруженным толпой бульварам после почти часовых тропических ливней. Поможет знакомство и с типичным угандийским офисом, и с работой местных школ, и с ритуалами общения. Неплохо заглянуть в местную газету «Нью вижн» и просмотреть заметки о последних преступлениях:

«Бывший президент Медицинского союза доктор Аполло Нянгази приговорен к пожизненному заключению, так как был признан виновным в убийстве жены Кристины после ссоры из-за имущества. Вынося в среду свое решение, судья Высокого суда Джейн Киггунду назвала действия Нянгази нецивилизованными. Он совершил это преступление 24 июля 2010 г. в их доме в секторе Кирека-Кара района Вакизо. Пара прожила вместе 17 лет, у них двое детей. Государственный прокурор просил суд приговорить Нянгази к смертной казни за жестокое убийство жены».

Сам тон заметки указывает на расстояние, которое нам пришлось преодолеть. Судья считает убийство мужем жены всего лишь «нецивилизованным», прокурор требует смертной казни не за убийство, а за проявленную при этом жестокость. Без этого убийство на смертную казнь бы не потянуло. И «ссора» из-за имущества не очень-то соответствует накалу страстей. (Мы бранились, поэтому я забил ее до смерти молотком...) Сама того не желая, статья использованием необычных слов для обозначения насилия показывает, сколь часто к

нему прибегают в обиходе, и оно служит реакцией в случае раздражения или недовольства. В тех краях насилие – постоянная и совершенно реальная угроза, поэтому местные новостные репортеры в отличие от коллег в более законопослушных странах могут сообщать о нем крайне обтекаемо.

6.

Я сопровождал корреспондента Би-би-си на пресс-конференцию оскандалившегося премьер-министра, которому, как и многим его подчиненным, другие государства предъявили обвинения в хищении. Для таких случаев новостная машина требует прежде всего одного: цитату примерно в пятьдесят слов, которую необходимо уравновесить другими пятьюдесятью словами представителя противоположной стороны.

Но даже подготовленный по всем канонам журналистики материал предоставляет стороннему наблюдателю возможность узнать об Уганде кое-что необычное: этому помогает очень большая фотография, по-прежнему выставленная на всеобщее обозрение, где премьер-министр обнимает Муаммара Каддафи на встрече глав государств, входящих в Африканский союз, которая прошла в Кампале в 2010 г. (последнем подобном событии, на котором побывал полковник), или огромные черные кожаные вращающиеся кресла в стиле 1970-х гг., так режиссер порнофильма представляет себе сиденья, подходящие солидному генеральному директору какой-нибудь компании, на которых и восседали премьер-министр и его помощники.

Можно узнать кое-что об Уганде и по отказу нашего хозяина отвечать на вопросы, заданные согласно нормам современной журналистики. После того как премьер-министра спросили, не собирается ли он подать в отставку в свете выдвинутых против него обвинений, он неспешно и обиженно улыбнулся и дал весьма пространственный ответ, в котором сочетались дикция баптистского проповедника с Юга и мрачноватый тон палача (он и правда долгие годы возглавлял службу безопасности). «Друзья мои, – начал он, – дорогие друзья, все вы здесь друзья, и мы, угандийцы, протягиваем миру руку дружбы. И раз уж мы все собрались сегодня здесь,

достаточно недоверия и грусти, достаточно обвинений. Конечно же, никакая беда не коснется вас в будущем, которое мы строим для угандийцев, всех угандийцев, от самых бедных до тех, кто живет в достатке, сегодня, завтра и каждый день, дарованный нам Господом». Чего уж там, это заявление не так-то просто втиснуть в новостной бюллетень.

Стюарт Франклин. Премьер-министр Уганды. 2012 г.

Стюарт Франклин. Вестибюль отеля «Серена», Кампала. 2004 г.

Стюарт Франклин. Медные духовые инструменты на праздновании Дня независимости. Хойма, Уганда. 2012 г.

Если у новостных сюжетов есть определенные принятые нормы, то они подразумевают наличие иллюстрирующих их фотографий. Обычно требуются головы над письменными столами, чиновники, выходящие из самолетов, лица крупным планом, ничего своеобразного или, упаси боже, артистичного. Однако и здесь можно что-то сделать, если фотограф, который приехал в Кампалу с автором будущего материала, нарушает правила, чтобы запечатлеть и шокированный взгляд премьер-министра через долю мгновения после того, как журналист задал неприятный вопрос в лоб, и помощницу, которой он приказал снимать на камеру *нас*, пока мы снимали на камеру *его*, возможно, тем самым ненавязчиво напоминая, что ключи от пыточных камер, расположенных, согласно «Амнести интернешнл», в подвале того самого здания, где мы находились, – в его руках.

Хорошие фотографии спрессовывают разные темы в единый образ: они могут рассказать о коррупции, принявшей в Уганде характер эпидемии, показав несколько человек, лениво развалившихся в креслах вестибюля роскошного отеля, или о крайней бедности, проявляющейся

в помятых инструментах на параде в честь празднования (хотя слово это, наверное, не совсем правильное) пятидесятой годовщины независимости Уганды.

7.

В поэме «Златоцветник. Зеленоватый цветок» (1955) американский поэт Уильям Карлос Уильямс написал знаменитые строки:

«Так трудно
Добыть новости из стихов,
И однако, каждый день умирают люди
Из-за того,
Что не найдено там».

«Умирают» – это, конечно, преувеличение. Опасается Уильямс другого: из-за отсутствия постоянного обращения к поэзии можно потерять жизненную активность, пренебречь сочувствием, стать скучными, раздражительными, стерильными. Литература для Уильямса, как и для Джордж Элиот до него, это медиум, который способен пробудить нас к познанию мира. Новости на поверхности могут быть очень серьезными – и вроде бы требуют большей доли внимания в сравнении с той, что когда-либо будет уделяться стихам, – но поэт видит их опасный анестезирующий эффект.

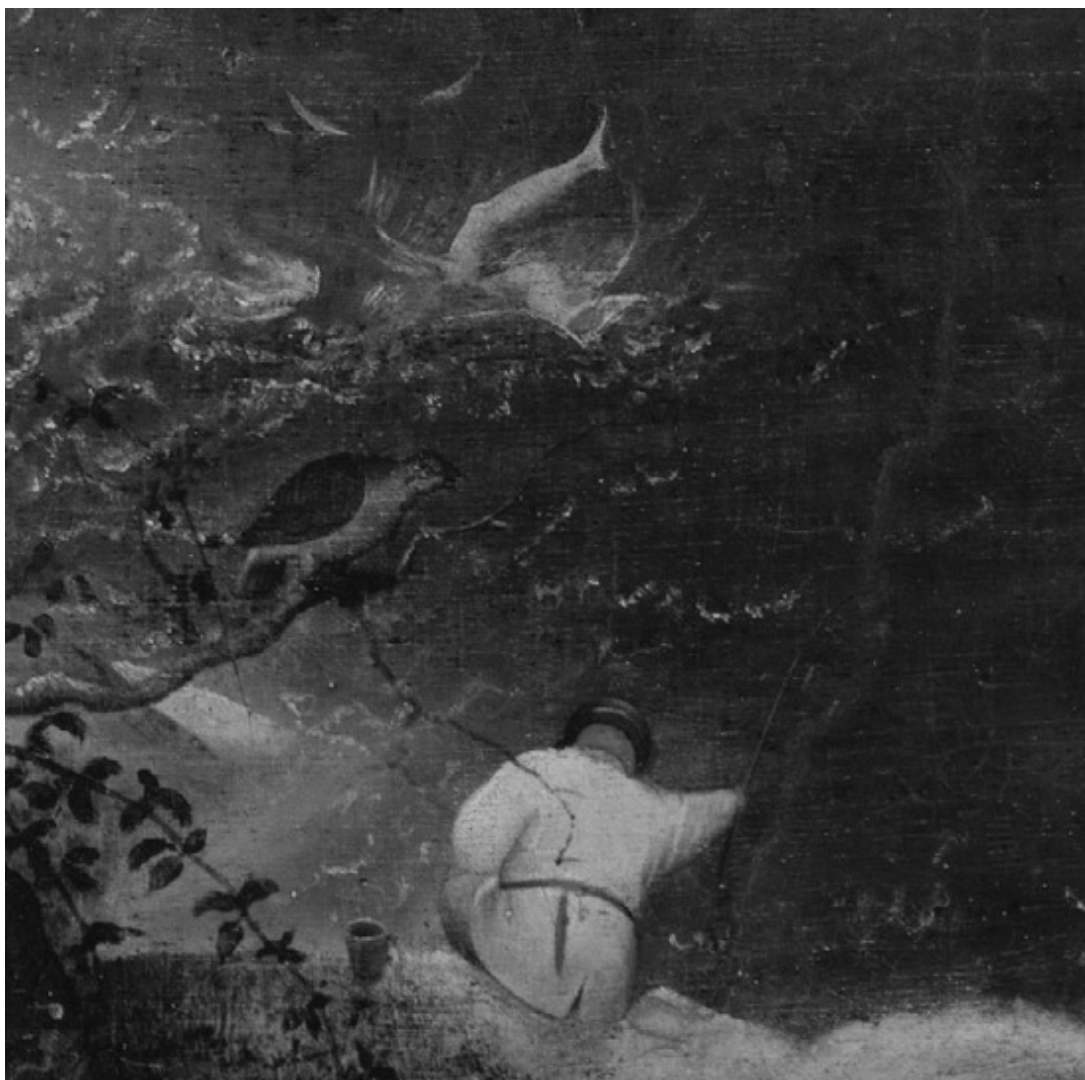
Ученик Питера Брейгеля. «Пейзаж с падением Икара». 1565 г.

При этом уравнение – поэзия как жизнь, новости как смерть – носит непостоянный характер. Беда не в самой категории «новости», потому что в значении этого слова нет ничего специфического, это всего лишь нечто случившееся в мире в некий конкретный момент. Проблема не в новостях как таковых, а в том, что они часто расходятся с жизнью. Однако если бы Толстой, Флобер или Софокл присутствовали в новостной редакции, медиум мог бы дать нам больше того, в чем мы нуждаемся, чтобы удержать наши души от «умирания». Ведь чем изначально были «Война и мир», «Мадам Бовари» или «Антигона», как не тем самым, на что так несправедливо обрушился Уильям Карлос Уильямс, именно – новостными событиями.

8.

Где-то за шестнадцать лет до публикации «Златоцветика» У. Х. Оден пригласил своих читателей в Брюссель в поэме «Музей изобразительных искусств» и подвел к картине «Пейзаж с падением

Икара», которую долго приписывали кисти Брейгеля, но теперь относят к творчеству одного из его учеников.

Фрагмент картины «Пейзаж с падением Икара».

Картина показывает обычный эпизод прибрежной жизни: корабль поднимает парус, пастух пасет стадо, далекий город выглядит процветающим и упорядоченным. Но в нижнем правом углу картины разыгрывается оставленная без внимания трагедия (заголовки, если бы они тогда могли появиться, кричали бы о чем-то другом): неугомонный Икар, позволив солнцу растопить воск своих крыльев, только что рухнул в море навстречу смерти. Решительный пахарь в центре картины олицетворяет популярную голландскую поговорку: «Ни один плуг не остановится ради умирающего»^[14].

Не так много людей заметило Икара – но художник и поэт точно заметили. Здесь Оден хочет показать, что делают люди творческие: *замечают*. Маленькое и вроде бы неprimетное, остающееся без внимания других людей – пахарей и пастухов, вас и меня и торопящихся журналистов, – упускающих то, что играет особую роль в борьбе с нашими обычными безразличием и бесчувственностью.

9.

Нам нужны зарубежные новости, более внимательно относящиеся к подробностям, новости, разжигающие интерес к событиям, благодаря некоторым урокам искусства, новости, позволяющие поэтам, писателям-путешественникам и романистам доносить секреты своего мастерства до журналистов – а иногда даже выделять им стол в тихом уголке новостной редакции, – чтобы люди не могли безразлично проходить мимо прекрасного и трагического, которое происходит на нашей планете.

Фотографии

Обыкновенный президент Барак Обама («Гетти имиджез»)

1.

Нет более задерганного и затюканного человека в новостных редакциях современного мира, чем редактор по иллюстрациям или бильд-редактор. Ответственные за координирование визуального аспекта новостного потока, мужчины и женщины, занимающие этот пост, всегда повторяют (за пределами слышимости их боссов) одну и ту же жалобу: «Никто уже не верит фотографиям».

Это не означает, что новостные структуры больше не используют снимки для иллюстрации новостей. Совсем наоборот. Тексты, которые до нас доходят, сопровождаются гораздо большим количеством визуальных образов, чем прежде. Проблема заключается в отсутствии

честолюбия, которое должно стоять за их созданием и демонстрацией. Фотографии используются, как и раньше, но доводы, побуждающие делать хорошие снимки и хорошо за них платить, по большей части забыты. Подавляющее большинство фотографий, идущих в печать, – это безликие, повторяющиеся штамповки, так что неудивительно, что и смотрят на них как на цветные пятна, разбавляющие монохромный текст.

Неизвестный художник. «Портрет Генриха Четвертого», XVII в.

Жан Огюст Доминик Энгр. «Генрих Четвертый принимает испанского посла». 1817 г.

Мы привычно разделяем новостные фотографии на две категории. Первая – образы, *подтверждающие факты*, которые не несут никакой нагрузки, кроме как подтвердить то, что мы узнали о человеке или событии из соответствующей статьи. Поэтому, если статья сообщает, что президент произнес речь, рядом мы увидим фотографию, удостоверяющую этот тезис. Идея в том, что фотография – дополнительное доказательство подлинности событий, уже изложенных словами.

Есть и вторая, более редкая категория образов, фотографии *откровения*, которые ставят перед собой задачу не только подтвердить описанное в тексте, но и *вывести* наши знания на новый уровень. Такие фотографии бросают вызов клише.

Если у бильд-редакторов такой затюканный вид, то это потому, что им ежедневно приходится сталкиваться с тем, что фотографии, которые требуют и оплачивают структуры, в которых они работают,

практически всегда относятся к первой категории, более дешевой и менее полезной из двух.

2.

Аналогичное деление визуальных образов на две категории, одна из которых подтверждает факт, а вторая открывает новое, можно найти и в изобразительном искусстве, особенно в портретах и исторических картинах. Можно сравнить, к примеру, две достаточно непохожие картины, изображающие Генриха Четвертого, короля Франции. На первой, портрете кисти неизвестного художника XVII века, монарх выглядит добрым, застывшим и загадочным. И как разительно отличается от этого портрета картина Энгра, на которой Генрих показан стоящим на четвереньках на полу, изображая то ли лошадку, то ли ослика, а верхом на нем сидят его дети. В левой части картины испанский посол, который только что прибыл на встречу с королем, но тот просит дать ему еще несколько минут, чтобы закончить игру. Образ Энгра не только подтверждает существование Генриха Четвертого и наличие у него бороды: он еще предлагает нам почву для размышлений о душе главы государства.

3.

Все великие новостные фотографии непременно расширяют наше ограниченное и зачастую пристрастное видение реальности.

К примеру, у меня было собственное представление о свадьбах детей, но только до тех пор, как я увидел фотографии, сделанные Стефани Синклер. Я понятия не имел, что юные невесты на самом деле вовсе не дети. Замужество тут же превращает их в старушек, а на лицах читается смирение, серьезность, ощущение, что их предали, и бесконечная грусть. При этом их мужья не какие-то грубые дикари в годах, какими я их представлял. Они выглядят бесхитростными, невинными и сбитыми с толку, сами кажутся детьми. Практически невозможно себе представить, что эти абсурдные огорченные, страдающие пары сразу начнут дарить друг другу радость.

Я знал, что война – затея не из лучших и под перекрестным огнем иногда гибнут невинные, но не отдавал себе отчета, как сильно верил в успех дипломатических усилий, и не возражал против того, чтобы какие-то важные стратегические цели остались не реализованными из-за того, что войны удалось избежать... лишь бы отцам не пришлось оплакивать истекающих кровью детей.

Стефани Синклер. Табани и Гада, Йемен. 2010 г.

Я знал о мире, но теперь понимаю, что при множестве виденных фотографий и еще большем количестве прочитанных статей не удерживаю в памяти ни одного образа, характеризующего большинство стран нашей планеты. Мне приходится прилагать усилия, чтобы найти визуальные ассоциации с Чили или Перу. Я и понятия не имею, как выглядят Нигер или Бурунди. И не могу представить себе Буркина-Фасо или Соломоновы острова... и меня просто зачаровывает фотография, которая показывает, что в Киншасе продают бытовые товары, люди говорят на французском («Vente des Apparels Electromenager»), и молодые мужчины, какие бы их ни обуревали проблемы, по-прежнему умеют смеяться и веселиться.

Ману Брабо. Плачущий сириец, который держит на руках сына, убитого сирийской армией около больницы Дар-эль-Шифа в Алеппо, Сирия. 2011 г.

Стюарт Франклин. Уличная жизнь, Киншаса. 2004 г.

Пит Соуза. Президент Барак Обама делает вид, что попал в паутину Человека-Паука, столкнувшись с сыном одного из сотрудников Белого дома в приемной Овального кабинета. 2012 г.

Я думал, что знаю президента Обаму, поскольку видел немало его фотографий, на которых он произносил речи на фоне президентского орла. Я знал, что он может изображать многое, чтобы добиться избрания и переизбрания, но не осознавал, что он также может в свои лучшие моменты кое-что изобразить, чтобы доставить удовольствие ребенку. Я рассматриваю образ, схваченный штатным фотографом Белого дома Питом Соузой, и думаю, что Обама, как другой правитель, Генрих Четвертый, четыре столетиями раньше, может предстать таким трогательным, близким и понятным, когда позволяет себе принять участие в детских играх.

4.

Читая новостные заметки, мы видим очень много плохих фотографий, и вероятность, что нам придет в голову, что иногда есть смысл остановиться и внимательно рассмотреть те немногочисленные из них, которые бывают хорошими, уже крайне мала. Нынче даже кажется странным прервать чтение статьи, чтобы уделить

сопровождающей ее фотографии достаточно времени, скажем, сколько мы уделяем картине в музее – секунд тридцать или около того, – в надежде узнать что-то, отличное от содержания статьи. Мы больше не считаем фотографию носителем информации, в этом ее потенциал утрачен, не считаем ее способной показать нам планету с новой стороны, развеять наше самодовольное мнение, что мы и так прекрасно ее знаем.

IV. Экономика

М2 и утопия

«М2 Южной Кореи, количество наличных денег в обращении и безналичных средств, выросла на 4,6 процента в годовом исчислении до 1827,7 триллиона вон в октябре, уменьшив темпы роста с 5,2 процента в сентябре, согласно отчету Банка Кореи (БК). С учетом сезонности М2 страны увеличилась на 0,2 процента в октябре по сравнению с предыдущим месяцем, в сравнении с ростом на 0,1 процента в сентябре. Совокупность ликвидности, все денежные средства, которыми располагает страна, выросла в октябре на 7,8 процента по сравнению с прошлым годом, что меньше, чем сентябрьская прибавка в 8,9 процента, добавляет БК».

«Ёнхап ньюс», Южная Корея

1.

В самом серьезном настроении новости стремятся объяснить происходящее в мире, то есть пытаются просеять все драмы, гиперболы и крики каждого дня, чтобы обратить наше внимание на наиболее значимые события, которые того достойны. Есть так много того, что может нас заинтересовать (парочка прыгнула с моста Золотые ворота, в нескольких районах Тасмании бушуют пожары, мексиканский промышленник застрелил конкурента), но на чем же новостям действительно следует сосредоточиться?

Мы наследники идеи, продвигаемой как левым, так и правым крылом политического спектра, что реальное положение большинства стран определяется их финансовым состоянием, а потому экономические новости должны быть наиболее важным разделом всего новостного потока.

2.

В наиболее честолюбивых новостных структурах наш взгляд постоянно нацеливают на различные ключевые индикаторы экономического дисплея, включая предложение денег (M1, M2, ДНП^[15]), резервы центрального банка, индекс потребительских цен (ИПЦ), число выданных разрешений на строительство жилых домов, требования на выплату пособия по безработице, дефицит бюджета, национальный долг и, наиболее существенный показатель, ВВП^[16].

Цифры могут дезориентировать. Оценивать страну через экономические показатели в некотором смысле то же самое, что оценивать самого себя по показателям анализа крови, тогда как традиционные характеристики личности остаются в стороне, и со всей ясностью определено, что самое важное – это содержание в крови лактатдегидрогеназы, лейкоцитов и С-реактивного белка.

Как кровь для человеческого тела, деньги для государства – постоянно циркулирующая, дающая жизнь субстанция, в которой в зашифрованной форме находятся самые важные данные о будущем страны. Их анализ – важнейшая работа государственных финансовых лабораторий: Управления национальной статистики в Великобритании, Министерства торговли в Соединенных Штатах, *Национального института статистики и экономических исследований* во Франции или Национального статистического управления в Южной Корее. Каждую неделю их сотрудники обследуют экономику. В одной только Великобритании они получают сведения от шести тысяч компаний в производственном секторе, двадцати пяти тысяч – в сфере обслуживания, пяти тысяч торговых сетей, десяти тысяч строительных компаний и четырех тысяч государственных проектов в сельском хозяйстве, энергетике, здравоохранении и образовании. С помощью гигантских компьютеров статистики обрабатывают снятый урожай информации и публикуют сильно сокращенные, но дающие пищу для размышлений данные. Значения ВВП, к примеру, сообщают, что финансовая стоимость работы, проделанной всей страной за прошедший квартал, увеличилась на 1,1 или (не дай бог) уменьшилась на 0,5 процента. За этими цифрами десятки тысяч совещаний, тревоги, сомнения, заседания советов директоров, ранние поездки на работу, неудачи, инициативы, запуск в производство новых изделий и разочарования. Все это оценено и сжато в две цифры, разделенные запятой.

hydrogen 1 H 1.0079																		helium 2 He 4.0026																	
lithium 3 Li 6.941		beryllium 4 Be 9.0122																		boron 5 B 10.811		carbon 6 C 12.011		nitrogen 7 N 14.007		oxygen 8 O 15.999		fluorine 9 F 18.998		neon 10 Ne 20.180					
sodium 11 Na 22.990		magnesium 12 Mg 24.305																		aluminum 13 Al 26.982		silicon 14 Si 28.086		phosphorus 15 P 30.974		sulfur 16 S 32.065		chlorine 17 Cl 35.453		argon 18 Ar 39.948					
potassium 19 K 39.098		calcium 20 Ca 40.078		scandium 21 Sc 44.956		titanium 22 Ti 47.867		vanadium 23 V 50.942		chromium 24 Cr 51.996		manganese 25 Mn 54.938		iron 26 Fe 55.845		cobalt 27 Co 58.933		nickel 28 Ni 58.693		copper 29 Cu 63.546		zinc 30 Zn 65.39		gallium 31 Ga 69.723		germanium 32 Ge 72.61		arsenic 33 As 74.922		selenium 34 Se 78.96		bromine 35 Br 79.904		krypton 36 Kr 83.80	
rubidium 37 Rb 85.468		strontium 38 Sr 87.62		yttrium 39 Y 88.906		zirconium 40 Zr 91.224		niobium 41 Nb 92.906		molybdenum 42 Mo 95.94		technetium 43 Tc [98]		ruthenium 44 Ru 101.07		rhodium 45 Rh 102.91		palladium 46 Pd 106.42		silver 47 Ag 107.87		cadmium 48 Cd 112.41		indium 49 In 114.82		tin 50 Sn 118.71		antimony 51 Sb 121.76		tellurium 52 Te 127.6		iodine 53 I 126.905		xenon 54 Xe 131.29	
cesium 55 Cs 132.91		barium 56 Ba 137.33		lanthanum 57 La 138.91		cerium 58 Ce 140.12		praseodymium 59 Pr 140.91		neodymium 60 Nd 144.24		promethium 61 Pm [145]		samarium 62 Sm 150.36		europium 63 Eu 151.96		gadolinium 64 Gd 157.25		terbium 65 Tb 158.93		dysprosium 66 Dy 162.50		holmium 67 Ho 164.93		erbium 68 Er 167.26		thulium 69 Tm 168.93		ytterbium 70 Yb 173.04					
francium 87 Fr [223]		radium 88 Ra [226]		actinium 89 Ac [227]		thorium 90 Th 232.04		protactinium 91 Pa 231.04		uranium 92 U 238.03		neptunium 93 Np [237]		plutonium 94 Pu [244]		americium 95 Am [243]		curium 96 Cm [247]		berkelium 97 Bk [247]		californium 98 Cf [251]		einsteinium 99 Es [252]		fermium 100 Fm [257]		mendelevium 101 Md [258]		nobelium 102 No [259]					

* Lanthanide series

* * Actinide series

Все, что мы видим вокруг (деревья, близкие, работа), состоит из этого.

Дистилляция знакома нам по другой науке, и этот процесс стремится использовать экономика. В химии нас тоже приглашают заглянуть под многообразие физической реальности, чтобы открыть 118 простых элементов, из которых состоит вся материя и которые могут с почти артистическим изяществом быть расставлены по химическим характеристикам, атомному весу и количеству электронов в колонки периодической системы.

3.

Экономические показатели могут сломать шкалу ценностей, на которой мы обычно основываемся, чтобы ощущать нашу жизнь значимой и полной надежд. Наше ощущение осмысленности цели может быть раздавлено невообразимыми размерами системы, которая открывается стараниями экономики: мировой ВВП составляет 70 000 000 000 000 000 долларов, на глобальном рынке оборачиваются акции

общей стоимостью 100 триллионов, а рынок производных финансовых бумаг оценивается в 791 триллион. Долг Европейского союза – 17 триллионов долларов, долг США – 16 триллионов (если тратить по доллару в секунду, от триллиона удастся избавиться только через тридцать одну тысячу лет). Миллиард людей влачит существование в бедности, в то время как элита, составляющая всего два процента населения Земли, владеет половиной мирового богатства. Эти цифры поражают, как и статистика в астрономии, сообщающая, что Млечный Путь состоит из 400 миллиардов звезд, и потребуются 93 миллиарда световых лет, чтобы пересечь Вселенную. Наш разум не очень подходит для того, чтобы соотносить нашу жизнь с такими масштабами. Наши устремления выглядят смешными, если не абсурдными, слишком уж незаметными на таком полотне. Разумеется, нас охватывает ощущение абсолютной ничтожности.

4.

Дара речи может лишить не только масштаб экономической машины, но и ее сложность. Лишь самая малая часть населения развитых стран понимает, как работает экономическая система, в рамках которой они существуют. Большинство из нас едва ли сможет сказать, что скрывается за таким специфическими терминами, как арбитраж, Базель-1 и Базель-2, циклически скорректированный текущий бюджет, соотношение цен и доходов или монетарное смягчение. Когда мы следим за финансовыми событиями в новостях, мы можем спросить, и не в первый раз: «Что такое темпы роста предложения денег?», или «Каков принцип функционирования хедж-фондов?», или «Что определяет ставка ЛИБОР?», или «Как государство может «печатать деньги» и каковы долговременные последствия этих действий?»

Добрые комментаторы, которых иногда приглашают новостные структуры, чтобы помочь нам разобраться с кашей в голове, очень стараюсь все объяснить и разложить по полочкам, но, возможно, потому, что идеям, ставящим нас в тупик, не хватает связи с повседневной жизнью, их объяснения имеют привычку улетучиваться

из наших голов буквально через несколько часов после того, как мы их услышали.

Если мы действительно хотим разобраться и просветить себя на предмет подробностей, мы должны обладать крепкой нервной системой. Рассмотрим, к примеру, смысл уравнения обмена (в теории денег). Идея расположена в самом начале предгорий экономической науки, но уже предлагает сценарий, в котором:

$$M \cdot V_T = \sum_i (p_i \cdot q_i) = p^T \cdot q ,$$

где:

p_i и q_i – соответственно цена и количество i -той транзакции;

p^T – вектор-строка p_i ;

q – вектор-столбец q_i .

К этому моменту у большинства возникнет желание сбежать, не исключено, вернуться к трагической новости о парочке, прыгнувшей с моста Золотые Ворота.

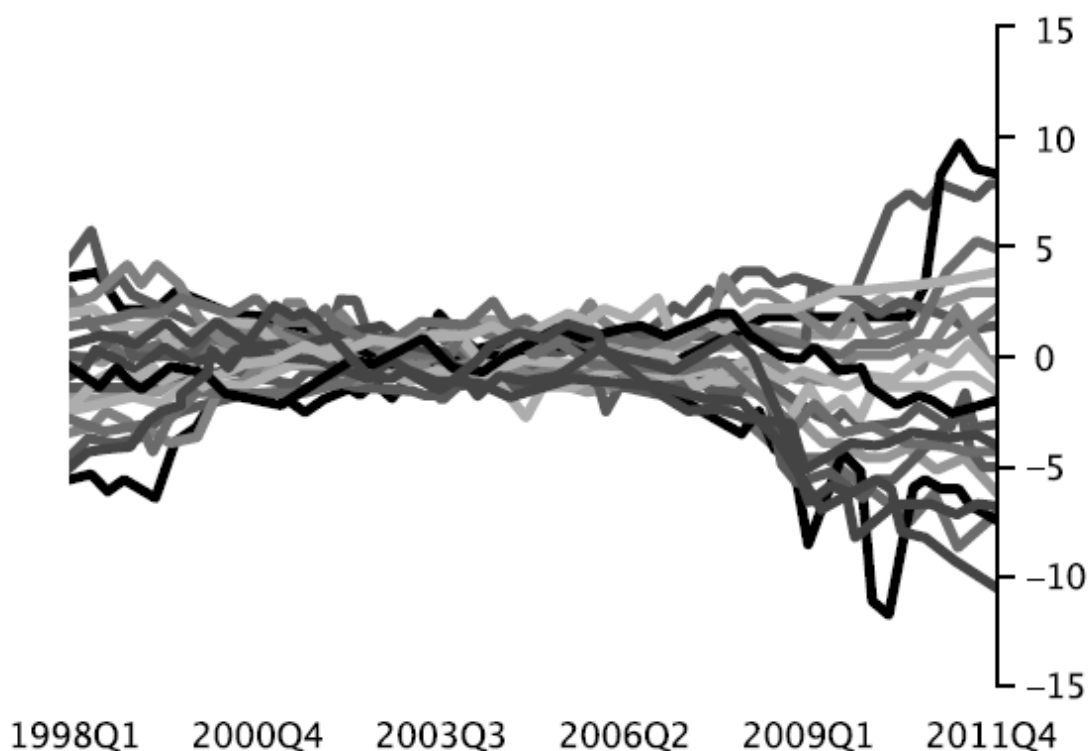

График дисперсионного рассеивания

Пребывая в определенном настроении, мы практически согласны с тем, чтобы чувствовать себя песчинкой в сравнении с огромностью и сложностью экономики. Теологи иногда описывают чувство благоговения, которое возникает, когда крошечное человеческое эго сталкивается с божественным присутствием и испытывает *mysterium tremendum*, в переводе с латинского – таинство божественного. Это же самое *mysterium tremendum* испытывает человек, когда его разум сталкивается с графиком дисперсионного рассеивания.

5.

Если иногда мы соглашаемся признать великий ум экономистов, пребывая в другом настроении, нам сложно удержаться от некоторых неприятных вопросов, которые возникают, когда мы размышляем об экономической ситуации на планете, как она представлена в новостях.

Скажем, лежа без сна в ночи, некоторые из нас могут задаться вопросом, искренне, пусть еще и бессвязно, почему мир, построенный капитализмом (не без пафоса), *не так хорош*. Почему вокруг по-прежнему так много страдания? Почему некоторые имеют так много, а другие совсем ничего? Почему большая часть работ бессмысленна? Почему мы не можем рассчитывать на большую безопасность и увеличение свободного от работы времени? Почему практически везде царят озабоченность и страх? Разве мы не уничтожаем планету без особой на то причины или пользы для себя? (Час уже слишком поздний, и редко кто продолжает упорствовать.) Не можем ли мы начать снова, выбрав уже иной путь, перестроить существующий порядок, возможно, принять какие-то законы, поэкспериментировать с новыми идеями, чтобы создать более свободный, не столь озабоченный, более счастливый мир?

6.

Мы достаточно хорошо знаем, что это несерьезные вопросы: это из разряда проблем, о которых подростки пишут стихи или спорят с родителями. Утром мы решительно отбрасываем их в сторону. Они не входят в стандартный набор экономических новостей, которым нас потчуют. Мы не способны проанализировать их так, как это сделает должным образом подготовленный, наделенный высоким интеллектом и здравомыслящий человек, допустим, глава Федеральной резервной системы, на сегодня самый влиятельный в мире экономист.

Если наши вопросы кажутся незрелыми, причина в том, что мы ассоциируем зрелость с хладнокровным принятием важных положений, болезненных, но необходимых для нормального функционирования экономики, тогда как наши размышления выглядят отрицающими реальность воплями мечтателя-утописта. Взрослость включает в себя и окончательные похороны огромного числа наших надежд. Общепринятая экономика уважает процесс взросления и сопровождающий его мазохизм. По большей части это история боли, объяснение нам различных сложных, но весомых причин, почему многие хорошие вещи невозможны. Почему мы не можем взмахнуть волшебной палочкой и превратить всех бедных в богатых, почему

конкуренция, а следовательно, и напряжение необходимы в рыночной экономике, почему полная занятость развивает у людей лень, почему страна должна награждать победителей и наказывать неудачников, почему с богатых нельзя взимать налоги пропорционально их богатству, почему мы не можем жить проще, но при этом и с достоинством, почему правительства не могут ограничивать рынок во имя высших ценностей, почему бессмысленные потребительские товары – незаменимый элемент процветающей экономики, почему для экономического роста хорошо, если люди не делятся друг с другом и не пускают свою собственность в оборот и почему нельзя прилагать слишком много усилий, чтобы сделать наш мир прекрасным и чистым.

7.

Итак, приходим к следующей ситуации: с одной стороны, есть новостная тематика, в которой доминируют сообщения о разработках крайне сложной общественной науки, которая имеет дело с проблемами чуть ли не космического масштаба и невообразимой трудности, и на основе этих разработок мы время от времени получаем заявления, одновременно пессимистичные и смирившиеся с неизбежным, с другой стороны, есть огромное количество зачаточных, наивных, простодушных, эмоциональных желаний, которые тщательно скрываются и по большей части остаются не высказанными из страха услышать обвинения в утрате взрослой серьезности.

8.

Иногда напряженность достигает такой силы, что следует взрыв. Собравшиеся в группу люди совместно объявляют, что с них хватит, рисуют плакаты, покупают мегафоны и занимают позиции перед центральным банком, ресторанами быстрого обслуживания некой сети или штаб-квартирой нефтяной компании. Несколько недель спустя, после активного общения с прессой и стычек с вооруженной до зубов полицией, импровизированные лагеря прекращают свое существование, и новости переключаются на что-то еще.

Эти взрывы обречены из-за крайней наивности: обусловленные самыми лучшими намерениями, они направлены на решение некой проблемы, но при полном отсутствии знаний о причинах, из-за которых эта проблема возникла. Жалоба, которая могла бы стать предметом серьезного рассмотрения на достаточно высоком уровне, превращается в отчаянные вопли.

9.

В этих вспышках ярости отчасти виноваты новости, потому что именно они помогают воспитанию аудитории, которая не способна разобраться в сути и чувствует себя беспомощной в своих экономических представлениях, поскольку новости сознательно и умело рушат наши честолюбивые замыслы касательно создания более справедливого мира.

Акция гражданского неповиновения «Захвати Уолл-стрит». Сентябрь, 2011 г. Надпись на плакате: «Я люблю человечество. Давайте

вместе разберемся со всем этим дерьмом».

Протестующие правильно указывают недостатки экономической системы, но им не под силу выявить специфику возникших проблем. Требуется годы напряженной учебы и исследований, чтобы понять механику финансовой машины и предложить реалистичные идеи для ее реформирования. Впрочем, есть много других, весьма разумных идей, о которых, и это не случайно, нам еще очень долго не узнать из новостей.

По большей части новости не склонны обеспечивать своей аудитории достойное экономическое образование, имеющее к тому же крепкую политическую основу, и потому, что сами новостные структуры не слишком в этом разбираются, и потому, что их вполне устраивает нынешнее статус-кво.

Решать экономические головоломки – не задача новостей, да и нет у них такой способности. Они могут другое, и тут их возможности весьма существенны: новостям вполне по силам очертить круг вопросов, привлечь внимание аудитории к тому, что новости считают важным, а уж заинтересовавшийся и осведомленный о проблеме электорат сможет донести это до правительства и корпораций.

В настоящее время новостные структуры главным образом отслеживают повседневную деятельность экономического сообщества. Рассказывают, что происходит, но не поясняют, что может или должно случиться. Пока новости если и очерчивают круг вопросов, то очень ограниченный: должно ли государство вмешиваться, чтобы поддержать рынок занятости, или не должно, нужно ли присоединяться к валютному союзу, жестко сдерживать инфляцию или пойти на уступки. Экономические «дебаты», как они видятся через призму новостей, остаются за четко прочерченными линиями, ограничивающими ожидания аудитории в части результатов, которые могут быть достигнуты. Уход от привычных вопросов (о том, кто такой акционер и каким он должен быть, к примеру, или как связаны экономический рост и процветание общества) может с космической скоростью привести в зону, именуемую «радикальной», то есть нелепой, хотя все то, что мы теперь считаем само собой разумеющимся (минимальная часовая ставка, защита детей, охрана окружающей среды), начиналось с ярлыка «радикальное», если не безумное, в сравнении с «благоразумной» точкой зрения.

Идеальная новостная служба должна анализировать текущие события, но при этом озвучивать экономические принципы, которые могут послужить идеальной опорой для общества. Она должна указывать направление, в котором должны двигаться люди, стремясь к экономической Утопии, то есть к процветающему и цивилизованному обществу, озабоченному не только деньгами, но достойными целями их использования: реализацией творческого потенциала, справедливым распределением, поощрением щедрости, красоты и доброты. Это будет доктрина, касающаяся только целей, допускающая существенную гибкость в части средств ее достижения, в отличие от анализа, отражающего правые или левые взгляды, навязшего в зубах и не несущего ничего нового, кроме поддержки предсказуемых методов.

10.

Продолжая регулярное рутинное отслеживание деривативов, коэффициентов доходности и состояния M2, экономические новости не должны забывать о своей ответственности за создание мира, в котором будет меньше тревог и опасностей, больше спокойствия за будущее и осмысленности выполняемой работы.

Такие вопросы, пусть они вроде бы и далеки от контекста классической экономики, в текущий период человеческой истории слишком существенны, чтобы их поднимали наедине с собой в темноте спальни или выкрикивали хриплым голосом в мегафон за миг до полицейской атаки.

Новости для инвестора

«Проктер энд Гэмбл. Ко» (ПГ), крупнейшая в мире компания по производству потребительских товаров, закрывает исследовательские центры средств ухода за волосами в Великобритании и Японии. Исследованиями, проводимыми в Кобе, Япония, теперь будут заниматься в Сингапуре, а тематика центра в Игэме, Англия, передается в США. В Игэме разрабатывали главным образом средства для укладки волос, тогда как в Японии – кондиционеры. ПГ также располагает исследовательскими центрами, специализирующимися на шампунях, в Цинциннати, и красках для волос – в Германии. Акции ПГ поднялись на 0,7 процента, до 69,82 доллара, при закрытии биржи в Нью-Йорке».

«Блумберг ньюс»

1.

Многие богатейшие новостные структуры по всему миру тратят немало времени, готовя материалы о том, что происходит в отдельно взятых компаниях. Они пристально отслеживают любые изменения в автомобильном, авиационном, энергетическом, потребительском, технологическом секторах, в здравоохранении и массмедиа, и это внимание обусловлено требованиями одной группы их аудитории – инвесторами. Которым требуется последняя и точная информация о коммерческом состоянии компаний, чтобы помочь определить, куда направить ресурсы для получения максимальной прибыли.

Акции и индексы

Название индекса	Величина	Изменение
FTSE 100	6081,95	+17,37
Dow Jones	13384,29	-50,92
Nasdaq	3098,81	-2,85
Dax	774803	+15,37
Cac 40	729,26	+24,62
S&P 500	1461,89	-4,58

Компания	Стоимость	Изменение	%
Nationstar Mortgage Holdings Inc.	38,83	+5,60	+1w6,85
Molycorp Inc.	11,56	+1,26	+12,23
Energysolutions Inc.	3,73	+0,29	+8,43
Newcastle Inv Corp.	9,60	+0,61	+6,79
Alcatel-Lucent SA ADR	1,73	+0,09	+5,49
Imax Corp.	24,08	+1,24	+5,43
Ocwen Financial Corp.	36,77	+1,88	+5,39
Quicksilver Corp.	5/29	+0,22	+4,34
Walter Industries Inc.	39,61	+1,59	+4,18
Sphere Drake Holdings Ltd.	6,80	+0,24	+3,66

Что произошло сегодня, согласно «Блумберг ньюс».

Исторически эволюция современных средств массмедиа пребывала в тесной связи с потребностями получения рыночной информации банками, брокерскими конторами и торговыми домами. Прокладка трансатлантических кабелей между Великобританией и Соединенными Штатами в середине XIX века оплачивалась совместно как финансовыми, так и новостными компаниями (к примеру, «Рейтером»). Тогда новостные сюжеты, проносящиеся в глубинах Атлантического океана, несли ответы на такие вопросы, как: «Растет или снижается потребность в гуано?», «Какой доход может быть получен от налога на солод?», «Как повлияет забастовка лионских

ткачей на рынок хлопка?» и «Что произойдет с ценами на кукурузу, если будут сняты ограничения на импорт?».

Упор на «новости для инвесторов» имеет место и сегодня. Даже ведущие новостные структуры отдают немало пространства и времени последним цифрам с ведущих фондовых бирж всего мира, а также сообщают в режиме реального времени о росте или падении цены акций сотен тысяч малоизвестных, но, вероятно, больших и важных корпораций, которые, оставаясь невидимыми, каким-то образом влияют на нашу жизнь, от «Моликорп, Инк.» (редкие металлы) до «Сфер дрейк холдингз, лтд» (страховка коммерческой недвижимости).

2.

Инвесторы относятся к этим сведениям с предельным вниманием: рассматривая компанию, они хотят видеть цифры по дивидендной политике за последние пять лет, доход за последнее время, P/E коэффициент за самый последний квартал (СПК), рыночную капитализацию компании и текущий P/E коэффициент (за последние двенадцать месяцев, или ПДМ). Кроме того, они могут также поинтересоваться средним объемом и относительным P/E в сравнении с Эс-энд-Пи 500.

Но им определенно незачем знать, каково это – работать менеджером по продажам или бригадиром, думать о структуре управления, представлять себе столовую или производственные площади в Шицзячжуане, гадать, откуда берется сырье, или спрашивать, а какова польза производимой продукции в масштабах всего человечества.

Инвесторы – это пилоты, летящие над некой территорией в ночи. Для навигации они полагаются только на сигналы нескольких маяков и визуальные ориентиры: атомная электростанция на полуострове, главная автострада север – юг, средневековый город, сверкающий, точно бриллиантовое кольцо, у подножия гор. Но им нет нужды волноваться из-за споров, которые идут в жилом квартале около площади, проблемах водителя грузовика, заехавшего в мастерскую, или грезах техника, обслуживающего турбинный зал. В кабине они слышат

только мерный гул двух двигателей компании «Пратт-энд-Уитни», турбины которых вращаются со скоростью 25 000 оборотов в минуту.

В штате финансовых новостных структур есть журналисты, работающие на самых дальних экономических аванпостах. Эти корреспонденты следят за урожаем в провинции Саскачеван, Канада, разработкой нефтяных месторождений на шельфе Бразилии, добычей руды с высоким содержанием ниобия, циркония и тантала в Малави, созданием нового поколения управляемых компьютерами поездов в долине Рура, Германия, изготовлением аэрокосмических панелей из углепластика в Тюбу, Центральная Япония, и, несмотря на невероятно выигрышное положение, эти журналисты должны быть целиком сосредоточены только на информации, способной помочь инвесторам ответить на один-единственный вопрос: «В какие компании следует вложить деньги?»

3.

Если писать о происходящем в бизнесе только в экономических терминах, то укладывать всю компанию в приращение стоимости акции +1,20 или сжимать опыт 8000 человек в объем продаж 375,776 миллиона долларов так же неправильно, как сводить роман масштаба «Гордости и предубеждения» к перечню банковских счетов персонажей. Деловые предприятия должны находиться среди самых важных человеческих организаций планеты, заслуживающих того, чтобы имеющие к ним непосредственное отношение авантюры, служебные проступки, обманы, страсти и страдания тщательно и всесторонне освещались, с накалом и эстетическим мастерством, присущим рассказу о любви. Тот факт, что «человеческий интерес» у нас по-прежнему вызывает личная жизнь, а не происходящее на заводском конвейере, в системе снабжения или на офисном рабочем месте, – культурологический нонсенс. Из-за жестких рамок новости для инвестора всякий день игнорируют феномен, подробности которого не менее увлекательны, шокирующие, захватывающие и драматичны, чем эпизоды шоу-бизнеса или страницы самого популярного романа.

Журналисты, работающие в этом новостном сегменте, должны требовать, чтобы им разрешали приземлять самолет и добавлять к

голым цифрам жизненные подробности.

«Шарп корп.»

ТОКИЙСКАЯ ФОНДОВАЯ БИРЖА

Изменение цены: – 18 иен

Открытие: 288 иен Закрытие: 270 иен

Необходимо, к примеру, разрешить им больше рассказывать о страхе. Обыватель контактирует с корпоративным только через лишённые отпечатков пальцев товары, ничего не зная об особенностях их производства. Шарповский телевизор «ЛЕ 836» или микроволновая печь «Р98СТМ-АА» мощностью 900 ватт ничего не скажут об их появлении на свет на фабрике, расположенной на южной окраине города Таки в японской префектуре Миэ. Эти надёжные, прекрасно спроектированные приборы не хотят говорить и о процессах, которые вызвали их появление: о гордости, ревности, жестокости и мести, которые подхлестывали их создателей. А больше всего они не захотят говорить об озабоченности, которая свойственна капитализму в целом и сорока шести тысячам сотрудникам «Шарпа» в частности. «Творческое разрушение» – удачное абстрактное выражение, которое используют финансисты и экономисты, чтобы описать уничтожение более слабых компаний на конкурентном рынке, но в реальности префектуры Миэ это означает горький конец десятилетий упорного труда, усилий, планирования, активности и надежды. Нам обязательно надо знать больше о сердечной боли и ночных страданиях Микио Катаямы, президента «Шарп корп.», честного и интеллигентного человека, который тем не менее допустил несколько очень серьезных ошибок: инвестиции не в тот вид плазменных панелей, ставка на второсортные дисплеи для смартфонов, упор на микроволновые печи в тот самый момент, когда рынок от них отвернулся, и теперь, несомненно, удары конкурентов обрушат цену акций компании и сметут с рынка как его самого, так и многих других сотрудников.

«Нестле СА»

ШВЕЙЦАРСКАЯ ФОНДОВАЯ БИРЖА

Изменение цены: +0,20 ШвФ (швейцарский франк)

Открытие: 63,55 ШвФ Закрытие: 63,75 ШвФ

При этом нам надо иметь возможность увидеть мир за цифрами, чтобы оценить капитализм как визуальное, чувственное явление и ощутить предельно упорядоченную, стерильную красоту его офисов и производственных центров. Мы должны последовать за фотографом Жаклин Хассинк в залы заседаний советов директоров, обставленные строгой дорогой мебелью, спроектированной несколькими старательными дизайнерами, где решения, влияющие на судьбу сотен тысяч людей, принимаются этими самыми директорами, зачастую инженерами по образованию, честолюбивыми мастерами политической интриги.

Жаклин Хассинк. Зал заседаний совета директоров корпорации «Нестле». Веве, Швейцария, 1994 г.

На фотографиях Хассинк их отсутствие каким-то образом только прибавляет им значимости и могущества. В зале совещаний совета директоров корпорации «Нестле» в Женеве, к примеру, можно восхититься картой нашей планеты, которая позволяет членам высшего руководства, как генералам в более ранние периоды истории, когда

война имела несравнимый с нынешним престиж, теперь отобранный у нее бизнесом, любоваться успехами проводимых ими кампаний по увеличению продаж «Хони нат чириос», «Сан Пеллегрино» и «Фрискис» людям и кошкам на всех пяти континентах.

«Цанн Куэн энтерпрайз Ко, лтд»
ТАЙВАНЬСКАЯ ФОНДОВАЯ БИРЖА
Изменение цены: +0,60 ТД (тайваньский доллар)
Открытие: 58,30 ТД Закрытие: 58,90 ТД

Точно так же мы должны позволить фотографу Эдварду Бертински перенести нас в Китай и показать нам жертвы, стоящие за удивительно дешевыми товарами, которые нам так нравится покупать: утюгами, кофеварками, грилями для барбекю, соковыжималками, пылесосами и тостерами. Их в огромных количествах производит корпорация «Цанн Куэн энтерпрайз» в походящем на ангар фабричном здании, расположенном в городе Сямынь на юго-востоке Китая, где работают двадцать три тысячи человек.

Эдвард Бертински. Фабрика Канкун. Сямынь, Китай, 2005 г.

Мы должны помнить, что вся эта бытовая техника так дешева не потому, что корпорация «Цанн Куэн энтерпрайз» очень щедрая, умная или располагает удивительными технологиями. Нет, причина в том, что рабочие в Сямыне страдают от состояния, тактично именуемого экономистами «отсутствие ценообразовательной способности», а если по-простому, пребывают в самом отчаянном положении.

«Талес СА»

ПАРИЖСКАЯ ФОНДОВАЯ БИРЖА

Изменение цены: +0,08 евро

Открытие: 27,00 евро Закрытие: 27,08 евро

Однако вышесказанное не должно уменьшать нашего восторга при виде красоты продукции, которая, к примеру, представляет собой космический спутник «Плеяды XP1A», сборка которого проходит в

цехах завода промышленной группы «Талес» в Каннах, Франция. Представители рода человеческого редко восхищаются сложной техникой, создать которую под силу только высококвалифицированным инженерам и рабочим. С учетом присущей нам склонности к праздности и хаосу, особо приятно отметить точность, исполнительность и дисциплину сотрудников, полностью отдающих себе отчет в ответственности за выполняемую ими работу. Трудно не проникнуться уважением к человеку, столь умело ведущему монтаж спутника.

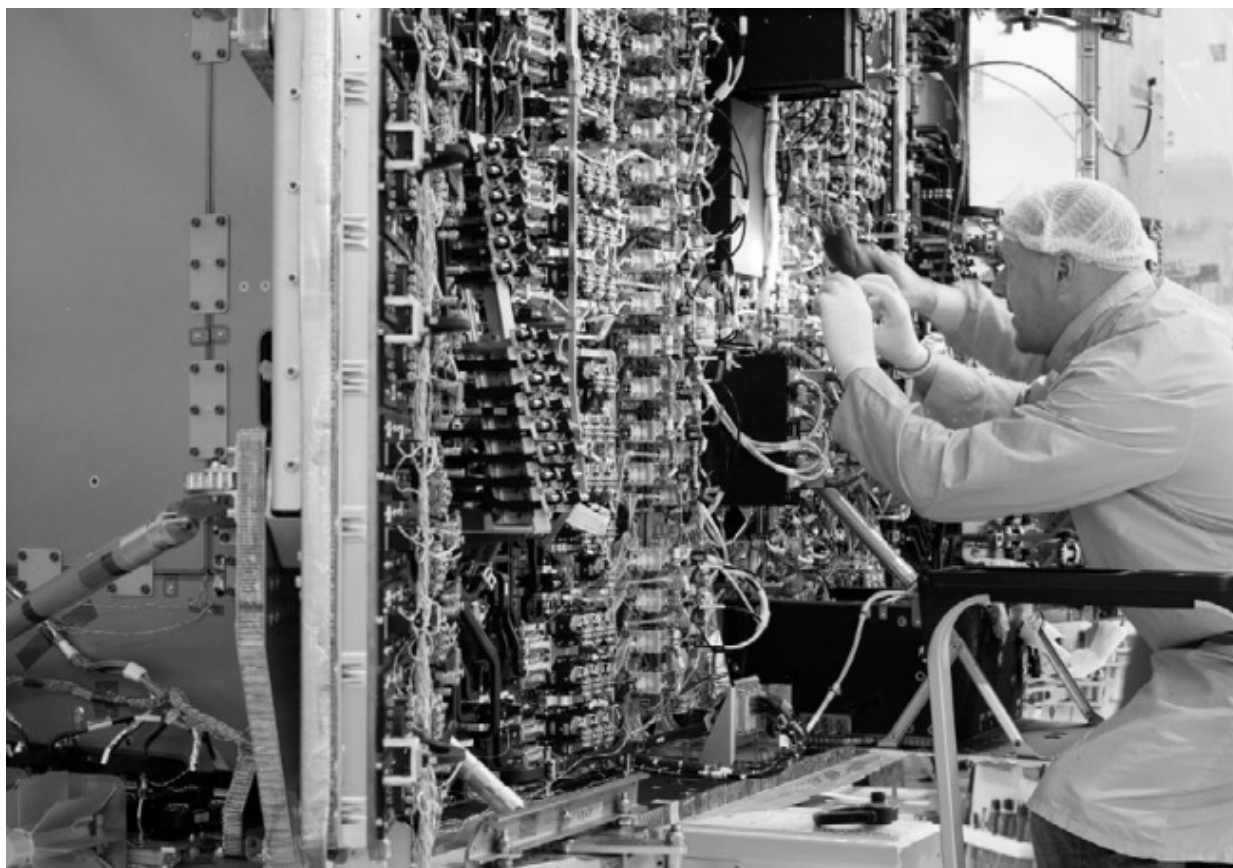
«Амкор, лтд»

АВСТРАЛИЙСКАЯ ФОНДОВАЯ БИРЖА

Изменение цены: – 0,11 долл. (австралийский доллар)

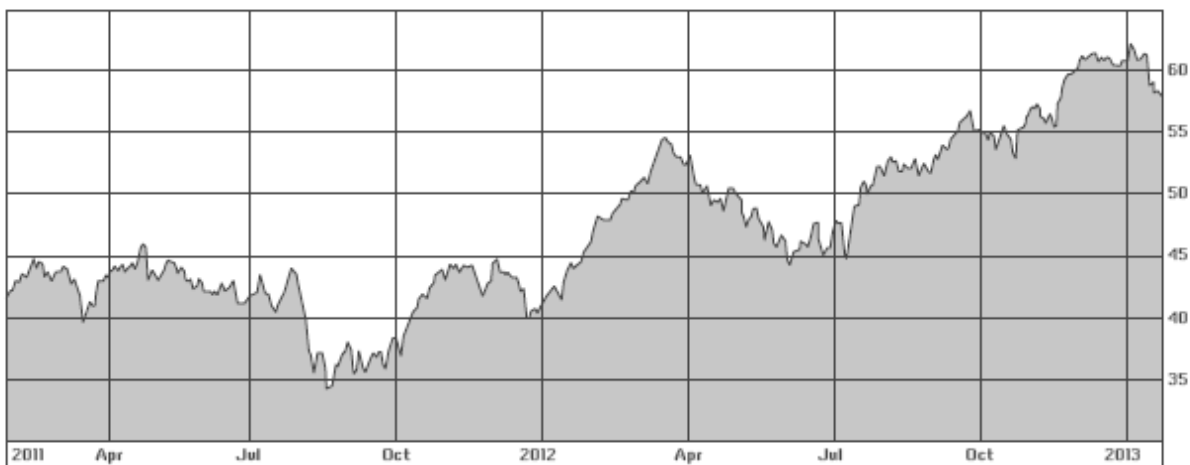
Открытие: 8,30 долл. Закрытие: 8,19 долл.

В дополнение следует подумать и о смысле наших бурных трудов. Большинство из нас, естественно, и не слышало об «Амкоре», самой прибыльной австралийской компании и крупнейшем в мире производителе коробок для одноразовых салфеток, упаковок для подгузников, тюбиков для пасты, флаконов для солнцезащитных кремов и шампуней, но большие состояния сегодня редко удается создать продажей самых необходимых товаров и услуг, так же как поэзией или психологической помощью.

Бенедикт Редгроув. Монтаж спутника. Канны, 2010 г.

Когда работа представляется значимой? Когда в конце рабочего дня мы можем ощутить, что наш труд, пусть и в малой степени, помог уменьшить страдания и сделать других более счастливыми. Мы любим помогать, а еще больше любим видеть влияние результата наших усилий на жизнь других людей. И однако, когда работа разделяется на все более мелкие части, когда сделанное влияет лишь в самой малой степени, а может, и вообще не влияет на благополучие другого человека, страдает смысл нашей работы. Но фондовым биржам до этого нет никакого дела. Они скажут, что об этом лучше поговорить в выходные.

Захватывающая история, для изложения которой требуется современный Эмиль Золя: изменение стоимости акций «САП», компании по производству программного обеспечения (2011–2013 гг.)

Биржевые индексы вызывают разные чувства: восхищение богатством нашего бизнеса, изумление экстраординарными умом и усилиями, которые требуются, чтобы достичь успеха в любой сфере человеческой деятельности, но при этом и чувство вины за абсурдность и растрачивание попусту такой большой части наших усилий, и глубокой ночью, когда разум пытается отомстить за компромиссы дня, возникает щемящий сердце вопрос: а что мы собираемся делать со становящимся все более дорогим остатком наших жизней?

САП АГ

ФРАНКФУРТСКАЯ ФОНДОВАЯ БИРЖА

Изменение цены: – 0,10 евро

Открытие: 59,70 евро Закрытие: 59,60 евро

В заключение мы можем сказать, что в финансовых новостях цифры и графики неплохо сопровождать короткими историями и образами, необходимыми, чтобы понять мир, который мы строим. Бизнес невероятно интересен и слишком существен для нас, чтобы его описывали только ради тех, кто хочет вкладывать в него деньги.

V. Звездная пыль

Восхищение

Интервьюер: Усейн Болт, самый быстрый человек планеты... Нет второго такого, как Золотой Болт... Вы мой герой. И что вы при этом чувствуете?

Болт: Мне очень хорошо.

Интервьюер: А что вы чувствуете? Когда вы ставите ноги на колодки и готовы сорваться с места, что на самом деле происходит в голове Золотого Болта?

Болт: Я стараюсь расслабиться, правда. Для меня это просто попытка сосредоточиться, постараться не думать ни о чем. А если что-то все-таки приходит тебе в голову, тогда жди беды.

Интервьюер: Каково это – быть чемпионом, не просто одним из чемпионов, а великим чемпионом?

Болт: Знаете, это всего лишь тяжелый труд... Только тяжелый труд и упорство.

Интервьюер: Что играет для вас главную роль? Победы? Пребывание на вершине? Деньги? Слава? Женщины?

Болт: Все.

Интервьюер: Сколько раз в жизни вы влюблялись?

Си-эн-эн

1.

Новости постоянно показывают нам экстраординарных людей: тех, которые бегают быстрее всех на земле, которые знают, как нас рассмешить, которые создали принципиально новые направления бизнеса, которые придумывают блюда из растений и чьи лица безупречно красивы. Их достижения, личностные особенности и внешность привлекают нас, как ничто другое. В итоге нам часто хочется узнать, как они этого добились, услышать их рассказы о своем детстве, увидеть, какую одежду они носят, выяснить, кого они любят, заглянуть в их дома, последовать за ними на морской курорт и даже за

компанию перейти с ними дорогу, чтобы попасть в расположенный по соседству продуктовый магазин.

2.

Этот интерес почти осуждается хранителями элитарной культуры: в серьезном обществе не принято признаваться в интересе к новостям, касающимся знаменитостей. Отчасти причина тому бытующая среди элит убежденность, что знаменитости недостойны восхищения и не должны вызывать интерес, если их общественный вклад не способствует решению серьезных проблем, стоящих перед человечеством.

Эмма Уотсон покупает клубнику. Нью-Йорк, 2012 г. («Сплэш ньюс»)

В редких случаях, когда достижения публичной фигуры неоспоримы, предлагается привлекать внимание широкой общественности исключительно к достижениям (новом направлении бизнеса или снятом фильме), но не на авторе, тогда как нам интересно совсем другое, иной раз мы прямо-таки одержимы мельчайшими подробностями жизни такого человека, нам позарез нужно знать, с кем он пришел на официальный прием или как она завязывала волосы на морском берегу. Элита видит что-то унижительное и ребяческое в

потребности превозносить знаменитость, которая живет в одно время с нами, но знать нас не знает: в этом элите видится пассивность и посредственность, признание в собственной неполноценности, доказательство того, что мы недостаточно увлечены собственными проектами и честолюбивыми замыслами, а потому пытаемся «выпасть» из своей жизни, поскольку понятия не имеем, как организовать ее должным образом.

3.

Это печально – и в этом есть определенная проблема, ибо раз серьезные люди полагают сам феномен знаменитостей недостойным, то функция их обожествления переходит к организациям, которых несколько не беспокоит обращение к самым низменным инстинктам.

Более того, без должного обсуждения предназначения знаменитости сложно разобраться, а чего, собственно, мы хотим от знаменитых людей, которые живут среди нас. Может ли восхищение вести к чему-то достойному? Можно ли вынести что-то существенное и важное из восхваления других?

4.

Стремление восхищаться – неистребимая и важная особенность нашей психики. Игнорирование или порицание не может ее уничтожить, просто загонит вглубь, где она будет прятаться, неухоженная и недоразвитая, готовая вынырнуть на поверхность, найдя недостойный объект для обожания. Вместо того чтобы подавлять нашу любовь к знаменитостям, мы должны направить ее в максимально разумном и плодотворном направлении. Должным образом организованным обществом следует полагать такое, где наибольшую известность обретают именно те люди, кто олицетворяет собой самые благородные и общественно полезные достоинства, а потому восхищение знаменитостью будет основанием для гордости, а не поводом для стыда или самоиронии.

В своем золотом веке античный город-государство Афины нисколько не стеснялся выражать свое восхищение. В городе ценили определенные добродетели. Там верили в демократическое государство, боевую удачу, свободу мысли, гражданскую славу, артистическое дарование и атлетизм. Однако вера в эти качества не была абстрактной, она базировалась на удивительных людях, которые проявили их, как никто другой, и в результате пользовались заслуженным уважением. А кроме того, их увековечивали в статуях, фестивалях, литературных произведениях. Государственные деятели, такие как Перикл и Демосфен, олимпийские чемпионы борец Филаммон и возница колесницы Хабриас, музыкант Меланиппид или поэт Анакреон служили образцами для подражания.

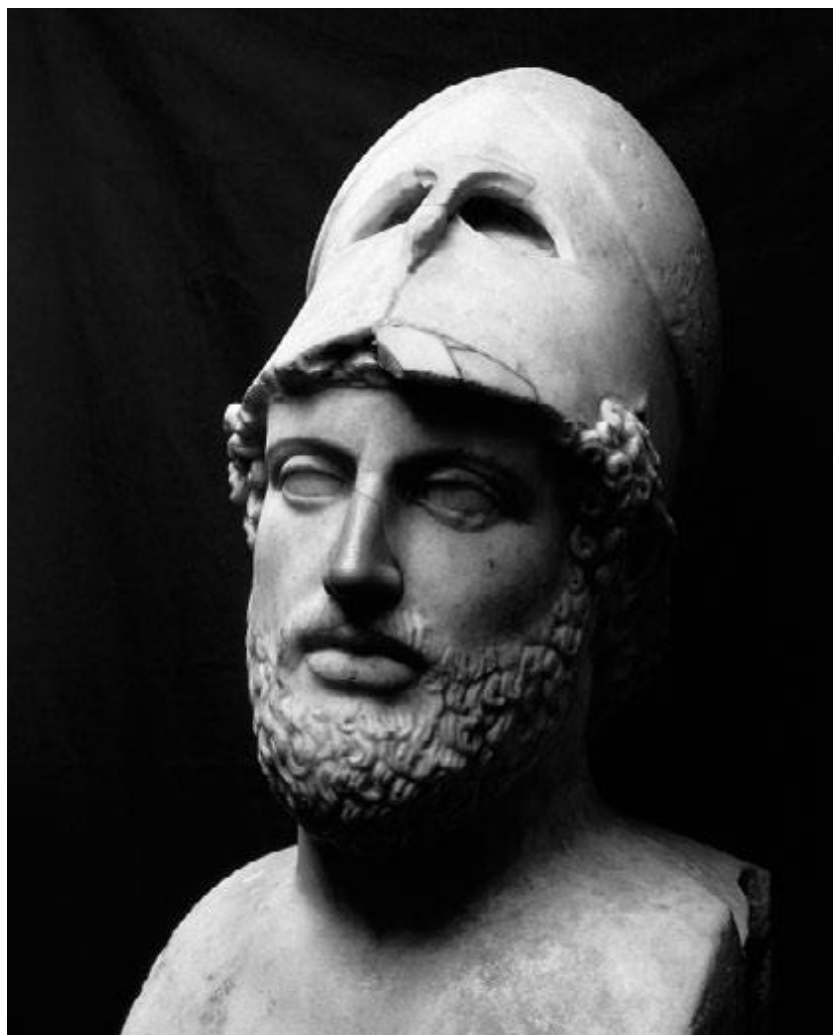
Католицизм, уже в своей собственной истории, аналогичным образом рекомендует своим адептам когорту достойных личностей – в надежде, что их пример будет вызывать восхищение и стремление подражать, – порядка десяти тысяч святых, чьи характеры и деяния отражают главные христианские добродетели: кротость, великодушие, скромность, доброту, выдержку, терпение и трудолюбие. В сборниках житий святых, как, например, в бестселлере позднего Средневековья «Золотая легенда», приводились все существенные и заслуживающие внимания подробности, связанные с жизнью этих канонизированных личностей: какая еда им нравилась, какую одежду они носили, из каких происходили семей, какого цвета у них были волосы. Более того, средневековое христианство не считало чем-то непристойным по прошествии некоторого времени после смерти этих святых выкопать их тела, расчленив скелеты и поместить кусочки костей в специальные ниши и часовни, к которым верующих приглашали совершить длительные путешествия, чтобы поклониться им, поделиться своими горестями и, возможно, получить столь необходимую помощь.

Храбрость Геракл из Мантинеи, прим. 460 г. до н. э.

Спортивная мощь Неизвестный спортсмен, метаящий диск, 460–470 гг. до н. э.

Предводительство Перикс, 430 г. до н. э.

Христианский и афинский подходы к знаменитостям объединяет приверженность к идее самосовершенствования, уверенность, что жизнеописания достойных людей дают прекрасную возможность и самим стать лучше. Католицизм настоятельно рекомендует в сложные жизненные моменты спросить себя, а как бы поступил на нашем месте тот или иной святой. Во время домашней ссоры, к примеру, следует подумать о святом Генгульфе Бургундском^[17], известном своим спокойствием и склонностью к всепрощению, покровителе семейных пар, испытывающих сложности в совместной жизни, а в случае унижения на работе мы должны черпать выдержку, обратившись к образу доброй и отзывчивой святой Бригитты Шведской, покровительницы неудачников.

Подход Католической церкви к своим святым и древним афинянам к своим ораторам и дискоболам предлагает нам значимые идеи, опираясь на которые мы можем сформулировать свое отношение к нынешним знаменитостям.

Первый урок состоит в том, что нам следует более ясно представить себе, что именно привлекает нас в тех, кем мы восхищаемся. В этом новости помогают редко, потому что предпочитают не углубляться в причины нашего интереса к знаменитостям и тем самым препятствуют в использовании их примеров с пользой для себя. Они с маниакальной настойчивостью кружат вокруг известных людей, раз за разом спрашивают, как «чувствуется» то или иное достижение, или задают пустые вопросы, скажем, когда начнутся съемки нового фильма, или усаживают в кустах навязчивых папарацци, чтобы запечатлеть знаменитость на выходе из химчистки, хотя понятно, что все эти потуги не позволят узнать что-то существенное о личности знаменитости, приоткрыть дверцу в ее внутренний мир.

Палец святой Екатерины Сиенской в серебряной раке

Покровитель семейных пар, испытывающих сложности в совместной жизни, святой Генгульф Бургунский

Покровительница неудачников святая Бригитта Шведская

Держа в голове пример католиков, мы должны попытаться выделить знаменитостей, в большей мере способных указать нам путь к тем качествам, которые нам необходимо развивать в себе, будь то храбрость или игривость, уверенность в себе или умение прощать. Из сотен знаменитостей, с которыми знакомят нас новости (от переговорщиков о мире до художников, от спортивных звезд до нейробиологов), нам следует выбрать тех нескольких, чье отношение к миру или достижения подтолкнут нас к более успешной и полноценной жизни. Без сверхъестественных усилий и детского идеализма мы сможем продвигаться вперед, помня о близких нам по душе мирских «святых покровителях», знаменитостях, мысли о

которых подбадривают и вдохновляют нас в те моменты, когда опускаются руки и наваливается апатия.

Чтобы использовать культ знаменитостей более продуктивно, нам, разумеется, придется прежде всего серьезно переработать главный продукт новостей – интервью знаменитостей. Сейчас основу жанра составляют личные откровения и не прямые вопросы о «новом проекте», а в будущем интервью должно стать шансом дать ответ на самый важный из всех вопросов: «Чему мы можем научиться у известного человека?» И не имеет значения, что сфера деятельности знаменитости не совпадает с нашей. Почерпнутое из таких уроков можно применить где угодно. Идеальное интервью знаменитости поможет нам ответить на следующие вопросы: «Хотя я не играю в теннис, что я могу вынести из реакции на неудачную вторую подачу, выполненную во втором сете будущим победителем Уимблдона?» Или: «Хотя у меня нет притязаний в художественной области, как может пример творчески одаренного человека, достигшего успеха в разных направлениях, от гончарного дела до архитектуры, вдохнуть энергию в мои карьерные планы?»

Надо перестать воспринимать известных людей магическими существами, пригодными только для того, чтобы восхищаться ими или подсматривать за ними в замочную скважину. Это обычные люди, достигшие феноменального результата упорным трудом и стратегическим мышлением. Мы должны относиться к ним как объекту исследования, чтобы в итоге получить ответ: «Что я могу почерпнуть у этого человека?» Интерес, который сейчас сводится к деталям одежды знаменитостей или к их диете, должен способствовать развитию читателя. В идеальной новостной структуре будущего в каждой истории о знаменитости будет содержаться образовательное зерно: приглашение узнать, что надо сделать для того, чтобы продвинуться в самосовершенствовании.

7.

Мы привыкли думать, что любой, кто «копирует» знаменитость, уныл и вторичен, но в своей высшей форме имитация, основанная на восхищении, это составная часть хорошей жизни. Отказываясь

восхищаться, не проявляя интереса к устремлениям выдающихся личностей, человек целиком и полностью отсекает себя от важных знаний. Задача новостей – не снизить интерес к разделу «Звездная пыль», но приложить все силы к тому, чтобы предложить психологически богатые, служащие воспитанию портреты благородных людей, которые будут волновать наше воображение, потому что помогут выявить личностные недостатки и закладки в наших честолюбивых замыслах. Новости о знаменитостях в их зрелой форме должны быть серьезным и вызывающим уважение инструментом, благодаря которому мы сумеем перейти с уже достигнутого на более высокий уровень.

Зависть

«Для богатого человека, с личным самолетом и спортивным автомобилем стоимостью в миллион долларов, Илон Маск необычайно спокоен и застенчив. Он высокого роста, с длинными руками и ногами и мальчишеским лицом, и часто вид у него какой-то отстраненный, сразу ясно, что колесики в его голове никогда не перестают вертеться. До основания «Спейс Х» в 2002 году Макс создал две интернет-компании: «Зип 2», которую продал компании «Компак» в 1999 г. за 307 миллионов долларов наличными, и «ПейПал», которая стала публичной, перед тем как перейти к «и-Бей». Маску, крупнейшему акционеру, тогда было 30 лет».

«Уайред»

1.

Выходные – время для более спокойных новостей: цветные приложения, новинки бытовой техники и автомобили, дизайн и мода, интервью и большие статьи, посвященные знаменитостям. Вот когда мы можем узнать, выделив газете час с небольшим, о двадцатипятилетнем шеф-поваре, которому принадлежали четыре ресторана морепродуктов в Нижнем Манхэттене, о линии модной одежды, предложенной дочерью известного кинорежиссера, о предпринимателе из Силиконовой долины, организовавшем онлайн-университет, субсидированный миллиардом долларов, который выделил венчурный фонд Катара, о знаменитом немецком художнике, работающем в собственном берлинском музее, и бывшем банкире с Уолл-стрит, собирающемся открыть двадцать бутик-отелей в Китае. И все это за одно утро, которое началось с ощущения внутреннего спокойствия и намерения сосредоточиться на домашних делах под лучами солнца, пробивающимися сквозь занавески, и пение птиц в саду.

Мы живем в эпоху, не похожую на другие, благодаря бурному развитию идеи индивидуальных возможностей. Большую часть истории мы жили и умирали на одной и той же ступени социальной лестницы. Перспектив для подъема не существовало. Финансовые рынки находились в зачаточном состоянии, поиск капитала был неразрешимой проблемой. Технические открытия происходили раз в двести лет, а политические перемены и того реже.

Теперь, когда новости потчуют нас все новыми сюжетами об инициативе, настойчивости, призвании и самореализации, теоретически нет пределов достижениям любого из нас. Все возможно – предположительно – для людей креативных и упорных. Прямо сейчас на всех континентах самые умные из нас находят оригинальные способы получить необходимые средства, писать сценарии, выводить формулы и конструировать механизмы, которые изменяют основы существования. Удовлетворенность достигнутыми скромными результатами сегодня считается не просто серьезной ошибкой, но признаком психического заболевания.

Предлагая истории о достижениях, новости рассчитывают на спокойную и зрелую реакцию: тихую радость, вызванную успехами магната, приятное впечатление, оставленное инициативой предпринимателя, неподдельный интерес к мировой славе художника. Новостные структуры, обычно предупреждающие об опасных побочных эффектах стробоскопического света, наготы или ругательств, не видят необходимости готовить нас к потенциально проблематичным последствиям лицемерия чужих успехов. Они ожидают от нас благодарности за произвольный выбор победителей, который они нам предлагают на этой неделе, как и на всех остальных, благо они трудятся в поте лица, чтобы обеспечить нам регулярный список. Предполагается, что субботним утром мы сидим за кухонным столом в благодушном настроении и впитываем в себя информацию обо всех этих титанах: никаких тебе наносящих вред и тревожных мыслей по прочтении не возникает, только чувство глубокого удовлетворения от гениальности и изобретательности человечества.

3.

Но вместо этого в глубине души некоторые наверняка чувствуют зависть, боль нашего трагически игнорируемого и забытого всеми эго в мире якобы неограниченных возможностей. Под маской бесстрастности мы можем корчиться в агонии от контраста между надеждами, которые когда-то на нас возлагали, и реальностью наших жизненных достижений, от разницы между другими людьми нашего возраста (и даже много моложе), которые показали свою способность добиться успеха, и скромными результатами, которые мы сами можем предъявить в силу присущих нам колебаний, нерешительности, недостатка целеустремленности.

Экзистенциальный ужас, разумеется, не может казаться здоровой реакцией на большую, богато иллюстрированную статью «Двадцать главных инвесторов Силиконовой долины», но, прочитав эту историю, мы тем не менее можем достаточно близко подойти к тому, чтобы отшвырнуть приложение в сторону, грохнуть кулаками по столу, а потом, подавляя рыдания, проорать миру, которому все равно (или нашей изумленной супруге, которая готовит ленч): *«Я больше не могу так жить!»*

4.

Новости должны помогать нам справляться с нашими чувствами. Не надо притворяться, будто это нормально – снова и снова представлять аудитории доказательства достижений самых энергичных и изобретательных представителей человечества и не ожидать, что в результате люди могут немного тронуться умом. Следует признать, что только человек с полным отсутствием воображения испытает искреннее удовольствие, прочитав о другом человеке такого же возраста и пола, который продает и покупает компании, общаясь на короткой ноге с властью имущими и привлекая к себе внимание миллионов. Было бы правильно признать, что нам срочно необходима помощь в осознании, толковании и жизни с завистью, которая столь регулярно охватывает ничего не подозревающих и незащитных потребителей новостей.

Хотя зависть всегда служила мишенью для яростной и морализаторской критики, при этом она – неотъемлемая часть достойной жизни. Призыв к действию, который должен быть услышан, потому что включает в себя сбивчивые послания, исходящие от не самых лучших, но тем не менее важных составляющих нашей личности, относительно того, что мы собираемся делать в оставшуюся часть нашей жизни. Прислушиваясь к зависти, мы помогаем себе делать болезненные, но необходимые шаги, чтобы полностью реализовать заложенные в нас возможности.

Вместо подавления зависти следует приложить все силы, чтобы ее изучить. Любой из тех, кому мы завидуем, обладает элементом пазла, отображающего наше будущее. Это портрет нашего «истинного я», ожидающий, чтобы его собрали из завистливых уколов, которые мы ощущаем, пролистывая журнал, переворачивая страницы газеты или слыша по радио о последних карьерных достижениях наших одноклассников. Хотя поначалу мы можем воспринимать зависть как нечто постыдное и подтверждающее наши собственные неудачи, следует спокойно задать себе один особенный и спасительный вопрос касательно тех, кому мы завидуем: «Что я могу из этого почерпнуть?» Жаль, конечно, что ощущение зависти зачастую такое путаное и сопровождается паникой. Мы начинаем завидовать тем или иным людям в целом, тогда как на самом деле, если мы выкроим минуту, чтобы спокойно проанализировать их жизни, придет понимание, что лишь малая часть из того, что они достигли, нас действительно зацепила, а потому именно ее и следует учитывать при наших дальнейших шагах.

Более всего мы завидуем чужим достижениям в том случае, когда практически ничего не знаем о том, каким образом человек это совершил. Будь у новостных структур побольше доброты, они бы не описывали чужие триумфы как загадочные *faits accomplis*^[18], а считали бы нужным рассказать о том, что было в них вложено. Им бы

представлять истории людей, добившихся успеха, исследованием их достижений, чтобы мы могли понять, как это сделано, а потом и посоревноваться, а не просто, как сейчас, или восхищаться, или негодовать.

7.

Есть, разумеется, пределы использования зависти. Слишком много случайных напоминаний о чужих успехах может привести к пассивности и помешать реализации даже самых простых планов. Чтобы добиться чего-либо самостоятельно, необходимо полностью освободиться от психологического давления, вызванного новостями о чужих подвигах. Требуется периоды внутреннего затворничества и спокойствия, если мы намерены довести до конца что-то достойное: что-то такое, в чем, возможно, будут завидовать уже нам.

Новости должны также помогать, напоминая о статистических реалиях. Хотя для приложений историй успеха хватает за глаза, успех тем не менее остается аномалией, его добиваются лишь несколько тысяч из миллионов, и эту подробность редакторы новостей тщательно (и не без садизма) скрывают.

В отличие от того, что показывают новости, большинство деловых предприятий на самом деле терпит крах, большая часть фильмов так и не доходит до экранов, большинство карьер совсем не звездные, у большинства людей лица и тела далеки от совершенства, и почти все грустят и тревожатся чуть ли не постоянно. Мы не должны скорбеть о нашем положении только потому, что оно не дотягивает до предлагаемого новостями уникального идеала, не должны ненавидеть себя за то, что не смогли бросить вызов непреодолимым обстоятельствам.

После изучения, насколько это только возможно, зависти надо предложить возможность коллективно — не индивидуально — погрузиться о том, сколь малого нам удалось добиться.

Жажда славы

Самые влиятельные знаменитости мира:

- 70. Дуэйн Джонсон, 36 млн. долларов
- 71. Мария Шарапова, 26 млн. долларов
- 72. Бен Стиллер, 33 млн. долларов
- 73. Хлои Кардашьян-Одом, 11 млн. долларов
- 74. Сет Макфарлейн, 36 млн. долларов
- 75. Шарлиз Терон, 18 млн. долларов
- 76. София Вергара, 19 млн. долларов
- 77. Серена Уильямс, 13 млн. долларов
- 78. Алек Болдуин, 15 млн. долларов
- 79. Джанет Иванович, 33 млн. долларов

«Форбс»

1.

Почему люди хотят стать знаменитыми? Легко, конечно, высмеивать знаменитостей, но почему в психике заложено стремление к славе? Редко кто из нас становился знаменитым волей случая или с минимумом усилий, так что же толкает нас на жертвы, которые требует слава?

2.

В корне стремления к славе лежит трогательная, наивная и простая идея: желание, чтобы к тебе *хорошо* относились. Есть, разумеется, и другие стимулы: деньги, роскошь, секс или власть, но в действительности они второстепенны в сравнении с жаждой уважения, которая и является движущей силой стремления к славе.

Если кому-то может показаться, что это топливо недостаточно эффективно и не будет всю жизнь поддерживать усилия, необходимые, чтобы сначала стать знаменитостью, а потом оставаться ею, нельзя

недооценивать негативные стимулы, вызванные антиподом славы – забвением. Возможно, мы столь отчаянно жаждем славы, потому что слишком велика боль, если тобой пренебрегают, смотрят на тебя свысока, оставляют одного в углу, отправляют в конец очереди, думают, что ты никто и предлагают перезвонить через несколько недель. Желание стать знаменитым – попытка добиться уважения в мире, где его практически наверняка не обрести, если мы не готовы пойти на крайние меры. Мы можем быть равными перед законом или на избирательных участках, но нет никаких гарантий, что к нам будут относиться с уважением на работе, в нашей общественной жизни и при общении с государственными или корпоративными бюрократами. В больших городах, этих центрах недоброжелательного отношения к обычным людям, на чью жизнь непосредственно не оказывают благотворное влияние высокие небеса и далекие горизонты, уважение – редкий и строго нормированный товар, а безразличие – норма. Никому не рекомендуется появляться на Манхэттене или в Лос-Анджелесе без готового резкого и производящего впечатление ответа на неизбежный вопрос: а чем, собственно, ты зарабатываешь на жизнь?

3.

Слава позволяет знаменитостям рассчитывать на хорошее отношение и уважение со стороны остальных. Известное имя само по себе позволяет в мгновение ока добиться необходимого, тогда как у простого человека на это могли бы уйти недели и месяцы. Экономия времени получается колоссальная.

Остальные должны быть любезны со знаменитыми людьми, потому что, с точки зрения миллионов их поклонников, это супергерои. Слава – это власть, которую поддерживает невидимая армия почитателей. Отказываясь посмеяться над анекдотом, рассказанным знаменитостью, или скептически относясь к его или ее таланту, ты противопоставляешь себя не индивидууму, а целой системе, которая освящает его: судьям, которые дали ему приз, легионам людей, которые купили его альбом, уважаемым журналам, поместившим его фотографию на обложку, всем составляющим невидимой, но высокоэффективной силы, которой знаменитость может повелевать,

когда встречается с кем-то на вечеринке или приходится иметь дело с каким-то чиновником. Слава на корню подрывает желание обидеть или нагрубить, благодаря ей знаменитость никогда не остается во власти незнакомцев.

4.

Однако не все так страстно жаждут славы. Стремление к славе зависит как от детства, выпавшего на долю знаменитости, так и от общества, в котором она жила.

В юные годы архетипическая знаменитость почти неизбежно – изгой. Без этого практически невозможно обрести тягу к славе. Один родитель или другой не проявлял к знаменитости никакого интереса, эмоционально отсутствовал, отдавал предпочтение брату или сестре или умер. В самых отчаянных случаях, когда жажда славы становится навязчивой идеей, родители не замечали собственного ребенка, потому что сами стремились стать знаменитыми или тесно общались с теми, кто знаменитостью уже стал.

Когда внимание и ласка требовались, как ничто другое, когда они были беззащитными и слабыми, в период от рождения до десяти лет, когда они еще не знали изощренных методов для привлечения любви других, потенциальные знаменитости не могли обратить на себя столь необходимое внимание родителей, убедить их в своей значимости, и это оставило след на всю жизнь. Почувствовавший на собственной шкуре, каково это, быть невидимым, чаще всего обретает решимость стать особенным и известным всем.

К сожалению, обретение славы редко меняет прежний взгляд на мир, ибо истинное желание знаменитости – не поразить через достижения (пение, живопись, книги, корпоративные сделки и так далее), а обрести любовь окружающих. По этой причине момент достижения славы сопровождается ощущением пустоты, потому что не в силах заслонить собой унижение, которое и послужило отправной точкой в движении к славе. Вредящее поведение, которое часто отмечается у знаменитостей, выражение злости от пирровой победы, желание уничтожить преклонение толп, неспособное компенсировать

давнее пренебрежение тех нескольких, мнение которых в детстве играло решающую роль.

И наоборот, счастливый безмятный взрослый, не нуждающийся в похвалах и вполне довольный скромной работой, обычно принадлежит к тем, кому достался один из величайших даров, которые выпадают человеку: постоянная любовь и забота родителей. Десятилетия родительской любви вполне достаточно, чтобы выдержать пятьдесят лет неприметности. Под «привилегированным» следует понимать детство, когда должным образом удовлетворяются все эмоциональные потребности ребенка.

Этот анализ несет в себе и дополнительный плюс, служит лакмусовой бумажкой, показывающей, сколь хорошо мы выполняем родительские обязанности: нам нужно только спросить, есть ли у наших детей желание стать знаменитым.

5.

Интенсивность стремления к славе зависит и от общества, в котором родилась и росла знаменитость. Чем больше уважения и доброты доставалось лишь очень немногим, тем сильнее становилось желание стать не просто нормальным, а знаменитым. Те, кто взваливает вину за так называемый «культ знаменитостей» на распущенную молодежь, сильно ошибаются. Настоящая причина культа знаменитостей не нарциссическая пустота, а дефицит доброты. Общество, где каждый хочет стать знаменитым, характеризуется тем, что в нем в силу самых различных, в том числе и политических, причин обыкновенный человек не получает достаточного уважения, чтобы не чувствовать себя ничтожеством.

Пока современный мир одержим знаменитостями, мы будем жить не в легкомысленные, а в недобрые времена. Слава в наши дни – это средство достижения цели, самый прямой путь к уважению, добиваться которого другим путем долго и проблематично: через добро, а не журнальные обложки.

Если мы хотим уменьшить тягу к славе, надо начинать не с того, чтобы, увидев новости о знаменитостях, хмуриться или требовать подвергать их цензуре. Лучше подумать о том, как привнести в мир

больше доброты, терпения и внимания, особенно в отношении молодежи.

Издержки славы

«Высокий суд Лондона постановил, что высмеивание обозревателем «Гардиан» Элтона Джона не является порочащим. Элтон Джон заявлял, что статья в «Гардиан» – издевка над его серьезной благотворительной деятельностью. По его словам, «Гардиан» даже проехала по таким важным для него событиям, как «Бал белых галстуков», утверждая, что он устраивает их для саморекламы и встречи со знаменитостями, а не для сбора средств... Элтон Джон назвал статью «оскорбительно грязной, злобной и подлой». Однако судья не согласился с ним, указав: «Слова, вызвавшие жалобу... не могут восприниматься здравомыслящим читателем раздела «Гардиан уик-энд» как содержащие необоснованные обвинения». Элтон Джон требовал компенсации морального ущерба и извинений. В заявлении «Гардиан ньюс-энд-медиа» указано: «Мы сожалеем, что Элтон Джон потерял чувство юмора в отношении этой статьи... В этой стране газеты публикуют сатиру с XVII века. Принятое решение суда – важное признание права прессы на шутку».

«Пересхилтон. ком»

1.

Те, кто решил стать знаменитым, грезят о том, чтобы привлечь к себе только один вид внимания: *высшего разряда*, то есть рассчитывают, что аудитория будет симпатизировать таланту и прощать недостатки, выступая в роли любящего родителя, идеального учителя и даже всевидящего и милосердного Бога.

Потом, став знаменитыми, они понимают, что внимание может быть и другим: пылкая любовь соседствует с внезапной ненавистью, самые легкие промашки воспринимаются с яростной нетерпимостью, проявленные слабости никогда не забываются, болезненный интерес

проявляется и к тому, что никоим образом не связано с талантом, позволившим подняться на вершину. Как выясняется, репортеры не спят круглые сутки, а в результате компрометирующие фотографии появляются в Сети и за несколько часов привлекают миллионы пользователей. А если знаменитости вдруг вздумают пожаловаться на внимание *низшего разряда*, их быстро и самодовольно поставят на место, указав, что тот, кто привлекает к себе внимание, не волен выбирать, каким оно будет, и должен соглашаться на любое.

2.

Знаменитости – люди столь необычные и привилегированные, что требуется некоторое усилие, чтобы вспомнить, что во всех отношениях они из того же теста, а в одном особенно похожи на любого из нас: их очень легко обидеть.

Чрезмерная потребность в одобрении, в первую очередь и побуждавшая их стремиться к славе, приводит к тому, что они совершенно не подготовлены к встрече с колкостями и хулой, с которыми им приходится сталкиваться, едва они обретают известность. Не сразу им удастся понять, что их репутация теперь уже не только их собственность, но затрагивает также и аудиторию, контроль над которой ужасающе несовершенен, да еще и не прямой. Управлять такой репутацией столь же сложно, как и пытаться направлять в нужную сторону мыльный пузырь. Как только удар нанесен, вместе со страхом приходит мысль, что этот сочащийся ядом материал прочитали все и, конечно же, он поверят в худшее. Страхи, которые заставляли знаменитость бороться изо всех сил, чтобы добиться славы, оказались вполне реальными: они действительно монстры, пытавшиеся убедить себя и весь мир, что это не так.

3.

В такой ситуации иногда предлагается проявить героическую непокорность, оскорбленной знаменитости советуют идти прежним

путем, не оглядываясь на то, что говорит мир. Но разве можно стать звездой, не обращая внимания на то, что думают другие?

Вариант получше – попытаться понять логику врагов. Знаменитость может представить себе, что ее критики одержимы беспредельной ненавистью, и твердокаменная убежденность в своей правоте побуждает их наносить такие жестокие удары. Но, если честно, обычно их оппоненты не отличаются большим умом, безликие, служащие низменным вкусам и привыкшие делать то, что делают другие. Их жестокие насмешки вызваны главным образом полнейшим непониманием, что человек, на которого они набрасываются, действительно все это увидит и услышит, да еще будет уязвлен до глубины души. У того, кто сбрасывает бомбу с большой высоты, способность причинить боль увеличивается многократно, потому что не приходится смотреть жертве в глаза.

4.

Причины, почему нам нужно, чтобы другие потерпели неудачу, и почему мы получаем удовольствие, обсуждая их промахи, печальны: мы в ярости из-за недостатка внимания и пытаемся найти утешение в наказании тех, кто вроде бы лишил нас причитающегося нам по праву. Наше разочарованное честолюбие превращает нас в неудачников – людей, которым необходимо, чтобы и другие упали с вершины.

Стремление посплетничать и жажда славы обусловлены одним и тем же: недостатком внимания. Знаменитости на самом деле только пытаются – разумеется, на другом уровне – решить ту же проблему, с которой сталкиваемся все мы: они точно так же боятся, что их проигнорируют. Можно даже сказать, что по части проблем, связанных с недостатком внимания, знаменитости находятся в положении бесстрашных пионеров воздухоплавания на заре воздушных путешествий. И хотя взрывы и катастрофы оборвали жизнь многих из первых летчиков, их цель состояла в том, чтобы пришел день, когда все будут летать в безопасности. Так что есть надежда, что на арене славы достоинства прибавится, а уважение, которое ныне мы даруем немногим, распространится куда шире.

Мы все еще пытаемся понять, что в действительности означает слово «демократия». Сначала под ним подразумевалось, что власть не должна быть сосредоточена в руках нескольких человек. Потребовалось немало времени, осознания допущенных ошибок и политических дискуссий, чтобы эта идея пошла в массы и элитам стало понятно, что лишение права голоса – одна из самых тяжелых болезней, которые правитель может навлечь на своих подданных. Нам следует двинуть демократический процесс дальше и признать, что у нас есть и другие потребности, не менее важные и насущные, чем потребность голосовать, куда мы должны включить стремление к достоинству и уважению. Мы должны в полной мере осознать огромные психологические последствия, вызванные трети́рованием и унижением. Общество, которое привычно унижает достоинство огромного большинства своих членов, обнаружит, что в нем сильна жажда славы, смешанная со взрывами саркастических, злобных и шизофренических нападков на тех немногих, кому удалось этой славы добиться.

Решение как для досужих сплетен, так и для жажды славы лежит в изменении, недостижимом при современном состоянии общества: это более широкое распространение внимания высшего разряда. По мере его прибавления маниакальное желание оскорблять знаменитостей и выделиться из толпы будет ослабляться и, возможно, зачахнет совсем.

VI. Катастрофы

Трагедия

«Врач с Манхэттена пролетел тридцать этажей перед смертью, выпрыгнув из окна своей квартиры в Верхнем Ист-Сайде. Полиция и свидетели сходятся в том, что это было самоубийство. Тело шестидесятивосьмилетнего доктора Шелдона Штайнбаха, которого друзья и знакомые называли Шелли, анестезиолога, упало на балкон второго этажа дома 246 по Восточной 63-й улице в 9.35 утра. «Я услышал сильный удар, мы выглянули наружу и увидели его, – рассказал один из жильцов дома двадцатипятилетний Джонатан Кершнер, который живет двумя этажами выше балкона, на который упал врач. – Потом пришел швейцар и сказал, что какая-то женщина ищет своего мужа», – добавил он. У Штайнбаха была страничка в Твиттере, но она не обновлялась с октября 2011 года. В его аккаунте приведены следующие персональные данные: «Я анестезиолог в Нью-Йорке и всем доволен. Женат. Люблю аэробику и музыку»».

«Нью-Йорк пост»

1.

Всякий раз, обращаясь к новостям, можно не сомневаться, что нам представят подробные описания самых ужасных бед, которые могут свалиться на представителей нашего вида: человек в отчаянии выпрыгивает из окна, мать травит ядом детей, учитель насилует ученицу, муж отрубает голову жене, подросток расстреливает одноклассников. Новости обязательно пригласят нас в самое сердце человеческих ужасов.

Деликатность требует отвести глаза и указать, что подобные смерти и увечья слишком трагичны и носят слишком личный характер, чтобы подавать их на всеобщее обозрение. С этого ракурса любое проявление любопытства представляется особо постыдным и является одним из видов современной патологии.

Отчасти понимая это, более серьезные новостные структуры обычно выбирают сдержанный тон в репортажах о событиях, которые подвергают серьезному испытанию веру в здравомыслие и порядочность человека.

Более яркое описание подробностей они оставляют менее благородным коллегам, которым угрызения совести незнакомы. Те покажут и тело – крупным планом – после падения с тридцатого этажа, и спальню, где маленького ребенка привязали и изрезали ножом, и сам нож с запекшейся на нем кровью. Их награда за стремление добывать такие шокирующие подробности – заинтересованность и прибыльный интерес многомиллионной аудитории.

2.

Несложно охарактеризовать интерес широкой публики к ужасным историям как вульгарный и бездумный. Но следует признать, что часто под внешней непритязательностью – пусть путано и невразумительно – мы пытаемся отыскать что-то важное. Погружаясь в пропитанные кровью повествования, мы не всегда жаждем зрелища или пытаемся отвлечься, нас не всегда мучает любопытство, и мы не просто бесчувственно впитываем впечатления, которых мы лишены в нашей собственной скучной жизни.

Возможно, мы не отгораживаемся от этих варварских историй из-за того, что хотим помочь себе крепче держаться за свои более цивилизованные «я», в частности, подпитывать наши эфемерные резервы терпения, самоконтроля, прощения и сочувствия.

И вместо того, чтобы яростно клеймить наше пристрастие к ужасным событиям, нужно стремиться скорректировать их подачу, делать упор как на их значимость, так и на эмоциональную и социальную пользу для аудитории.

3.

Каждый год в конце марта граждане древних Афин собирались под открытым небом на южном склоне Акрополя в театре Диониса и

слушали там последние произведения великих авторов трагедий, проживающих в их городе. Сюжеты этих пьес отличались исключительной мрачностью, вставая в один ряд с материалами, которыми потчуют нас нынешние новости: один убивает отца, женится на матери и вырывает себе глаза («Царь Эдип»), другой идет на убийство дочери, что является частью плана мести за неверность жены брата («Ифигения»), мать убивает обоих детей, чтобы помешать неверному мужу создать новую семью с другой женщиной («Медея»).

Мужчина въезжает на автомобиле в собственный дом, чтобы наказать жену. Манчестер, 2012 г.

Медее убивает сына, чтобы наказать мужа. Греческая ваза, 330 г. до н. э.

Наша зачарованность преступлениями – это отчасти, возможно, подсознательная попытка убедиться, что мы их никогда не совершим.

Вместо того чтобы воспринимать эти истории как гротеск, которого следует избегать любому здравомыслящему человеку, в «Поэтике», написанной в 335 г. до н.э., философ Аристотель вполне благожелательно характеризует людей, проявляющих к ним неподдельный интерес. Хорошо написанные и искусно поставленные, пишет он, эти истории становятся важными средствами

эмоционального и нравственного образования всего общества. Несмотря на варварство, которое они описывают, сами они могут оказывать воспитательное воздействие.

Чтобы это произошло, чтобы ужас (лишенный смысла рассказ об отталкивающих событиях) превратить в то, что Аристотель назвал *трагедией* (поучительный текст, созданный на основе омерзительных событий), по мнению философа, требуется выполнение следующих условий: хорошо выстроенный сюжет и четкие мотивировки и личности персонажей. Требуется и предельное драматическое мастерство, чтобы аудитория достигла понимания, что потерявший рассудок главный герой, который действовал под влиянием страстей, дерзко и слепо, например, убил кого-то и сломал собственную жизнь, которого мы поначалу (появись он в новостном выпуске) сочли бы самым настоящим маньяком, при более тщательном анализе в своих основных чертах такой же человек, как и мы. Показывая публике чудовищные ошибки и преступления героя, трагедия, поднимаясь до своих подлинных нравственных и воспитательных возможностей, не оставляет зрителям ничего иного, как прийти к жуткому выводу: «Как легко я мог бы сделать то же самое». Задача трагедии – продемонстрировать ту легкость, с которой нормальный и приятный человек превращается в исчадие ада.

Будь мы все совершенно психически здоровы, не таись безумие в каждом из нас, трагедии других людей представляли бы для нас куда меньший интерес. И, читая леденящие кровь истории в массмедиа, на каком-то подсознательном уровне мы, возможно, обдумываем шокирующие, но важные вопросы: «Если поздно вечером ситуация действительно выйдет из-под контроля, смогу ли я, будучи на взводе, уставший, закомплексованный, убить своего партнера?», или «Если я разведен и моя бывшая не позволяет мне встречаться с детьми, смогу я убить их, чтобы таким образом отомстить ей?», или «Смогу я чатиться с несовершеннолетним в Сети, поначалу не отдавая себе отчета, что делаю, а в итоге попытаюсь растлить его или ее?»

Для нормального развития цивилизации мы, естественно, должны отвечать «нет» на все подобные вопросы. И в этом отношении перед новостями стоит серьезная задача: ужасы, которые они нам демонстрируют, должны подаваться таким образом, чтобы давать нам как можно больше возможностей отвечать «нет» на все то, что наши

самые хаотические области сознания могут – в экстремальных обстоятельствах – если не материализовать, то, во всяком случае, счесть привлекательным. Мы, вероятно, никогда не сбросим наших детей с моста в конце дня, выделенного нам для встречи с ними, и не застрелим нашего партнера во время ссоры, но мы все временами эмоционально попадаем в ту зону, где подобное допустимо. Трагедии напоминают нам, как жестко надо держать себя в руках, показывая, что происходит, когда люди утрачивают контроль над собой.

4.

Трагедии не только должны помогать нам становиться лучше, они также могут побудить нас быть добрее. Мера нашего сочувствия тому, кто убивает мужа, или жену, или детей, во многом зависит от того, как нам рассказана эта история: что нам о нем сообщили, как нам представили его мотивы, насколько полную мы получили информацию о состоянии его психики.

В греческой трагедии хор регулярно прерывает действие, чтобы максимально точно и обстоятельно объяснить поступки персонажей. Он со сдержанным уважением говорит о главных героях независимо от совершенных ими преступлений. Такая предусмотрительность гарантирует, что редкий зритель, просмотрев «Царя Эдипа», зачислит несчастного главного героя в «лузеры» или «психи».

Новости в своих сюжетах не столь заботливы, и в итоге наши суждения бывают гораздо более резки и злобны.

«Врач из Тиссайда^[19], загрузивший более 1300 детских порнографических изображений, включая сцены пыток, отправлен в тюрьму. Полиция нашла «омерзительные» изображения в ноутбуке Джеймса Тейлора тридцати одного года, проживающего в Уэнсдейдейл-Гарденс, Торнаби. Врач, который работал в больнице «Пиндерфилдс» в Уэйкфилде, ранее признал, что просматривал непристойные изображения детей. В пятницу Тейлор приговорен к году и одному дню тюремного заключения судьей Королевского суда в Тиссайте, а кроме того, ему пожизненно запрещено работать с детьми».

Би-би-си

На первый взгляд этот доктор не заслуживает никакого сочувствия. Но наше мнение о том, как нам его воспринимать, в первую очередь зависит от представления касающихся его фактов. Мы в большей или меньшей степени можем сочувствовать любому, в зависимости от того, как подана его история – *и совсем не обязательно, что в этом мы будем не правы* (как указали бы Достоевский или Иисус).

В контексте подачи новостей подобное заявление выглядит спорным, даже опасным, потому что придется совместить две идеи, которые кажутся противоречащими друг другу: что мы можем сочувствовать преступнику и одновременно осуждать его преступление. Новости убеждены, что их аудитория не способна на такой концептуальный подвиг, и любое выраженное сочувствие приведет к тому, что публика потребует открыть ворота тюрем и выпустить убийц на свободу. То есть новости остаются непреклонны в отказе использовать повествовательные и психологические средства, необходимые для смягчения образа преступников.

Вместо этого новости спешат со своими сюжетами. Постановка трагедии «Царь Эдип» может длиться полтора часа, новостная заметка о враче включает триста четыре слова.

Конечно же, волна ярости поднимается в нас при виде заголовка:

«У врача найдена «омерзительная» детская порнография».

Однако по ходу чтения наша уверенность может и пошатнуться. Ближе к концу статьи мы узнаем:

«Постановив, что Тейлор должен быть на десять лет внесен в реестр совершивших сексуальные преступления, судья добавил: «После этого приговора на вашей карьере, несомненно, можно поставить крест».

Мы можем ощутить бегущий по спине холодок при мысли о том, что семь лет учебы в медицинском институте пошли прахом. Статья намекает на панику, которая наверняка охватила врача:

«Суд поставили в известность, что Тейлор поначалу отрицал свою вину, но позднее в ходе полицейских допросов признал, что загрузил изображения в компьютер».

Указана в статье и огромная цена, которую пришлось заплатить врачу:

«Стивен Рич, адвокат, сообщил судье Джорджу Мурхаузу, что жена Тейлора, забрав новорожденного ребенка, ушла от него, и его жизнь рухнула».

В дополнение отмечено, что, находясь в тюрьме, Тейлор пытался покончить с собой. И все это не менее печально, чем сюжетная линия «Мадам Бовари» или «Гамлета». Можно предположить, что по большому счету доктор ничем не хуже: Гамлет в конце концов убийца, а Эмма Бовари виновна в крайне жестоком обращении с детьми. Мы считаем их «трагическими» фигурами – благодаря глубине образов, – потому что представляем себе: есть что-то необычайно благородное и достойное в их личностях и обстоятельствах, в которых они оказались. Но на самом деле только великодушные Флобера и Шекспира поднимает Бовари и Гамлета выше обыкновенных преступников и не позволяет нам судить их так же строго, как заключенного в тюрьму врача.

5.

Сообщая о трагедии, новости стремятся представить дело так, будто мы имеем дело с уникальным поступком этого конкретного человека. Они не хотят взглянуть на ситуацию шире: любой из нас всего на волосок от катастрофы. Осознание этого, правильно воспринятое, заставило бы задуматься и испытать грусть. Мы гораздо больше вовлечены в проступки других представителей рода человеческого, чем нам хотелось бы думать. Отсутствие серьезного списка преступлений – по большей части следствие удачи и сложившихся обстоятельств, а не доказательство нашей безгрешности. Чистая совесть – удел тех, у кого отсутствует воображение. Если бы жизнь – или, по терминологии древних греков, боги – по-настоящему стала нас испытывать, мы почти наверняка оказались бы в списке

разыскиваемых преступников, именно на этом должно строиться наше отношение к тем, кто признан виновным.

Отец, сын и автомобиль, в котором первый позже убьет второго.

«Не сумев пережить развод после десяти лет совместной жизни, Педерсен убил своих детей, семилетнего Бена и шестилетнюю Фрею, а потом покончил с собой. Тела Бена и Фреи были обнаружены рядом с телом отца после того, как он зарезал их ножом в воскресенье вечером. Суд недавно официально оформил его развод с сорокатрехлетней Эрикой.

Набросившись на детей с ножом и убив, ножом большего размера Педерсен нанес себе три удара в грудь и один в предплечье. Педерсен увез детей в сельскую глубинку Хэмпшира и припарковал автомобиль на отходящей от шоссе проселочной дороге. Тела обнаружил местный житель, выгуливавший собаку, который сначала увидел «Сааб» Педерсена, а потом заметил ногу ребенка».

«Дейли мейл»

Авторы древнегреческих трагедий никогда об этом не забывали. Они считали нужным показать, какими мы можем быть злобными, глупыми, сексуально озабоченными, разъяренными и слепыми, но при этом они оставляли место и для сострадания. Примеры, показанные ими, убеждают, что мы – представители благородного, но обладающего жуткими недостатками вида, что мы способны на удивительные подвиги, можем долгие годы лечить людей и с любовью воспитывать детей, а потом внезапно превратиться в свою полную противоположность и одним махом разрушить собственную жизнь. Каждому из нас следует этого опасаться.

6.

Древние греки видели трагические пьесы раз в году в определенное время, в рамках особого конкурса и понимая, какой там заложен смысл.

Мы же, наоборот, узнаем трагические новости чуть ли не каждый день, но редко осознаем, что они несут в себе определенную мораль. Новости не помогают свести все эти случаи воедино и увидеть, что каждый из них это пример потери контроля над собой и высвобождения монстра. Новости не собирают, как следовало бы, все эти ужасные истории вместе под общим заголовком «Трагедия», не излагают так, чтобы в патологических действиях залитых кровью героев этих сюжетов нам с большей легкостью удалось бы распознать дремлющие в нас самих страсти.

Немалая часть новостей рассказывает о людях, живущих в разных странах на всех континентах и совершающих преступления независимо от их общественного статуса и положения в обществе. Этим людям не удастся контролировать эмоции, сдерживать навязчивые идеи, отличать правое от неправого и достойно себя вести, пока для этого еще есть время. Их промахи должны приносить пользу нам. Новости, как литература и история, могут сослужить в этом огромную службу, стать «имитатором жизни», машиной, которая поместит нас в самые разные сценарии, с какими в обычной жизни нам сталкиваться не приходится, и даст нам шанс на досуге спокойно обдумать, как реагировать в той или иной ситуации, чтобы, попав в нее в реальной жизни, обойтись без кровопролития.

Однако слишком часто новости не помогают нам учиться на ошибках наших оступившихся братьев и сестер, не делают серьезных попыток разъяснить каждому из нас и всему обществу, что такие ошибки подстерегают любого. Если, как мы уже видели, добропорядочная жизнь требует, чтобы мы учились на примере вдохновляющих нас личностей и стремились к идеалам, она также настоятельно рекомендует внимательно изучать людей, чьи поступки должны пугать и приводить в ужас, а также предупреждать. Это две стороны одной медали роста и развития, и в круг обязанностей новостей входит помощь – хотя пока это и не стоит в их повестке дня, – которую они могут оказать нам как с первым, так и со вторым.

Происшествия

«Отец, который вез дочь в школу в Дербишире, погиб после того, как его автомобиль упал в ледяную реку. За несколько минут до этого его жена, которая везла в школу их сына, также не удержала автомобиль на дороге и оказалась в той же реке. Обоим детям и их матери удалось выбраться из автомобилей, отца же, несмотря на отчаянные попытки местных жителей, спасти не удалось, и он умер в больнице. Он ехал по дорожке для верховой езды к северу от шоссе А6 в Дербишире, когда его «Тойота-Айгоу» слетела с дорожки и ушла под воду в реке Уай».

«Хаффингтон пост»

История, разумеется, жуткая. Человек погиб в сорок два года, друзья помнят его как «замечательного человека, любящего отца, мужа, брата и сына». Чтобы потрясти нас еще сильнее, новостная заметка во всех подробностях описывает отчаянные попытки членов семьи выбраться из ледяной воды, старания очевидцев вытащить водителя из упавшего автомобиля, рассказывает о принятом в последнюю минуту роковом решении родителей поехать по этой узкой и опасной дороге вместо обычного маршрута (по безопасному, более широкому шоссе). Небольшого участка гололеда оказалось достаточно, чтобы человек лишился жизни. Известие об этой аварии несколько часов фигурировало в заголовках британских массмедиа, пока в Непале вскоре после взлета не загорелся самолет, который затем огненным шаром рухнул на землю.

Такая авария относится ко второй, не менее захватывающей и популярной категории дурных новостей, которая отличается от трагедии тем, что трудно обвинить кого-то конкретно. Причины несчастья связаны не с психологическими факторами или психическим расстройством у каких-то злодеев, а с уязвимостью представителей нашего вида во всякого рода инцидентах: тут и крайняя хрупкость наших тел, и непредсказуемость природы. Нам напоминают, что между нами и смертью всего лишь язычок пламени, резистентный вирус, а то и сильный порыв ветра.

2.

И вновь мы сталкиваемся с парадоксом: почему нам так интересны эти истории о катастрофах, когда вроде бы логично было бы предположить, что нам должны быть гораздо ближе счастливые истории, освещающие положительные и жизнерадостные аспекты нашего существования.

Хотя преимущества жизнеутверждающих историй очевидны, когда дело касается именно нашей жизни, они уже определенно теряют привлекательность, когда речь в них идет о ком-то другом. Весьма специфическое, но при этом несомненное удовольствие приносят истории, в которых описываются страдания незнакомых нам людей.

Возможно, это происходит потому, что мы все в глубине души печальны и разочарованы. В нас, не давая о себе знать, таится много темного. При этом мы живем в обществе, которое без устали пропагандирует честолюбие и счастье, плодотворные взаимоотношения, успешную карьеру, процветающие компании, хотя практически все это недостижимо для нас.

И новости о происшествиях помогают нам примириться со всей этой благостной картинкой. Аварии, эпидемии, взрывы и пожары переводят наши неудачи из категории абсолютного в категорию относительного. Любая катастрофа – это полезное послание для нас: *человечество страдает*. Это известие наше подсознание оценивает и сравнивает с нашими собственными неприятностями (которые не превышают уровня проблем вроде отклонения делового предложения или пренебрежения, проявленного недругом). Разница между нашими горестями и теми, что выпали на долю жертвы, может быть сколь угодно велика, но для нас эти происшествия невероятно полезны. Беда, свалившаяся на кого-то, позволяет нам трезво оценить масштаб наших собственных проблем. Мы начинаем понимать, что потеряно далеко не так много, как мы себе представляли, ослепленные завистью или раздражением. Да, мы чем-то разочарованы, но ведь не потеряли близкого родственника в автомобильной аварии, не заразились смертельным вирусом, и наш дом стоит на положенном ему месте. Погружаясь в истории о чужих бедах, мы обретаем способность более конструктивно и великодушно относиться к себе и другим. Благодаря самым печальным новостям терпение и надежда парадоксальным образом крепнут.

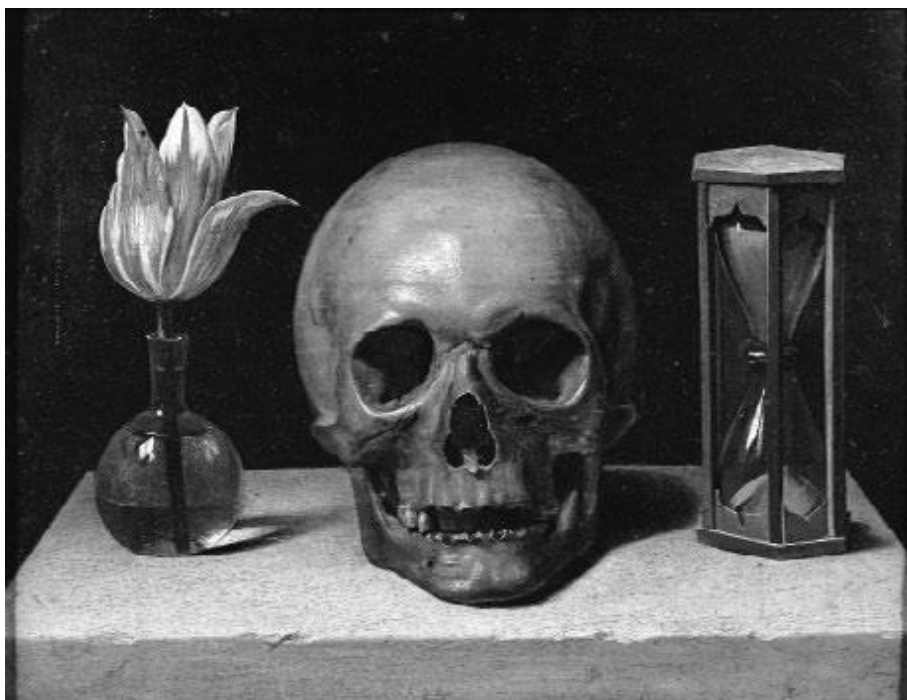
3.

Ужасные происшествия помогают расставить ориентиры. Большая часть того, что расстраивает нас изо дня в день, никак не связана со смыслом нашей жизни, но эти мелкие стрессы тем не менее непрестанно отнимают у нас энергию. Яркое напоминание о том, что все мы смертны, позволяет более пристально приглядеться к нашим куда более прозаическим проблемам. При сравнении с ограниченной продолжительностью жизни пустяковость некоторых из наших тревог

выявляется особенно четко, и наши легкомысленные нарциссические склонности могут уступить место подлинным и целеустремленным сторонам нашей личности.

Новости о происшествиях заставляют нас признать: если жизнь так хрупка, если нет гарантий, что впереди ждут еще десятилетия, то не стоит проводить вечер воскресного дня, ссорясь со своей второй половиной, или упорствовать и не прощать друга за мелкий проступок или за то, что он отказался развивать свой природный талант ради теплого местечка. Мысль о смерти достаточно сильна, чтобы заставить нас изменить приоритеты, вытащить на поверхность те важные для нас вещи, которые опустились на дно под тяжестью ежедневных боев местного значения. Напоминание о смерти, которую действительно следует бояться, способно напугать нас до такой степени, что мы начнем жить как должно, причем в глубине души нам прекрасно известно, что для этого требуется.

Идея, что мысль о смерти способна вернуть смысл и значение нашей жизни, имеет давнюю историю. Многие столетия кабинеты и спальни власть имущих традиционно украшали человеческим черепом, настоящим или нарисованным, который всегда красовался на видном месте, чтобы попадаться на глаза и прервать ход мыслей в тот самый момент, когда человек продумывает план мести врагу или собирается предать любимого человека.

Филипп де Шампань, «Ванитас», 1663 г.

«Женщина убита на месте упавшей ветвью дерева»

Ирэн Уилсон тридцати одного года, родившаяся в Новой Зеландии, менеджер по работе с клиентами, получила «несовместимые с жизнью травмы головы», после того как в Королевском ботаническом саду в Кью, Юго-Западный Лондон, на нее в воскресенье упала ветка ливанского кедра, обломившаяся от резкого порыва ветра. Она гуляла по популярному у туристов парку с двумя подругами, когда внезапно на нее обрушился смертельный удар. Подруги услышали громкий треск, прежде чем поняли, что на них падает ветка. Они бросились бежать, но, оглянувшись, увидели, что мисс Уилсон лежит на земле. Несмотря на все попытки персонала «Скорой» спасти ее, сразу стало очевидно, что она уже мертва. Ее родственники говорят, что «им очень тяжело». Коллеги видели в ней «звезду», которую ждало блестящее будущее. «Трудно выразить в словах наши чувства, вызванные трагическим уходом из жизни нашей коллеги и друга Ирэн Уилсон», – сказал Сез Лоури, менеджер отдела по подбору персонала компании, где она работала».

«Дейли телеграф»

Новости дают нам возможность использовать их мрачные сюжеты, как свои собственные, превратив их в современную версию этих черепов. Если эти истории когда-нибудь смогут выставить под общим названием «Ванитас»^[20], станет понятно, какую пользу мы можем из них почерпнуть. Они перестанут быть просто свидетельствами чьих-то страданий и вместо этого помогут нам сосредоточиться на более важных аспектах жизни в полном соответствии с нашими способностями и интересами, чтобы мы старались максимально реализовать себя до того, как нам на голову упадет обломившаяся ветка.

4.

Здесь мы вновь должны проявить осторожность и не позволить чужим драмам оказать на нас противоположное и отнюдь не полезное воздействие. Вместо того чтобы побудить нас сосредоточиться на наших собственных упускаемых из виду приоритетах, эти истории могут и отвлечь нас от более важных для нас забот. Масштаб, яркость и актуальность происшествий, о которых сообщают в новостях, таковы, что им несложно протолкнуться на авансцену нашего сознания, где они и устраиваются, требуя обновления информации каждые десять минут (и новости нам с готовностью это предоставляют), таким образом заслоняя собой все другие проблемы, куда более мизерные, зато важные конкретно для нас, которыми нам и надлежало бы заниматься. Когда самолет терпит катастрофу в Непале, мы непроизвольно начинаем реагировать как инспектор безопасности воздушных полетов или запаниковавший родственник, хотя стоило бы помнить, что в действительности это не наше дело и мы проведем день с большей пользой, заглядывая в себя, пытаясь правильно истолковать собственные тревожные импульсы, чтобы более эффективно распорядиться собственной жизнью.

Адское пламя Непала

«Объятый пламенем самолет с девятнадцатью пассажирами на борту, летевший к Эвересту, упал на пригород непальской столицы в пятницу. По сообщению полиции, погибли все, кто находился на борту, в том числе семеро бутанцев и пятеро китайцев. Двухмоторный самолет компании «Сита эйр» только успел вылететь из аэропорта Катманду, направляясь в город Луклу, и вдруг внезапно рухнул на берег реки, протекающей рядом с аэропортом. Свидетели слышали крики пассажиров и видели языки пламени, вырывающиеся из одного крыла за несколько секунд до падения, в то время как руководство аэропорта сообщило, что пилот доложил диспетчеру о столкновении с птицей вскоре после взлета. «Мы слышали крики тех, кто находился в самолете, но не могли поливать его водой из ведер, потому что боялись взрыва двигателей», — сказала Тулаша Покхарель, двадцатилетняя домохозяйка, которая одной из первых оказалась на месте трагедии».

Агентство «Франс-Пресс»

Гармоничная жизнь требует любопытной комбинации внутренних и внешних опасений: следует усвоить главный посыл, идущий от происшествий с другими, – что мы очень хрупки и смертны, – но при этом не погружаться в подробности, чтобы не позволять чужим бедам стать поводом для увливания от собственных обязанностей перед собой. Мы должны замечать чужие страдания и боль, которыми новости готовы потчевать нас все двадцать четыре часа в сутки, но в то же время и не заикливаться на них.

Мы привыкли ставить знак равенства между понятием «быть человеком» и состраданием к чужому горю и можем забыть о том, что в некоторых ситуациях оставаться бесстрастным – насущная необходимость. Таковы уж пределы концентрации нашего внимания и эмоциональных ресурсов, что серьезная и уместная забота о себе и тех людях, которые полностью зависят от нас, включает в себя и жесткое ограничение сочувствия – и интереса – ко всем остальным. Другими словами, это осознанное признание того, что новости, пусть ужасные и доходящие в режиме реального времени, тревожащие и трогательные, далеко не всегда затрагивают проблемы, касающиеся нас лично.

Природа

«Через несколько часов Нью-Йоркскую агломерацию накроет рекордно мощный снегопад, сопровождаемый исключительно сильным ветром. Национальная метеослужба объявила штормовое предупреждение для Нью-Йорка, Лонг-Айленда, северной части Нью-Джерси, Коннектикута и юга округа Уэстчестер. Ожидается, что снега выпадет от 20 до 24 дюймов, а на севере и востоке Нью-Йорка даже больше. Во многих местных продовольственных магазинах полки пусты: жители запаслись всем необходимым в ожидании мощного бурана, который может на много дней запереть их в собственных домах».

«Си-би-эс ньюс»

1.

«...довольно облачно и тепло, ночь на большей части территории пройдет без осадков, лишь кое-где возможен слабый дождь, вероятнее всего, на востоке...»

Обычно мы обращаем на погоду мало внимания. Она ведет себя, как ей вздумается, а потому сама остается вне новостей. Редко кто из нас долго смотрит на небо. Мы, разумеется, не следуем примеру Джона Костебла, который в 1821–1822 гг. каждый день проводил несколько часов на склонах Хэмпстед-Хит, пристально наблюдая за небом. В результате появились 150 точных и потрясающих акварелей, рисунков и картин маслом, отображающих парообразные формы, проплывавшие над его головой. Сам процесс художник с любовью назвал «небованием».

Наши глаза привычно сфокусированы на человеческой драме под облаками: кто получил новое назначение, цена каких акций или облигаций может пойти вверх, как будет разрешен бюджетный кризис. Происходящее над нашими головами в атмосфере каждый день сводится до одного или другого штампа, любимого синоптиками, в

своем наивном стремлении к упрощению происходящего в небесах, не отстающих от новостных репортажей, которым не под силу передать сложность существования.

2.

«...Снеговой фронт в настоящее время движется на северо-восток, угрожая 20 штатам и 160 миллионам их жителей, оказавшихся на его пути...»

А потом наступает день, когда природа привлекает к себе наше рассеянное внимание каким-нибудь мощным разрушительным эксцессом: торнадо, наводнением, бураном, цунами или иным апокалипсисом местного значения.

Джон Констебл, «Изучение облаков». 1821 г.

В случае вышеуказанного снежного фронта синоптики сумели обеспечить надежный прогноз территории, которую он затронул. В Национальном метеоцентре суперкомпьютер «Ай-би-эм пауэр семь» с производительностью миллион миллиардов вычислений в секунду сумел точно рассчитать границы стихийного бедствия, хотя, как и другие эксперты, не смог предсказать, с какой силой природа обрушится на человека.

В итоге закрылись семь международных аэропортов, были отменены или задержаны восемь тысяч рейсов. Прекратилось железнодорожное сообщение. Закрылись школы. Многие населенные пункты из-за обрывов линий электропередач остались без света.

Губернатор Нью-Джерси появился на экранах телевизоров и объявил буран «надвигающейся катастрофой». А мог бы еще и сказать, что буран идет на человека войной, и победа, пусть и на короткое время, останется за ним.

3.

«...Жители Норт-Канаана, штат Коннектикут, многие с маленькими детьми, в первые часы остались без света, и спасателям пришлось эвакуировать их в расположенные поблизости мотели, где они пока и остаются...»

Жизнь в чем-то всегда чрезвычайные обстоятельства, но наша борьба с ними обычно тщательно скрывается. Наши тревоги бушуют внутри, тогда как снаружи мы можем улыбаться и уверять, что все у нас хорошо. Буря временно прерывает этот фарс. Слыша ревущий за окнами ветер, мы позволяем себе волноваться, и, что более важно, тревога может помочь сосредоточиться на чем-то важном, реальном и (каким бы странным это ни показалось дорожным бригадам, пытающимся расчистить проезжую часть) относительно *простом*: действительно, несравненно проще копать, спасать, помогать и возвращать к жизни, чем принимать вызовы более спокойных, ничем не примечательных дней, когда мы остаемся один на один с необходимостью принять решения, которые должны позволить жить, любить, воспитывать здоровых детей и не тратить попусту наши короткие жизни.

Природный катаклизм позволяет нам восстановить и укрепить связь с другими людьми. В обычные времена мы не можем представить себе, что происходит у них в головах, но буря пробуждает в нас чувство общности. Обычно наше мнение о других формируется по новостным выпускам, и может создаться впечатление, что вокруг одни убийцы и педофилы, однако во время того же бурана оно рассеивается. И люди помогают бездомным собакам, кормят горячим супом замерзающих и выталкивают из сугробов чужие внедорожники. Среди многих квадратных миль полярной белизны человеческое участие обретает особую важность. Мы становимся гораздо терпимее друг к другу, и, как бывает после выпивки, ощущение такое, будто мы готовы любить всех.

4.

«...Особенно много снега выпало рядом с национальным лесным заповедником Аллеени, а также на Дубойс и Слипери-Рок...»

Есть определенная поэтика в названиях далеких уголков страны, о существовании которых мы, возможно, даже не подозревали. В голову приходят пасторальные образы: разбросанные по округе фермерские дома, водонапорные башни, ярко окрашенные амбары... давний образ жизни, когда люди разбирались в домашних животных, сажали цветы, никуда не торопились, так разительно отличающийся от нашей невежественной, полностью полагающейся на технику городской жизни.

5.

«Официальные лица объявили, что погодные условия привели к полному закрытию аэропорта. Ранее удавалось поддерживать в рабочем состоянии только одну взлетно-посадочную полосу, потом повалил такой сильный снег, что сотрудники, занимающиеся очисткой летного поля, перестали видеть друг друга».

Все перевернулось с ног на голову. Самолеты, которые обычно парят на высоте 35 000 футов, теперь выстроились на земле, укрытые толстыми снежными одеялами. Летчик устраивает шоу, пытаясь откопать лопатой «Аэробус-320». Электричество отключается в штаб-квартире страховой компании, и обычно сдержанные клерки выходят на улицу и лепят снеговиков. После того как в роскошном отеле замерзают трубы, гости меняют уединенную роскошь номеров на веселую компанию на ближайшем катке.

Самолет, который не может взлететь.

Природа ставит нас на место. Нам не нравится, если кто-то другой указывает, что мы – никто, но когда то же самое говорит нечто огромное, никакого унижения мы не испытываем. Наше эго, такое чувствительное, если возникает необходимость сравнивать себя с другими людьми, возможно, даже ощущает облегчение, когда нас унижает сила, несравненно более могучая, чем любое человеческое существо.

В прошлом нас ставила на место угроза божественного. Боги подавляли нашу гордыню и громовыми голосами напоминали, что мы вышли за рамки дозволенного. В наш мирской век эти функции перешли к природе, особенно к так называемой «плохой погоде», а новости сообщают о «наказании» миру. Изобары и холодные фронты напоминают нам, что мы – при всех наших умных машинах и изощренном уме – все еще слабаки и временами вынуждены просто сдаться на милость погоды. Мы раздражаемся и жалуемся, но у нас нет

других вариантов, кроме как смириться с навязанным нам метеорологическим шабатом.

На всем восточном побережье мачты мобильной связи повалены, подача электроэнергии прекращена. Супермаркеты закрыты, снег заваливает Центральный парк и слой за слоем оседает на соснах в Моханском лесу. Это беда, катастрофа, самый сильный буран на памяти поколения: новости не лгут. Но им следовало бы добавить, что природный катаклизм – это еще и урок мудрости. Современное технократическое общество, нацеленное на постоянное соперничество, причинило нам столько вреда, что мы особо не возражаем, когда природа на какое-то время показывает ему, кто в доме хозяин.

Новости о здоровье

«Зеленый чай и красное вино давно считаются средством против рака, а теперь получены доказательства, что они могут защитить и от болезни Альцгеймера. Университетские исследователи обнаружили, что природные химические вещества – галлат эпигаллокатехина в зеленом чае и ресвератрол в красном вине – могут приостановить развитие болезни Альцгеймера. Используя очищенные экстракты галлата эпигаллокатехина и ресвератрола, ученые смогли прервать процесс, ведущий к образованию в мозгу скоплений опасных белковых клеток».

«Си-ти-ви ньюс»

1.

Хотя большую часть энергии новости тратят, чтобы сообщить об ужасных путях, которыми многие из нас приходят к смерти, в области, именуемой «здоровье», новости действуют совершенно иначе. Здесь собирается информация, которая обещает дать нам возможность жить очень долго, возможно, хотя об этом и не говорится напрямую, даже вечно. Новости знакомят нас с достижениями ученых, которые нацелены на перестройку нашего существования. Они изобретают роботов, которые будут путешествовать по кровеносной системе, синтезируют лекарства, регулирующие настроение, составляют карту наших генов, клонируют органы и конечности, продляют жизнь правильным питанием и лекарствами, особенно выделяя вино, оливковое масло и аспирин.

2.

Жизнь в современном мире – то есть в эпоху торжества новостей – постоянное напоминание о том, что изменения и улучшения благодаря

научно-техническому прогрессу постоянны и неумолимы. Об этом неустанно твердят новости: в любой момент они могут сообщить об очередном экстраординарном открытии, которое фундаментально изменит реальность. Время – это стрела, неуклонно летящая вверх.

В досовременном обществе люди представляли себе время как колесо. Жизнь неизбежно текла по кругу. Наиболее важные истины раз за разом возвращались: не представлялось возможным ни выйти из круга, ни разорвать его. Даже если бы технически был обеспечен постоянный доступ к новостям, психологически в этом не было никакой необходимости. Общества, которые воспринимают время как замкнутый круг, а не вектор, не испытывают никакой необходимости каждые четверть часа сверяться с заголовками.

3.

Мы более нетерпеливы... и оптимистичны по отношению к будущему. И в новостях о здоровье, пусть не прямо, а между строк, указывается, что со временем наука сумеет найти лекарство от всего, включая самое смерть.

Было бы куда проще, если бы это невысказанное утверждение совершенно не соответствовало действительности. Реальность гораздо сложнее. Мы обязательно сможем, пусть и через семьсот восемьдесят лет, раскрыть все тайны старения и болезней. Но и для вас и для меня это произойдет слишком поздно. И наши жизни обречены следовать тому же циклу, что и у наших предков.

Несмотря на наш интерес к ужасному, новости не хотят выглядеть мрачными, когда заводят речь о проблемах в области здоровья. Они делятся с нами последними открытиями, связанными с красным вином, генной инженерией и пользой от грецких орехов, с таким благоговением, какое, вероятно, в свое время испытывал пилигрим, прикасаясь к большой берцовой кости Марии Магдалины в надежде обрести сверхъестественную защиту. Вместо того чтобы готовить нас к неизбежности смерти, новости предпочитают расписывать последние научные открытия по части того, как полезно пить грейпфрутовый сок, а при долгих перелетах надевать плотные носки из хлопка.

При неодолимой тяге к убийствам и взрывам, новости очень нервно воспринимают смерть от естественных причин. Их стремление превратить смерть в трагическое представление мешает нам принять ее как обыденную реальность. Нас тащат от места взрыва мины к дымящемуся остову самолета, но практически никогда не показывают глубокого старика, у которого остановилось сердце, выработав свой ресурс.

Прежде чем новости заняли в нашем сознании место религий, последние полагали подготовку человека к смерти важнейшей из своих задач. Потребности и страхи, с которыми люди шли в храм Божий, никуда не делись и в наш мирской век: нас мучает страх смерти, и нам необходимо утешение. Но эти эмоции не привлекают общественного интереса, мы остаемся с ними один на один глубокой ночью, тогда как днем новости привлекают наше внимание, без усталости рассказывая об антиканцерогенных свойствах черники и необходимости ежедневного приема чайной ложки масла грецкого ореха.

VII. Потребление

Рестораны, путешествия, бытовая техника...

«Пахнет зимним дымком мелко порубленная печенка на кростини, поджаренная на гриле местами до черноты и обложенная сверху кусочками лесных грибов. Удивительный вкус у фритто-мисто из кальмаров, анчоусов и креветок в масле... А поскольку шеф-повар еще недавно работал в расположенном по соседству ресторане «Бокка ди Лупо», неудивительно, что сосиски «Котчино» в панировке с тушеной капустой и горчицей просто божественны».

«Обсервер»

1.

Новости принимают близко к сердцу нужды «общества потребления». Каждый день немалая их часть посвящена информации о всякой всячине, относящейся к таким категориям, как рестораны, путешествия, бытовая техника, автомобили и хозяйственные товары. Новости хотят помочь, уберечь от ошибок, содействовать в приобретении самого лучшего по доступной цене.

Наша страсть к потреблению не везде и не у всех вызывает одобрение. Современное стремление приобретать гораздо больше необходимого для выживания часто представляется недальновидным, губительным для планеты, роковым, алчным и, если собрать все эти уничижительные эпитеты воедино, *материалистичным*.

Однако, учитывая, сколько ресурсов нашего общества тратится на производство и продажу товаров, которые никак не назовешь жизненно необходимыми, вероятно, не такая простая задача убедить нас покупать товары с той же интенсивностью, с какой они производятся. И новости со всей серьезностью относятся к тому, чтобы активно помогать нам тратить наши деньги.

2.

Выполняя эту добровольно взятую на себя миссию, новости проверяют и докладывают: во-первых, что доступно на рынке, во-вторых, что сколько стоит, в-третьих, какие из товаров хорошие, а какие не очень.

Ради этого журналистов отправляют в рестораны, чтобы попробовать салат из груши, горгонзолы и цикория, в отель, чтобы оценить услуги спа-центра выходного дня, на ярмарку электронной техники, чтобы внимательно ознакомиться с браузером и камерой нового смартфона.

Поджаренный целиком морской лещ.

Все это, несомненно, важно, но ограничить потребительские новости только такими практическими исследованиями – значит

упускать из виду ключевой момент, в первую очередь толкающий нас покупать ту или иную вещь. Товары, о которых рассказывают новости, ни в малой степени не относятся к предметам первой необходимости. Приобретая их, мы не просто испытываем чувство материальной удовлетворенности. Нас еще и ведет глубокое, зачастую подсознательное стремление к некой психологической трансформации. Мы не просто хотим *владеть* вещами, через обладание ими мы хотим *измениться*. Как только мы изучим поведение потребителя с должным вниманием и без предвзятости, станет понятно, что мы вовсе не неисправимые материалисты. Что выделяет наш век среди других, так это наше стремление достичь различных сложных психологических целей через приобретение материальных вещей.

3.

«Редкое блюдо может доставить такое удовольствие, как морской лещ, поджаренный на гриле и съеденный за простым деревянным столом с клетчатой скатертью. Мясо нужной консистенции без всяких добавок, кроме морской соли, плюс мелко порубленная зелень и кусочек лимона...»

Очевидно, что желание посетить новый ресторан в центре города связано с намерением поесть. Но существенная и, возможно, решающая цель нашего желания далеко не столь очевидна, психологически она более утонченна: мы хотим впитать в себя достоинства самого ресторана. Хотим в каком-то смысле *стать такими же, как он*: расслабленными, благородными, общительными, гармоничными в простоте, близкими к природе, непринужденными. Все эти абстрактные достоинства мы подсознательно отмечаем в блюдах, обслуживании и интерьере, а потом сумбурно пытаемся поддержать в себе, переваривая морского леща с мелко порубленной зеленью, добавив к нему буррату с чечевицей и базиликовым маслом.

«Окна всех 82 номеров выходят на лазурную воду бухты. Перед отелем – большой уютный бассейн, по поверхности которого садовники каждое утро разбрасывают цветы. Воздух насыщен их ароматом, нежно-легкий ветерок...»

Соответственно мы хотим не просто провести несколько дней в тихом и спокойном отеле, мы ищем место, которое поможет нам в реализации проекта «Как стать спокойными и умиротворенными людьми». Мы едем за границу не только для того, чтобы сменить обстановку, но в надежде, что окружающий ландшафт поможет перестроить наш внутренний мир.

«Смартфон отправляет информацию с невероятной скоростью, может делать очень четкие фотографии, понимает голосовые команды, и в его огромной памяти может храниться вся ваша библиотека...»

По той же логике нам не нужен телефон исключительно для утилитарных целей, нам также хочется обрести некоторые из его достоинств, мы хотим стать чуть более сообразительными, элегантными, умелыми и точными.

4.

Учитывая, что потребление – гораздо более сложный и интересный процесс, чем может показаться с первого взгляда, потребительские новости должны пересмотреть свои посылы по части потребностей аудитории.

Наши возможные покупки привычно делят на такие разделы, как:

РЕСТОРАНЫ
ПУТЕШЕСТВИЯ
БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
МОДА

Но гораздо целесообразнее и эффективнее группировать потребительские новости совсем под другими заголовками:

ПИРШЕСТВО
ПОКОЙ
ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ
РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Рестораны, поездки в другие страны и электронное оборудование могут вызывать какие-то желания, но будет ошибкой предполагать, что они и есть наша конечная цель. Они всего лишь составляющие более глубоких психологических целей, на которых и должны сосредоточить внимание журналисты, работающие в сфере потребительских новостей.

5.

Идеальные потребительские новости будущего не будут бороться с материальным миром. Хотя многие философские школы склоняются к тому, что материализм любого рода не должен играть никакой роли в добродетельной жизни, истина гораздо сложнее. Материальные предметы – это обещания (и приманки) будущего состояния души, они открывают идеальные образы того, куда мы хотим попасть. Миниатюрный итальянский городской автомобиль говорит о дерзости и игривости, титановая настольная лампа намекает на деловую жизнь, которой подчинено все, турпоход в горы на уик-энд обещает положить конец колебаниям и податливости, которые уступят место уверенности в себе.

Покупка любой из этих вещей не позволит нам укрепить те внутренние состояния, о которых они говорят. Но эти вещи обеспечат виртуальный образ решимости и, таким образом, стимулируют наши усилия к достижению поставленной цели. Хорошо это или плохо, но потребление не обречено быть пустой тратой денег.

Религии всегда понимали эту двойственность. Пытаясь наставлять верующих в духовной части, они одновременно осознавали функции, которые могут сыграть в формировании характера еда, одежда, путешествия и предметы обстановки. К примеру, дзен-буддизм рекомендует своим приверженцам не только читать и молиться, но и обставлять дом серовато-зелеными глиняными изделиями, которые следует созерцать, чтобы укрепить стремление к простоте и безличности. В этой рекомендации нет и намека на современную западную установку, что красивый глиняный горшок может сам по себе трансформировать характер покупателя, но в то же время дзен мудро признает, что горшок правильной формы, если воспринимать его с

нужной точки зрения, может внести весомый вклад во внутреннюю эволюцию человека.

В мирской жизни мы тоже признаем, что материальные товары иногда могут стимулировать нас в нужном направлении: новое пальто добавляет уверенности в себе, а простой набор посуды поспособствует внутреннему спокойствию. В то же время следует помнить, что желаемая трансформация не произойдет благодаря одной лишь покупке. Необходимо прилагать усилия, чтобы приводить внутренний мир в соответствие с аурой, окружающей наши приобретения.

В идеальном разделе потребительских новостей такие категории, как Уверенность и Покой, представят нам набор одновременно и концептуальных, и материальных вариантов. Мы узнаем о психологических подходах, которыми следует воспользоваться, чтобы достичь желаемой цели: слушая определенное музыкальное произведение, читая книгу об определенном периоде истории, изучая труды некой философской школы или занимаясь ментальными упражнениями, но нам также необходимо показать и материальные покупки, которые будут гармонировать с желанным нам мироощущением: пиджак особого покроя, или путешествие за границу, или удобное кресло.

6.

Поскольку мы позволили себе отделить потребление от более глубинных потребностей, наши покупки перестали поддерживать нашу психику. Хотя потребительские новости помогали этому разрыву, они также старались и выправить ситуацию, информируя, что нам следует приобретать и для чего. Категории, язык, позиционирование и символы, которые используют новости, когда представляют варианты для покупки, обладают невероятной силой воздействия на наши решения. Изменив такую малость, как категории, в которых потребительские новости рассказывают о своих находках, сосредоточившись на истинных потребностях, а не на зарождающихся желаниях, мы сможем отдать должное базовым стремлениям, вызываемым потребительскими товарами, товарами, производство и приобретение которых истощает и нас самих, и нашу планету. У нас, таким образом, появляется шанс

стать теми, кем всегда хотели видеть нас потребительские новости:
счастливыми покупателями.

Культура

«Весна уже на носу, а с ней некоторые из лучших шоу, спектаклей, книг и выставок. Позволим нашим критикам и писателям провести для нас экскурсию по некоторым из особенно ярких событий в мире архитектуры, литературы, кино, живописи, танца, театра, джаза, классической музыки, поп и кантри».

«Лос-Анджелес таймс»

1.

Мы живем в эпоху беспрецедентных культурных богатств. Каждый год человечество производит 30 000 фильмов, 2 миллиона книг и 100 000 альбомов, 95 миллионов человек посещают музей или художественную галерею.

Учитывая всеобщий дефицит времени, в этой сфере, как и во многих других, новостные структуры играют особую и престижную роль: указывают, на что следует обратить внимание. Задача культурологической журналистики – просеять творческий поток, с тем чтобы представить лучшие работы нашего времени. Культурологической журналистике доверено ни больше ни меньше, как наведение мостов между искусством и аудиторией.

2.

Оценка и рекомендация произведений искусства со стороны может показаться достаточно простым делом, но чтобы в полной мере справиться с этим, новостной структуре требуется определиться с ответом на серьезный и достаточно скользкий вопрос: «Для чего вообще нужно искусство?»

Современный мир склонен исходить из того, что искусство это нечто крайне важное, близкое к смыслу жизни. Такое отношение в

немалой степени способствует тому, что искусство получает приличные деньги из государственных и частных источников, ради него приносятся бесчисленные индивидуальные жертвы, огромным вниманием пользуется личная и общественная жизнь его представителей.

Несмотря на такую оценку, причины, по которым искусство обрело столь исключительный статус, скорее умозрительные, чем однозначно объяснимые. Признание его ценности считается свидетельством здравого смысла. Задавая вопрос, почему мы должны читать книги, слушать музыку или восхищаться картинами, человек рискует прослыть чудаком или заиклившимся на вопросе, ответ на который умные люди нашли для себя давным-давно.

И однако, негоже утверждать, что только что вышедший фильм «надо смотреть» или называть новую книгу «шедевром» при отсутствии внятного и четкого тезиса о предназначении искусства.

3.

Одна из возможных версий звучит следующим образом: искусство (включая литературу, музыку, кино, театр и изобразительные искусства) – это терапевтический посредник, который помогает направлять, предупреждать и утешать свою аудиторию, способствуя ее развитию и совершенствованию.

Искусство – это инструмент, помогающий нам по части психологических слабостей, с которыми в одиночку справиться сложно: так трудно понять себя, посмеяться над собственными недостатками, проявить сочувствие и простить других, сохранить надежду, оценить красоту повседневности и должным образом подготовиться к смерти.

В отношении этих и многих других недостатков искусство обладает целительными свойствами, предлагая, к примеру, поэтический сборник, объясняющий чувства, которые мы давно ощущали, но никогда не понимали; комедию, которая стряхнет с нас праведное негодование; альбом, который станет саундтреком надежды; пьесу, которая превратит ужас в трагедию; фильм, который проложит более безопасную тропу через полную терний территорию любви; картину, которая позволит с большим смирением принять старость и болезнь.

4.

Ясная и понятная терапевтическая версия искусства, в свою очередь, указывает, какой должна быть культурологическая журналистика: ее предназначение – направлять одинокие, мятущиеся, испуганные и измученные души к тем произведениям, которые в наибольшей степени помогут нам выжить и вести полноценную жизнь.

Культурологический журналист должен быть в какой-то степени химиком, выбирающим из мириад имеющихся в его распоряжении работ именно те, которые помогут решить внутренние проблемы его читателей, зрителей или слушателей, используя сокровищницу культуры как гигантский фармацевтический склад.

В конце рецензии человек должен находить коротенькие ссылки, схожие с этикетками на пакетиках с таблетками, где будет указано, *при какой ситуации* это произведение может оказаться полезным и почему. Рецензенты должны осознавать важность ориентирования анализа произведений на внутренние потребности предполагаемой аудитории и излагать свои вердикты на манер психологических рецептов.

Терапевтический подход культурологической журналистики увеличит число случаев, когда искусство оказывало существенную помощь в решении личных проблем: правильно рекомендованный роман поможет справиться с эмоциональной травмой, картина – восстановить внутреннее спокойствие, фильм – поднять настроение. И это одна из самых насущных проблем, ведь сегодня чрезвычайно часто возникают ситуации, когда мы (несмотря на миллионы существующих произведений искусства) оказываемся в положении, когда у нас нет особенного желания что-то прочитать, услышать или увидеть.

При содействии более честолюбивой культурологической журналистики мы, возможно, в ключевые моменты обретем новые возможности для противодействия злу и неудачам.

5.

То, что у нас возникают проблемы с поиском пути к нужным нам произведениям искусства, и странно, и прискорбно одновременно, учитывая, что никогда раньше мы не располагали таким широким

доступом к культуре. Мы гордимся техническими достижениями, которые мгновенно и зачастую по низкой цене позволяют нам ознакомиться с миллионами книг, фильмов и изображений. Но доступ к столь огромному спектру произведений – это одно, а понимание, какие из них окажутся нам полезны, – совсем другое. Мы достигли очень многого по части того, чтобы сделать искусство доступным, но только начинаем понимать, как вывести людей именно на те произведения, знакомство с которыми для них жизненно необходимо.

Журналистика отчасти виновата в этом разрыве, потому именно она расположилась у шлюза, через который вытекает животворный культурный поток. Здесь, как и во многих других сферах, представленная информация может быть достаточно путаной, поскольку журналисты склонны определять свои приоритеты не согласно хорошо продуманному списку, а в зависимости от календаря выхода книг, выпуска в широкий прокат фильмов, открытия выставок. На страницах рецензий доминируют бестселлеры или фильмы, собравшие максимальное количество зрителей, как будто популярность – главный критерий, определяющий, что нужно прочитать или посмотреть.

Далее, немалая доля материалов о культуре представляет собой нападки на произведения, вызвавшие дружное неудовольствие критиков. И хотя, возможно, для журналиста это приятное развлечение, эти материалы ни в малой степени не помогают связать испытывающую недостаток времени и страдающую аудиторию с теми произведениями, которые могут ей помочь. Нет особого смысла информировать публику о произведениях, которые могли бы спокойно пройти мимо нее, только ради того, чтобы сообщить, что произведения эти надо полностью игнорировать.

В любом случае произведение искусства может быть вполне достойным, но не вызовет должного отклика, если мы столкнемся с ним в не подходящий для нас момент. Мы можем встретиться с «великой» книгой, фильмом или выставкой, достоинства которых мы объективно признаем, но которые при этом оставят нас равнодушными, наведут скуку да плюс еще чувство вины, и все потому, что критики не смогли достаточно тщательно или тонко определить, как это делают хорошие фармацевты, какому состоянию души будет в полной мере соответствовать это произведение. Причина в том, что большая,

возможно, даже решающая часть ценности любого произведения искусства зависит от психологического настроения аудитории. Искусство может тронуть душу только в те захватывающие моменты, когда оно входит в резонанс с какой-то внутренней потребностью человека, и культурологическая журналистика должна выявлять случаи таких совпадений и доносить эту информацию до аудитории, беря на себя роль фармацевта, прописывающего самое сильное лекарство, изобретенное человечеством.

VIII. Заключение

Персонализация

«Вы можете вручную контролировать многие элементы «Гугл ньюс». Чтобы адаптировать настройки согласно вашим личным предпочтениям, кликните кнопку «Персонализация ваших новостей», которая появится в правом верхнем углу домашней страницы «Гугл ньюс». В настройках укажите свое предпочтение тех или иных разделов новостей, передвигая курсор к значку плюс (+) или к значку минус (—)».

«Гугл ньюс»

1.

В не столь уж далеком прошлом мы поглощали все, что называлось новостями, – тридцать газетных страниц или получасовой информационный выпуск, – и точно знали, что люди ответственные собрали воедино все более-менее значимое, задействовав все имеющиеся в их распоряжении средства. Научно-технический прогресс показал, что это не так. Ныне мы понимаем, что поток новостей бесконечен, что каждый новый день выдает еще квадриллион килобайтов образов и слов, и газеты и выпуски новостей на самом деле лишь наперстки, зачерпнутые из океана информации задерганными редакторами, от которых каждый день требуют точного представления об интересах «среднестатистического читателя или зрителя».

Понятное дело, им не всегда удастся держать нос по ветру. Они могут уделить слишком много места войне в Западной Африке или невразумительному плану возврата долгов. Могут рассказывать нам против нашей воли о свадьбе знаменитостей или урагане в Карибском море. А мы можем чувствовать, что нас насильно кормят тем, что мы не заказывали.

Но совсем не обязательно, что так будет всегда. Технические достижения обещают дать нам возможность объяснить компьютеру наши пристрастия, после чего он автоматически будет выдавать только ту информацию, которая интересует именно нас. И больше поток

новостей не будет регулироваться редакторами, которые иной раз ошибаются с вектором общественного интереса. Мы достигнем индивидуалистской Утопии: число новостных каналов сравняется с числом пользователей.

2.

Однако перспектива потери объективной редакторской направляющей вызывает тревогу, потому что сразу возникает вопрос: а действительно ли большинство из нас настолько хорошо подковано, чтобы самостоятельно выбирать новости, которые нам необходимы?

Амбициозное желание жить добропорядочной взрослой жизнью в условиях современной демократии требует, чтобы мы впитывали в себя все виды знаний, которые помогают оставаться высоконравственными, знающими свои недостатки и сильные стороны, благополучными и эффективно способствуют выполнению личных и общественных обязанностей. При этом какая-то часть этих знаний с первого взгляда не кажется привлекательной. Если мы сами будем программировать свои новости, то рискуем отсечь информацию, которая крайне важна для нашего развития. Вместо того чтобы помогать нам в создании разносторонней и высокоорганизованной личности, «персонализированные новости» могут только усиливать наши патологии, благодаря чему мы так и останемся посредственностью.

Представим, как сработала бы персонализация, скажем, для Марии-Антуанетты. Политические новости только портили ей настроение, и она тяготела исключительно к разделам «Мода» и «Развлечения». Сообщение, что 5000 ее подданных голодают в Ренне, наверняка уступило бы место подробному отчету о нарядах, в которых гости пожаловали на бал, устроенный герцогиней де Полиньяк, а к чему приводит выбор такой шкалы ценностей, стало окончательно ясно к октябрю 1793 года, когда королева ожидала своей судьбы на ступенях, ведущих к гильотине.

Или представим себе человека, которого обуревают желание избавиться от зависти. Благодаря новой технологии он отсекает все новости о людях, добившихся успеха. Довольный тем, что освободился от, как он это называет, «глупых историй», он может упустить

некоторые критические, возможно, и не самые приятные подсказки, которые помогли бы ему во внутреннем развитии и карьере.

Может случиться и так, что какой-то человек захочет получать информацию, касающуюся трагедий в странах третьего мира. Но такое пристрастие к сюжетам о голоде и массовых убийствах является благородным и эмоционально удобным предлогом для того, чтобы не проявлять теплых чувств к лучше накормленным, но и более требовательным людям, которые живут гораздо ближе к его дому.

Персонализация может быть шагом вперед по сравнению с нынешней редакторской системой. Но только в том случае, если пользователи – зрелые личности, отдающие себе отчет, какие новости должен знать современный человек. До того, как у них в руках окажется пульт управления, программирующий поток новостей, от них потребуется хорошенько узнать потребности собственной души. Только после интенсивного самоанализа, не исключено и с помощью психоаналитика, они будут должным образом подготовлены к тому, чтобы настраивать персональный новостной канал, полностью отдавая себе отчет, какие сюжеты необходимы, чтобы проверять себя на прочность, расширять горизонты и вызывать правильный вид зависти. Как и любой другой путь, расширяющий свободу выбора, перспектива персонализированных новостей нужна только для того, чтобы лучше высветить трудности принятия мудрого решения.

3.

Идея персонализации возвращает нас к вопросам, которые уже неоднократно возникали в этой книге: какими должны быть новости в идеале? О каких глубинных потребностях они должны заботиться? Каким образом они могут оптимально обогащать нас?

Мы рассмотрели шесть видов новостей, чтобы попытаться определить, какую роль они могут сыграть в нашей жизни:

Политические новости

В силу путаницы и сумбура, царящих вокруг, политические новости должны привлекать интерес к сложным механизмам функционирования общества, помогать нам грамотно, с умом,

требовать его реформирования и принимать некоторые жесткие ограничения без вспышек ярости. Политические новости должны формировать единую терпимую нацию в воображении своей аудитории, которой доступны и моменты общей гордости, и коллективное сочувствие. Политические новости не должны рассказывать о каждом шаге тех, кто у власти, но выявлять системные болезни, которые сдерживают продвижение общества, признавая при этом свою способность влиять на систему ценностей нации, к которой они обращены.

Мировые новости

Этот раздел новостей должен показывать жизнь в разных странах не только в моменты кровавой бойни или других драматических кризисов, которые парадоксальным образом блокируют сочувствие. Мировые новости должны отказаться от навязчивой идеи отстраненности, чтобы представлять более богатые, эмоциональные и глубоко индивидуальные портреты других стран. Позаимствовав некоторые приемы из путевых дневников и описаний путешествий и используя лучшие фотографии, они должны помогать нам очеловечивать образ Другого в нашем сознании, освобождать нас от нашего глобализированного провинциализма.

Экономические новости

В идеале этот вид новостей будет не только отражать текущее экономическое положение, но также анализировать вдумчивые и заслуживающие внимания теоретические тезисы, которые позволят создать более эффективный, более отвечающий потребностям людей рыночный капитализм, освобождая нас и от ненужного цинизма, и от инфантильной ярости. Одновременно они должны знакомить нас с деятельностью бизнеса, далеко выходя за пределы сухих цифр, необходимых только инвесторам. Тем самым мы увидим человеческий фактор, стоящий за товарами, которые мы покупаем, и сможем откликнуться благодарностью, праведным гневом, чувством вины или восторгом.

Новости о знаменитостях

В этой категории нам представляют некоторых из наиболее достойных восхищения людей нашего времени – если судить по эпитетам, которыми их осыпают, – и показывают, как мы должны черпать вдохновение в их успехах и учиться у них. Знаменитости должны вызывать у нас здоровую зависть своими достижениями, на примере своего мужества и упорства помогать осознать наши собственные, пусть и скромные, таланты. Но нам также надо напоминать, что лучшим лекарством от стремления к славе является общество, в котором доброта и уважение распределяются более щедро и достаются всем без исключения.

Новости о катастрофах

Чужие трагедии должны напоминать нам, что зачастую лишь маленький шаг отделяет нас от безнравственности, обмана, насилия. Глядя на последствия таких всплесков в жизни незнакомых нам людей, мы должны испытывать страх и сочувствие, а не презрение и самодовольство. Происшествия, которые ежедневно случаются с другими, должны демонстрировать нам, что мы постоянно подвергаемся риску внезапной смерти или тяжелой травмы, а потому прояснять, с какой благодарностью и великодушием мы должны приветствовать каждый лишенный боли час.

Потребительские новости

Журналистика обязана предупреждать нас, как сложно в агрессивном потребительском обществе испытывать истинное счастье, тратя деньги. Эти новости должны направлять нас к тем товарам и услугам (и, что не менее важно, к тем мыслительным процессам), которые в самой полной мере ответят на наши базовые устремления к полноценному счастливому существованию.

4.

Но даже если благодаря многим и многим чудесам новостям удастся стать такими, как указано выше, у нас все равно останется немало причин для постоянной осторожности...

Новости изнутри

«Если мы однажды прочли о грабеже, убийстве или несчастном случае, о пожаре, кораблекрушении или взрыве парового котла, о корове, попавшей под поезд Западной дороги, о застреленной бешеной собаке или о появлении саранчи среди зимы, – к чему читать о других таких же событиях? Довольно и одного. Если вы ознакомились с принципом, к чему вам миллионы частных случаев? (...) Что касается Англии, то последней важной новостью оттуда была революция 1649 г., и если вы знаете, каковы там средние годовые урожаи, вам больше нечего и знать, разве только вас занимают одни финансовые расчеты. Насколько может судить человек, редко заглядывающий в газеты, за рубежом никогда не бывает ничего нового – даже новой Французской революции».

Генри Дэвид Торо. «Уолден», 1854 г.

1.

Мы произошли от людей, которые жили в обществе, где мало что менялось... и где любое изменение вызывалось чем-то существенным, возможно, даже опасным для жизни. От такого прошлого мы унаследовали благоговейное отношение ко всему новому: мы заранее предполагаем, что новое должно быть важным.

Но это не всегда так. Здравомыслие в век доминирования новостей требует, чтобы мы видели, что категории новизны и важности накладываются друг на друга, но коренным образом различаются.

Когда мы нервничаем и нам хочется забыться, нет лучшего, увлекающего и *респектабельного* способа, чем обратиться к новостям. Они обеспечивают идеальный и более чем серьезный предлог, чтобы оставить без внимания многое из того, что имеет куда большее значение, чем эти самые новости. Мы сознательно отказываемся от ответственности перед собой, чтобы услышать, какие большие и

неотложные проблемы, вызванные огромным государственным долгом, стоят перед Бразилией, кто стал новым лидером Австралии, каков уровень детской смертности в Бенине, с какой интенсивностью вырубается лес в Сибири и кто совершил убийство троих человек в Кливленде.

2.

Своим масштабом и вездесущностью современная новостная машина может сокрушить нашу способность независимого мышления. В европейском бюро одной глобальной новостной структуры почти пятьсот человек сидят в огромном тускло освещенном зале, где стены увешаны информационными экранами, которые соединены щупальцами оптического волокна со всеми уголками планеты. Объем информации, поступающий в это здание ежедневно, сравним с созданным человечеством за двадцать три столетия, начиная со смерти Сократа и заканчивая изобретением телефона. По проводам приходят сообщения о землетрясении в Гватемале и убийствах в Конго, известия о снижении прибыли из Хельсинки и взрывах в Анкаре, сюжеты на все мыслимые темы в географических областях: выборы в Буркина-Фасо и детская смертность во Вьетнаме, перспективы урожая в Канаде и африканская стратегия «Рио Тинто», весенняя коллекция компании «Прада» и китайские рестораны Цюриха. Часы показывают, что в Хартуме уже вторая половина дня, тогда как в Ла-Пасе раннее утро. Ощущение как в зале вылетов крупного международного аэропорта, когда оставляешь позади все местное, укоренившееся, медленно движущееся и попадаешь в огромный, мчащийся сломя голову мир. Здесь мы точно в современной эпохе, не очень-то понимая, в каком мы месте и в какое время, спасибо достижениям науки и техники, и расстаемся с нашими провинциальными привязанностями. Забываем ритмы природы, живо осознаем присутствие миллионов и миллиардов других человеческих существ – каждый со своими неудачами, честолюбивыми замыслами и характерными особенностями.

Скорость новостного цикла неумолима. Какими бы захватывающими ни казались вчерашние новости: оползни, обнаружение трупа девушки, унижение когда-то могущественного

политика, – каждое утро все начинается заново. Новостные структуры отличает амнезия, свойственная отделениям экстренной медицинской помощи: пятна ночной крови замыты, воспоминания о мертвых стерты.

Остается только гадать: а может ли поток сюжетов хотя бы на миг пересохнуть? А вдруг благодаря экстраординарным усилиям человечество на целый день согласится вести себя настолько спокойно, что новостей просто не будет. Убийцы возьмут паузу, рискованные пловцы останутся на берегу, похотливые политики проведут день на лужайке перед домом. Но фанаты новостей могут не бояться такой перспективы. Статистика их успокоит. За двадцать четыре часа в мире под колесами автомобилей погибают три тысячи человек, сорок пять убивают в одних только Соединенных Штатах, четыреста пожаров вспыхивает в домах Южной Европы, не говоря уже об увечьях, террористах, кражах и взрывах.

3.

Интроспективный анализ не бывает простым. Такое исследование может вскрыть слишком много нелицеприятного, а когда мы вынашиваем трудновыполнимые, но потенциально жизненно важные идеи, нам особенно не хочется заглядывать внутрь себя. Вот тут-то новости и ловят нас.

Следует понимать, насколько ревнив противник внутренней самооценки и как сильно он хочет перетянуть одеяло на себя. Его распространители стремятся установить экраны в спинках сидений, приемники в наших часах и телефоны в наших головах, чтобы мы постоянно находились на связи, всегда знали, что происходит вокруг, никогда не оставались наедине с собой.

Но мы никогда не сможем предложить никому что-то значимое, не научившись бережно и терпеливо вынашивать собственные мысли.

Необходимы долгие поездки поездом, где до нас не добирается радиосигнал и нам нечего читать, купе практически всегда пустует, виды за окном роскошные, а из звуков главным образом ритмичный перестук колес. Нам нужны воздушные путешествия, когда мы будем сидеть у окна и два или три часа не видеть ничего, кроме облаков далеко внизу, находиться на расстоянии вытянутой руки от

невероятного холода, слушать гудение двигателей компании «Роллс-Ройс», подвешенных под широкими серыми крыльями, и их уверенная и спокойная работа наверняка поможет навести порядок в мятущихся мыслях.

4.

Мы не можем найти все, что нам нужно, в настоящем, чтобы до конца понять природу человека. Существуют позиции, идеологии, градация эмоций и философские учения, ради которых следует совершить путешествие сквозь века. В далекое прошлое, по коридорам библиотек, мимо забытых музейных залов, заполненных ржавеющими доспехами средневековых воинов, по пожелтевшим страницам книг с пометками на полях давно ушедших владельцев или к алтарям полуразрушенных и поросших мхом храмов. Необходим баланс между непрерывно меняющимися пикселями наших экранов и страницами книг в толстых переплетах, которые уже одними своими шрифтами и иллюстрациями утверждают: им есть что сказать, и они будут заслуживать места в наших мыслях и завтра.

5.

Нужно отключаться от подпитываемого новостями ощущения, что мы живем в эпоху беспрецедентной важности со всеми нашими войнами, долгами, бунтами, пропавшими детьми, вечеринками после премьер, ИПО и разрушительными ракетами. Необходимо иногда взмыть в пространство нашего воображения, на много километров выше поверхности земли, туда, где новая модель телефона и ужасный лесной пожар уже не будут казаться столь значимыми, где даже самые неразрешимые проблемы отступят перед бесконечностью времени и мириадами звезд и галактик.

6.

Следует время от времени забывать о собственных новостях, с тем чтобы обратить внимание на такие странные, такие удивительные заголовки, касающиеся менее красноречивых видов живых существ, которые нас окружают, – на пустельг и снежных гусей, на притворяшек^[21] и сиреневых молей-пестрянок, на лемуров и маленьких детей, на всех существ, никоим образом не интересующихся нашими мелодрамами, которые могут служить противовесом нашим тревогам и эгоцентризму.

Достойная жизнь требует способности ощущать моменты, когда новости уже не содержат в себе ничего оригинального или важного, чтобы чему-то нас научить, в такие периоды нам следует отказаться от визуальной связи с посторонними, оставить управление государством, триумфы, возвышения, падения или убийства другим, понимая, что у нас есть собственные цели, к которым нам и следует стремиться в то короткое время, которое еще остается в нашем распоряжении.

notes

Примечания

Автор сознательно меняет цитату, изменяя на фамилию-имя-отчество Каренина.

Английский термин – gaffe journalism введен американским журналистом Майклом Кинсли/*Michael Kinsley* (p. 1951).

Газета (*φρ.*).

«Le Figaro/Фигаро» – не просто ведущая, но и одна из первых газет Франции. Основана в 1826 г., ежедневная – с 1866 г.

Так в западной литературе называют северокитайский язык, крупнейший из китайских языков, объединяющий близкие друг к другу китайские диалекты, распространенные на большей части Северного и Западного Китая.

Имя Юста Липсия (южнонидерландский гуманист и знаток классической латыни, известный своими теориями относительно политики и нравственности, 1547–1606) носит здание (Justus Lipsius building), в котором заседает Совет Европейского союза.

«Оксфам/Oxfam» – международное объединение из 17 организаций, работающих в более чем 90 странах по всему миру. Целью деятельности объединения является решение проблем бедности и связанной с ней несправедливости во всем мире.

Портленд-Плейс/*Portland Place* – улица в центральной части Лондона, на которой расположено здание Би-би-си.

Табуле/ tabouleh – салат, распространенный в странах Средиземноморья.

Эджбастон/Edgbaston – район Бирмингема.

Джордж Элиот / George Eliot (настоящее имя Мэри Энн Эванс / Mary Ann Evans, 1819–1880) – английская писательница.

ЮВА-БВ-ЗЕ/SEA-ME-WE-4 – аббревиатура Юго-Восточная Азия – Ближний Восток – Западная Европа/South East Asia – Middle East – Western Europe 4 (SEA-ME-WE 4) – оптико-волоконный подводный кабель, протянувшийся от Марселя до Сингапура. Общая длина 18 800 км.

Лувомбо/ luwombo – традиционное угандийское мясное блюдо.

В России схожая поговорка: «Помер Максим, да и хрен с ним».

ДНП/MZM (денежное нулевое погашение/ Money Zero Maturity) – мера объема денежной массы в экономике.

ВВП/GDP – валовой внутренний продукт /Gross Domestic Product.

Генгульф Бургундский/ Gengulphus of Burgundy – бургундский рыцарь, погиб в 760 г. от руки любовника жены. Вскоре после смерти был канонизирован.

Свершившиеся факты (*лат.*).

Тиссайд/Teesside – городская агломерация на северо-востоке Англии.

Ванитас от латинского *vanitas*, дословно – суета, тщеславие.

Притворяшки – семейство жуков из подотряда Malacodermata.